

Сергей Снегов
Люди как боги - 1 (редакция 1966 года)

Люди как Боги – 1

«
Первая книга трилогии Сергея Снегова "Люди как боги" в изначальной, несокращённой редакции, опубликованная в сборнике "Эллинский секрет" в 1966 году.

Часть первая
Змеёдевушка с Веги

Из Фраскатти в старый Рим
Вышел Петр Астролог.
Высоко чернел над ним
Неба звездный полог.
Он глядел туда, во тьму,
Со своей равнины.
И мерещились ему
Странные картины.
Н. Морозов

Я человек: как бог я обречен
Познать тоску всех стран и всех времен.
И. Бунин

Для меня эта история началась с того, что на второй день после возвращения на Землю, во время прогулки над кратерами Килиманджаро, я повстречал Лусина верхом на огнедышащем драконе.

Я не люблю летать на драконах. В них что-то от древнего театра. А неповоротливых пегасов я попросту не терплю. Для полетов на Земле я беру обычную авиетку — так и надежней и удобней. Но Лусин без драконов не мыслит передвижения. В школе, когда эти дурно пахнущие чудища лишь входили в моду, Лусин вскарабкался на учебном драконе на Джомолунгму, Дракон вскоре подох, хоть был в кислородной маске, а Лусину запретили месяц появляться в конюшне. С той поры прошло сорок три года, но Лусин не поумнел. Он твердит, что в нём играет душа его предков, обожествлявших эти странные существа, по-моему же — он оригинальничает. Андре Шерстюк да он готовы вывернуться наизнанку, лишь бы чем-нибудь поразить, — такой уж это народ!

И когда с Индийского океана понесся крылатый змей, окутанный дымом и пламенем, я сразу понял, что на нем Лусин. Лусин выкрикнул приветствие и приземлился на обрыве кратера Кибо. Я покружился в воздухе, рассматривая его зверя, потом тоже сел. Лусин побежал ко мне, мы сердечно пожали друг другу руки. Мы не виделись два года. Лусин наслаждался моим удивлением.

Дракон был крупный, метров на десять. Он бессильно распластался на камнях, устало закрыл выпуклые зеленые глаза, его худые бока, бронированные оранжевой чешуей, вздувались и западали, вспотевшие крылья подрагивали. Над головой зверя клубился дым, при выдохе из пасти вырывалось пламя. Огнедышащие драконы были мне внове.

— Последняя модель, — сказал Лусин. — Два года выводил. Инфовцы хвалят. Хорош, нет?

Лусин работает в Институте Новых Форм — ИНФе — и не устает хвастаться, что у них создают живые новообразования, до каких природа не доберется и за миллиард лет. Кое-что, например говорящие дельфины, у них и вправду получалось неплохо. Дымящий, как вулкан, змей не показался мне красивым.

— Вся эта бутафория ни к чему. Если, конечно, вы не задумали пугать им детишек.

Лусин любовно похлопал дракона по одной из его двенадцати лягушачьих ног.

— Эффектен. Повезем на Ору. Пусть смотрят.

Меня раздражает, когда говорят об Оре. Половина моих друзей летит туда, а мне не повезло. Меня бесит не их удача, конечно, а то, что они превращают интереснейшую встречу с обитателями иных миров в примитивную выставку игрушек. Каких только изделий не ташат на Ору!

— Чепуха! Никто там не взглянет на твое ископаемое. Каждый звездожитель сам по себе удивительней всех ваших диковинок. Думаю, машины заинтересуют их куда больше.

— Машины — да! Звери — тоже да. Все — да!

— И ты — да! — передразнил я. — Вот уж образец человека пятого века: рыжеволосый, рыжеглазый, рост метр девяносто два, возраст — под шестьдесят, одинок. Как бы там в тебя не влюбилась мыслящая жаба. И на драконе не удерешь!

Лусин улыбнулся и покачал головой:

— Завидуешь, Эли. Древнее чувство. До драконов.

Понимаю. Сам бы на твоём месте.

Лусин говорит словно иероглифами. Мы привыкли к его речи, но незнакомые не всегда его понимают. Он, впрочем, не любит толковать с незнакомыми.

Его укор расстроил меня, я с возмущением отвернулся. Лусин положил мне руку на плечо.

— Спроси — как? — попросил он печально. — Интересно.

Я кивнул, чтоб не огорчать Лусина равнодушием. Из рассказа я понял, что в желудке у дракона синтезируются горючие вещества и что самому дракону от этого ни холодно, ни

жарко. Лусин работает над темой: «Материализация чудовищ древнего фольклора», огнедышащий дракон — четвертая его модель, следующие за ней формы — крылатые ассирийские львы и пресмыкающиеся египетские сфинксы.

— Хочу бога Гора с головой сокола, — сказал Лусин. — Еще не утверждено. Надеюсь.

Я вспомнил, что Андре везет на Ору сочиненную им симфонию под названием «Гармония звездных сфер» и что первое исполнение симфонии состоится сегодня вечером в Каире. Я с сомнением отношусь к музыкальным способностям Андре, но лучше уж музыка, чем дымящие змеи.

Лусин вскочил.

— Не знал. Летим в Каир. Я впереди. До ракетной станции.

— Сам наслаждайся ядовитыми парами своего уroda, — сказал я. — А я по старинке: раз, два, три — и ста километров нет!

Мне удалось обогнать Лусина минут на двадцать. Пока он выжимал из своего оранжевого тихохода последние километры, я договорился, чтоб дракона покормили в стойле пегасов. На каждой ракетной станции теперь имеются конюшни крылатых коней — специально для туристов. Просьбу мою встретили без энтузиазма, особенно когда узнали, что змей огнедышащий. Задиристые пегасы ненавидят смиренных драконов и, чуть их заметят, сейчас же яростно обрушиваются сверху. Конечно, ни копыта, ни зубы ничего не могут поделаться с чешуей, но вздорные лошади упрямо атакуют до изнеможения. Не понимаю, что побудило когда-то греков избрать для поэтических полетов этих быстро устающих в воздухе животных. Я предпочел бы устремляться в художественные высоты на кондорах и грифах, — те поднимаются выше и отлично парят над Землей.

Я помахал рукой медленно приближающемуся Лусину.

— Торопись, а то опоздаем! Можешь оставить своего вулканоподобного детеныша здесь. Пегасов к нему обещали не подпускать.

2

Первым, кого мы повстречали в Каире, был Аллан Круз, тоже из школьных товарищей. Он прилетел часа за два до нас и шел с чемоданчиком из Палаты Звездных Маршрутов. В чемодане у него, как всегда, книги. Аллан обожает это старье. В этом отношении он схож с Павлом Ромеро — тот тоже не отрывается от книг. Павлу они требуются по роду занятий, Аллан же возится с ними для забавы. Острее ощущаешь современность, когда поглядишь рассыпающиеся журналы двадцатого века, говорит он, посмеиваясь. Он или сердится, или хохочет, гнев и радость не крайние, а соседствующие состояния его психики. Если он не возмущен, то ликует — от одного того, что не возмущен.

Узнав, куда мы идем, он остановился.

— Да зачем было мчаться в Каир? Включили бы концертный зал и наслаждались музыкой издалека.

Я потянул его за рукав. Я не люблю, когда люди ни с того, ни с сего замирают на полушаге.

— Симфонию Андре надо слушать в специальных помещениях. Его музыка не удовольствие, а тяжелая физическая работа.

Аллан пошел с нами.

— Мне надо поговорить с Андре, — сказал он грозно. — Я расправлюсь с ним на концерте. Последняя модель его передвижных дешифраторов никуда не годится.

— Умерь шаг и не махай чемоданом перед моим носом. У тебя там, наверно, килограммов пятьдесят?

— Шестьдесят три. Послушайте, какой конфуз приключился с нами на Проционе из-за легкомыслия Андре.

О конфузе на Проционе мы уже слыхали. Все на Земле и планетах знали об этом происшествии. Экспедиция Аллана испытывала облегченную модель Звездного Плуга — для

скоростных пассажирских перевозок. В окрестностях Солнечной системы разгоняться запрещено, и одиннадцать с половиной световых лет пути они проделали за тридцать девять ходовых суток. В созвездии Малого Пса тоже усердствовать не пришлось, там они обгоняли свет всего в сто раз. Зато именно в этом созвездии, в планетной системе Проциона, они, так и не узнав сами, совершили наконец предсказанное пять столетий назад открытие — обнаружили мыслящие мхи. На второй из трех планет Проциона не хватало света и тепла и скалы покрывал рыжий мох. Астронавты ходили по мхам, изучали их приборами, но нашли лишь, что от растений исходят слабые магнитные волны. А когда экспедиция возвратилась на Землю, Большая Академическая машина расшифровала, что записанные излучения — речь. Удалось разобрать предложения: «Кто вы такие? Откуда? Как вы развили в себе способность передвижения?». Неподвижные мхи больше всего поразило человеческое искусство ходьбы.

— Во всем виноват дурацкий ДП-2! — гремел Аллан на всю улицу. Он всегда говорит очень громко. — Он, конечно, лучше наручных дешифраторов, те годятся лишь для бесед с собаками и птицами. Например, на Поллуксе, в Близнецах, мы неплохо потолковали с высокоорганизованными рыбами. Забавные nereиды генерировали ультразвуковые волны, мы научились переводить свои слова в такие же волны. Впрочем, вы об этом знаете по передачам... Но для трудных случаев прибор Андре не годится. Удивительно беспомощная машина, а выдана за последний крик техники!

Аллан вдруг оборвал речь и снова остановился. Я хотел еще нетерпеливей дернуть его за рукав, но меня поразило выражение его лица.

— Совсем забыл, братцы! — сказал он и оглянулся, как бы боясь, что кто-то подслушает. — В Палате Звездных Маршрутов сегодня получено удивительное сообщение. Толком никто ничего не знает, а в общих чертах — открыты новые разумные существа. Что-то вроде настоящих людей. И похоже, в их обществах свирепствуют междоусобные войны куда посерьезней, чем древние человеческие.

Сейчас мне странно и удивительно то безразличие, с каким мы слушали Аллана. Вся история человечества переламявалась, — теперь это ясно каждому школьнику. А мы с Лусином даже не поинтересовались, кто доставил информацию и чем именно новооткрытые существа похожи на людей. Я лишь высказал предположение, что они обитают далеко от ближайших звезд: в нашем районе Галактики ни о чем похожем на них еще и слыхано не было.

— Не знаю, — ответил Аллан. — Большая Академическая второй день обсчитывает полученную информацию. Завтра-послезавтра нас всех ознакомят с результатами обработки.

— Подождем до завтра, — сказал я. — А если и до послезавтра, так я тоже стерплю.

Лусин был того же мнения. Концерт Андре занимал его больше, чем информация о последних открытиях. В эти месяцы перед совещанием на Оре мы только и слышали, что о новых разумных существах, обнаруживаемых звездными экспедициями. Мы как бы потеряли ощущение необычности. Удивительное стало обычным.

— Толпа! — сказал Лусин, ткнув вперед пальцем. — Мест не хватит. Поторопимся.

Мы прибавили шаг. Огромный Аллан вынесся вперед. Он и в школе ходил быстрее всех, в его шаге метр и две десятых.

Я крикнул:

— Захвати для нас с Лусином два местечка рядом с собой!

В концертный зал вливалось два потока людей. Западные двери были к нам ближе, и мы направились туда. Аллан проник в голову потока, под прикрытием его широкой спины двигался Лусин, за Лусином я. У дверей случилась неприятность, порядком попортившая мне настроение. Какая-то худощавая некрасивая девушка резко отодвинулась от пробивающего себе дорогу Аллана, и на нее налетел я. Она с негодованием обернулась. У нее была тонкая высокая шея и темные глаза. Возможно, впрочем, что они потемнели от гнева.

— Грубиян! — сказала она. Голос у нее был мелодичный, низкого тона. Лицо ее

портили широкие брови, такие же черные, как ее глаза.

— Вас тоже не обучали вежливости! — огрызнулся я, но она, похоже, не услышала. В первый момент я так растерялся от ее грубости, что промолчал, а когда сообразил, как отвечать, мы уже были впереди.

В зале, сидя между Лусином и Алланом, я раза два вставал и осматривался, отыскивая эту худошавую девушку. Но среди двадцати восьми тысяч человек, заполнивших концертное помещение, обнаружить ее было непросто. Могу сказать одно: в те минуты перед концертом возмущение на ее лице растревожило меня больше, чем загадочное сообщение Аллана.

3

— Андре! — сказал Лусин. — Вот чудак!

Андре и на концерте не удержался от озорства. Вместо того чтоб показаться на стереозэкране и оттуда улыбнуться публике, он вышел на сцену. Он казался крохотным на пустой площадке. И он произнес речь: что-то о Земле и звездах, небожителях и людях, полетах и катастрофах — все это, он уверял, отражено в его космической симфонии. Мне так это надоело, что я крикнул: «Хватит болтовни!» Если бы я знал, что усилители настроены на все звуки в зале, я бы вел себя поосторожней. Мой голос оглушительно отразился от потолка, в ответ понесся такой же громовый хохот.

Андре, не смутившись, весело воскликнул:

— Будем считать ваши нетерпеливые крики увертюрой к симфонии.

После этого он исчез, и дико грянула музыка звездных сфер.

Прежде всего, мы провалились. Мы недвижно сидели в своих креслах, от неожиданности вцепившись в ручки, и вместе с тем ошалело неслись вниз. Состояние невесомости наступило так внезапно, что у меня защемило сердце. Думаю, другие зрители чувствовали себя не лучше. А потом зазвучала тонкая мелодия, в воздухе поплыли клубящиеся разноцветные облака и возвратилась тяжесть. Мелодия усиливалась, электронный орган гремел во все свои двадцать четыре тысячи голосов, цветковые облачка пронизало неистово пляшущее сияние, все пропало в кружащемся многокрасочном дожде искр, не было видно ни стен, ни потолка, ни дальних соседей, а ближние вдруг превратились в какие-то факелы холодного света. И тут свет стал теплеть, мелодия убыстрилась, увеличилась тяжесть, в воздухе волнами пронеслась жара. Я уже собирался сбросить пиджак, как зал озарила синяя молния, все кругом запылало зловещими фиолетовыми пламенами и нестерпимо ударил ледяной ветер. Никто не успел ни отвернуться, ни защитить лицо руками. Оледенение разразилось под свист и жужжание электронных голосов. Перегрузка быстро увеличивалась, легким не хватало кислорода. Снова взревели трубы, запели струны, зазвенели медь и серебро, в фиолетовой тьме зажглись оранжевые языки. Ледяное дыхание сменилось волнами теплоты, перегрузка падала, превращаясь в невесомость. Воздух, ароматный и звучный, сам лился в горло, голова кружилась от тонких звуков, нежных красок, теплоты и легкости в теле.

Так повторялось три раза — багровая жара под грохот труб и невесомость, стремительно нарастающий, пронзительно синий холод под перегрузку, почти удушье, мелодичное розовато-оранжевое возрождение, овеванное теплотой. А потом в последний раз ударил мороз, промчалась жара, и, уже по-обычному, солнечно вспыхнул потолок концертного зала.

Первая часть симфонии кончилась.

Со всех сторон неслись восклицания и смех. Кто-то кричал, кто-то оттирал застуженные щеки, кто-то зычно орал: «А ну, автора сюда! А ну, автора!» Большинство торопилось к выходу.

— Он с ума спятил! — негодовал Аллан. — Даже от Андре не ожидал такой нелепицы! Зачем вы меня сюда притащили?

Лусин молча наблюдал за взволнованными зрителями, а я возразил:

— Никто тебя не тянул, ты сам пришел. И что тебя ожидает, знал отлично. Я предупреждал, что музыку Андре могут вынести лишь здоровяки.

— Я здоровяк, но и мне нестерпимо! Неужели и во второй части такой же страх?

Я протянул ему пригласительный билет. На нем было напечатано: «Андре Шерстюк. Гармония звездных сфер. Симфония для звука, света, тепла, давления и тяжести. Часть первая — Круговорот миров. Часть вторая — Люди и небожители. Часть третья — Вечное как жизнь».

Аллан хмыкнул и повеселел.

— Здесь еще одного компонента не хватает: запаха, — пророкотал он, посмеиваясь. — Вот бы смердящее аллегро и благоухающее адажио! Чтоб полнее впечатление, как по-вашему?

— Успех! — сказал Лусин. — Все потрясены. Равнодушных нет. А?

— Не «а», а «ч». Чепуха, — поправил я. — На вторую часть осталась лишь треть зала.

— Новизна. Понимают не сразу.

— Занимайся лучше своими диковинными новыми формами, а не музыкой, — посоветовал я. — Твоего бога Гора с головой сокола, может, удастся приспособить на дальних планетах для защиты от летучих мышей, а на что пригодится новое творение Андре?

4

После неистовой первой части вторая показалась спокойной. Возможно, впрочем, что мы пообтерпелись. Главным в ней был свет — клубящаяся зеленовато-желтая тьма, красные вспышки, змеящиеся фиолетовые полосы, искры и стрелы, рушащиеся с потолка, как при полярных сияниях, потом все постепенно затянуло розовым, теплым туманом, в нем хотелось понежиться, чувства и мысль засыпали. Все это происходило под мелодичное звучание электронных голосов, тяжесть и давление то мерно нарастали, то исчезали, холод налетал не так пронзительно, как раньше, сменявшая его жара не так обжигала. В общем, эта часть мне понравилась. Ее можно было терпеть, а для произведений Андре это уже немало.

Зато в третьей части нам снова досталось. «Вечное как жизнь» могло вогнать в гроб любого. Андре, видимо, хотелось доказать, что жизнь штука непростая, и он достиг цели. Нас обжигало, леденило, оглушало, ослепляло минут двадцать, если не больше. Симфония окончилась, а в зале все сидели, опоминаясь. У некоторых был до того измученный вид, что я расхохотался. Аллан шумно ликовал. Так с ним всегда. Необычное сперва озадачивает его, потом приводит в восторг.

— Крепкая симфония! — орал он. — Обрушить этаким концертище на существ с Альфы Центавра или Сириуса — там они не очень костисты, — останется мокрое пятно! Нет, здорово!

По пустеющему залу разнесся голос: друзей автора симфонии просили к восточному выходу. Аллан помчался, обгоняя выходящих, мы с Лусином не торопились. Я знал, что Андре меня дождется.

У восточного входа быстро скопилась кучка приятелей. Я устал пожимать руки. Хорошенькая Жанна Успенская, жена Андре, сияла. Она неумеренно торжествует, если Андре что-нибудь удастся, и надо сказать, ей часто приходится торжествовать. В данном случае, впрочем, она могла бы радоваться и не столь открыто.

Она громко сказала:

— Ты изменился, Эли! Просто не верится, такой ты загорелый и добрый. Послушай, ты не влюбился?

Я знал, почему она говорит громко, и мне это не понравилось. К нам приближались Леонид Мрава с Ольгой Трондайк. Грозный Леонид на этот раз казался почти веселым, а Ольга, как всегда, была уравновешенна и светла. Она, конечно, поняла намек Жанны, но и виду не подавала, а Леонид с такой силой тряхнул мою руку, что я охнул. Этот великан — они с Алланом вымахнули до двух метров тридцати — вбил себе в башку, что я стою у него на

дороге. Боюсь, Ольга поддерживает в нем это заблуждение. Это тем удивительней, что, не в пример Жанне, Ольга совсем лишена кокетства.

— Я рада, что вижу тебя, Эли, — сказала Ольга. — Ты, кажется, улетал на Марс?

— А чего я не видал на Марсе? — буркнул я. — Мы монтировали седьмое искусственное солнце на Плутоне, слыхала о таком?

— Конечно. Желто-красный карлик нормальной плотности, мощность восемь тысяч альбертов. Я недавно вычислила, что этой мощности не хватит для нормального функционирования. Ты не ознакомился с моей запиской, Эли?

— Нет. От твоих записок у меня голова болит — так они учены!

Ольга не обиделась и не огорчилась. Она слушала, ровная и розовощекая. Уверен, она и не вдумывалась в содержание моих слов, с нее достаточно, что я говорю. Она слушает один мой голос.

Жанна воскликнула, встряхивая локонами, они у нее длинные и так светлы, что издали кажутся седыми:

— Ты не ответил на мой вопрос, Эли!

— Да, — сказал я. — Влюбился. И знаешь в кого?

В тебя. Я долго скрывал, но больше нет сил. Что ты теперь собираешься делать?

— Переживу, Эли. А может, расскажу Андре, пусть он знает, каковы его друзья.

Она повернулась ко мне спиной. Жанна так хочет всем нравиться, что сердится, когда над этим подшучивают.

— У Аллана интересное сообщение, — сказал я, чтоб перевести разговор на другое. — Аллан, повтори-ка, что ты говорил нам о новых открытиях.

И снова, как перед тем и мы с Лусином, никто не отнесся серьезно к новостям Аллана. Его выслушали равнодушно, словно он делился пустяками, а не самой важной информацией, когда-либо полученной человечеством. Сегодня, вспоминая те дни, я стараюсь и не могу понять, почему нами владело тогда такое непростительное легкомыслие. Оно было тем непостижимей, что Леонид и Ольга, капитаны дальних звездолетов, уже и в то время слыли опытными астронавтами. Кто-кто, а они должны были сообразить, что означает открытие в звездных мирах, на наших галактических трассах, существ, равных нам по разуму и могуществу. Леонид поступил еще легкомысленней, чем я. Он попросту отмахнулся от Аллана. Наше маленькое искусственное солнце на Плутоне интересовало его больше.

— Удивляюсь вашему консерватизму, — сказал он. — Сперва монтируете огромный спутник, потом разжигаете, пока он не превратится в крохотное светило, и тратите на это несколько лет, как два столетия назад наши деды. А зачем? Звездный Плуг за сутки работы зажжет десяток искусственных солнц всех запроецированных размеров и температур. Не нужно ни монтажа, ни разогрева, короче, ничего, кроме приказа: зажечь и доставить на место солнце!

— Совершенно верно! — подхватил Аллан, мигом забывший о своих странных новостях. Он обрадовался, что хвалят Звездный Плуг, и захохотал. Он безмерно гордится своим кораблем. — Для нас это сущий пустяк — скатать аккуратненькое солнышко и подбросить его нуждающейся в теплоте и свете планетке.

— Хорошо! — сказал Лусин. — Очень. Даже — очень, очень! Зажечь и доставить! Замечательно. А?

— Великолепно! — сказал я. — Много лучше пожаров, которые ты разжигаешь в животах бедных драконов. Кстати, почему, в самом деле, не используют для создания малых солнц Звездные Плуги?

Ольга сказала рассудительно, иначе она говорить не умеет:

— Создание солнц с помощью Звездных Плугов, вероятно, было бы проще. Но их запуск в окрестностях нашей системы грозит нарушением равновесия космического пространства. Не хотите же вы, чтоб Сириус налетел на Процион, а Проксима Центавра ударилась о Солнце?

Леонид сказал:

— Реальность такого катастрофического нарушения равновесия не доказана...

— Никто не доказал и обратного, — возразила Ольга. — Решение может дать опыт, неудачный же опыт — непоправим.

Из концертного зала вышли Андре с Павлом Ромеро. Появление Павла было так неожиданно, что я в восторге побежал к ним навстречу.

5

Раньше я все же тряхнул руку Андре, потом угодил в объятия Павла. Ромеро после разлуки не здоровается, а обнимается, он говорит, что этот обычай раньше существовал во всех цивилизованных племенах. Хорошо еще, что он не целуется, — был, кажется, и такой странный обряд приветствования.

— Это вы, Эли! — сказал он важно. — Ясно вижу, что это вы!

Они стояли передо мною, плечо к плечу, улыбающиеся, довольные, а я жадно их рассматривал. Оба были невысокие, всего метр девяносто один каждый — меньше, чем Лусин и я, — широкоплечие, молодые: Андре пятьдесят семь лет, он ровесник мне и Лусину, Ромеро на пять лет старше. На этом сходство заканчивается, все остальное, от облика до привычек, вкусов и поступков, у них не только различно, но и противоположно. Ромеро ни на кого не походит, кроме себя, даже его усы и борода-эспаньолка мало напоминают окладистые бороды и усы на портретах доисторических королей, хотя он утверждает, что скопировал их не то с римского цезаря, не то с американского президента, — в общем, с какого-то из владык древних республик. И он всюду для забавы таскает трость. Он и обнимал меня, не выпуская трости.

Но если Ромеро ни на кого не похож, то Андре долго не бывает похожим на самого себя. При каждой встрече Андре иной и неожиданный. Если бы он не был гениален, я бы сказал, что он тщеславен. В школе он менял волосы чаще, чем костюмы. На пятом курсе второго круга он удалил доставшиеся ему от природы каштановые кудри и вывел черные и прямые волосы, а на третьем круге растительность на голове менялась год от года: гладкие волосы сменились локонами, за ними появились пучки, похожие на кочки, потом он был сияюще лыс, затем снова завел волосы, на этот раз короткие и колючие, как проволока. «На твоей прическе можно принимать передачу с Фомальгаута», — говорили мы, но шутки на Андре не действуют. Цвет волос тоже менялся: кудри были золотые, потом превратились в воронные, а проволокоподобная поросль обжигала малиново-красным, так что голова пылала на свету, как головешка, — Андре считал, что такое сверкание ему к лицу.

На этот раз у Андре были мягкие каштановые кудри, такие же длинные, как у Жанны. Во всяком случае, это красивее, чем малиновая проволока.

— Ты загорел, Эли! — сказал Андре то же, что Жанна. — Неужели солнца на Плутоне так пламенны?

— Это результат концерта, — возразил я. — Твоя симфония чуть меня не испепелила. А один старичок хватался за сердце.

— Тебе не нравится? Нет, правда, тебе не нравится, Эли?

— Как может вздор нравиться?

— Та же мысль, что и я высказывал, — подхватил Ромеро. — И те же слова, дорогой Андре, — вздор ваша симфония!

Жанна обняла Андре и показала мне язык.

— Не огорчайся, милый. Полчаса назад Эли басом объяснялся мне в любви: «Я у твоих ног. Что ты собираешься делать?». Как можно серьезно относиться к Эли?

Мы хохотали, даже Ольга улыбнулась. Андре продолжал огорчаться. Этот чудаковатый надеялся восхитить мир своей адской музыкой.

— Я могу объяснить, что не понравилось в концерте, — сказал я. — Но на это нужно время, Андре.

Он ответил:

— Давайте присядем в парке и побеседуем.

— Лучше походим по парку, — предложил Павел. — В старину философы любили беседовать, прогуливаясь. Почему бы нам не воспользоваться некоторыми их обычаями?

— Без ходьбы философия у древних не шла, — подтвердил Леонид. — Их поэтому называли ходоками.

— Перипатетиками, то есть прогуливающимися, любезный Мрава. Могу вас уверить, что ходоки, или иначе жалобщики, не имели отношения к философам.

Леонид промолчал. С Павлом спорить бесполезно. Он знает о древности все. К тому же, никто из нас не представлял себе, чем именно различались профессии жалобщиков и прогуливающихся. В старину было много удивительных ремесел. Я с детства не люблю вникать в их оттенки.

6

Мы двигались шеренгой под руки — Жанна, Ольга, Андре, Павел, Лусин, я, Леонид, Аллан. Я начал с того, что художественное произведение должно доставлять наслаждение, а не выматывать душу. А после симфонии Андре надо принять освежающий радиационный душ для восстановления сил. Кое-что и в ней неплохо — некоторые мелодии и цветовые эффекты, холод под перегрузку и жара под невесомость, но все это в таких дозах, так утрировано, что наслаждение превращается в страдание.

— Мне нравятся лишь музыка и цвета, — заметил Ромеро. — Должен признаться, друзья, что ваши модные перегрузки, невесомости, давление, жару и прочее душа моя не приемлет.

— Запаха не хватает! — повторил Аллан высказанную раньше мысль. — И знаете, — электрических уколов! Под грохот и вспышки, ледяной ветер и перегрузки эдакие ядовитые мураши, будто кто-то быстро-быстро перебирает когтями по телу. — Он захохотал.

Лусин проговорил с уважением:

— Мураши — хорошо!

— Не слушай их! — сказала Жанна. — Они тебя не любят. Одна я тебя понимаю. Я вынесла твою симфонию от начала до конца и только раз вскрикнула от страха.

— Нет, вы меня любите! — энергично сказал Андре. — Но вы заблуждаетесь, и вам надо всыпать. Сейчас я это сделаю!

А затем он произнес речь. Это было блестяще и вдохновенно, как и все, что делает Андре. Его слово в защиту симфонии понравилось мне куда больше симфонии. По его мнению, мы слишком люди и это плохо. В нашу эпоху, когда открыто множество разнообразных по форме и образу существования племен, человеку стыдно выдавать свой жизненный мирок за единственно приемлемый. Его земные обычаи годятся лишь для него, нечего их распространять за пределы Солнечной системы. Но разве человек не ощущает единство жизни во Вселенной, разве тысячи нитей не роднят его с диковинными существами иных миров? Это не общность деталей и внешности, нет, общность живого разума. Вот об этом, о единстве разумных существ Вселенной и трактует симфония. Моя музыка — не земная, но космическая, она раскрывает философскую схожесть всего живого. И если многое в симфонии для человека трудно, не беда, может, именно это придется по вкусу иным мыслящим существам. Кое-что вам понравилось, что-то понравится обитателям Веги, нечто третье порадует пришельцев с Фомальгаута, четвертое . придется по вкусу жителям Плеяд, — труд мой удался, если он затронет души разных существ. Моя симфония — это множество рук, протянутых друзьям во Вселенной. Не требуйте же, чтоб все эти руки пожимали одну вашу, не жадничайте — гармония Вселенной не исчерпывается той, что совершается в ваших душах!

Аллан в восторге подбросил шляпу вверх:

— Первая в мире симфония для видящих, слышащих, осязающих, ходящих и летающих! Нечто впечатляющее для глаз, ушей, лап, жабр, кожи, брони, хобота и присосков!

Ромеро насмешливо улыбался:

— Вы своим созданием строго указали бедному человеку на его скромное местечко во Вселенной, но сам- , то человек может не примириться с ролью чего-то среднего между остроумящей ящерицей и глуповатым ангелом. Вы не подумали об этом, Андре?

Андре ждал, что скажу я. Мне не хотелось его огорчать, но и отмалчиваться я не мог.

— Твои намерения прекрасны, Андре, но неосуществимы. Мне кажется, не существует произведений искусства, воздействующих на все разумные существа Вселенной. Человеческое — человеку. А мыслящим рыбам — нечто особое, может, вовсе чуждое нашему пониманию.

Не помню случая, чтоб Андре уступил противнику сразу. Он непременно поищет неожиданные ходы, изобретет запутанные варианты, те потребуют проверок, — лишь бы не признавать поражения.

— Пусть звездожители сами разрешат наш спор! Продолжим дискуссию на Оре!

Наступило замешательство. Мне было трудно смотреть на Андре.

— Разве ты не знаешь, — сказала Ольга с упреком, — что Эли не летит с нами на Ору?

7

Андре так огорчился, что мне его стало жаль. Он глядел на меня, словно не верил.

— Ничего тут не поделаешь, — сказал я. — Вы отправитесь знакомиться со звездожителями, а я, завершив командировочные дела на Земле, возвращусь монтировать искусственные солнца в небесах далеких планет.

— Зауспокойный тон не идет твоей насмешливой роже, когда ты это поймешь? — воскликнул Андре. — Я хочу знать, почему все так неожиданно повернулось?

Я объяснил, что неожиданного нет ничего. При отборе претендентов у меня не оказалось тех преимуществ, какими блистали мои друзья. Без Ольги, Аллана и Леонида дальние поездки невозможны — они инженеры и командиры космических кораблей. Андре тоже необходим: мало кто сравнится с ним в умении расшифровывать незнакомую речь. И Лусин нужен: он познакомится с иными формами жизни, некоторые из них попытается потом воспроизвести искусственно.

Тем более потребуется знаток старины Ромеро. Кто знает, не повторяют ли иные обычаи и законы новооткрытых обществ того, что уже некогда цвело и увяло на Земле? Ну, а кому там нужен я?

— В жизни не встречал большего глупца, чем ты! — закричал Андре. — Я спрашиваю о другом: добивался ли ты, чтоб тебя зачислили в экспедицию? Что ты сделал для этого?

Я терпеливо разъяснил Андре, что еще год назад записался на отборочный конкурс. Большая Государственная машина три месяца назад приступила к обработке данных. Всего нас было около шестидесяти миллионов человек, но после первой же отбраковки по возрасту и здоровью осталось три с четвертью миллиона.

— Ты был среди прошедших первую отбраковку?

— Да. Легче от этого мне не стало. Машина последовательно сужала круг отобранных. В конце концов осталось сто тысяч человек, удовлетворявших всем условиям конкурса, и среди них снова был я. И тогда бросили жребий. Мне выпала пустышка.

Некоторое время мы шли молча. Андре хмурился. Я догадывался, что он выискивает возможности возобновить мое ходатайство. Я был спокоен. Таких возможностей не существовало.

— Мы сделаем так, — сказал Андре. — Эли поедет вместо меня. Он отлично меня заменит.

Одна Жанна обрадовалась, что Андре остается. Мы хором ругали Андре. Наше возмущение было тем сильнее, что мы знали, как нелегко переубедить этого человека, когда он вобьет что-нибудь себе в голову.

— Без Эли не поеду! — твердил Андре. — Еще в школе мы мечтали, что первое

путешествие в иные созвездия совершим вместе. Поймите, мне не хочется расставаться с ним!

— Правильно, миленький! — быстро говорила Жанна. — И со мной не надо расставаться. Я тоже не хочу с тобой расставаться. Не слушай их!

Андре и без ее советов не слушал нас, мы кричали и перебивали друг друга. Потом в спор вступила молчавшая до того Ольга:

— В твоих действиях нет логики, Андре. Если Эли поедет вместо тебя, вам все равно придется разлучаться.

Андре зачастую в спешке хватается за первый попавшийся аргумент, не соображая, что тот повернется против него. Ошеломленный, он уставился на Ольгу. Этим воспользовался Ромеро.

— У меня возник один проект, — объявил он. — Я попрошу Веру помочь Эли.

Мне не хотелось, чтоб он обращался к Вере, но все замахали на меня руками.

— Через пять минут я лечу в Столицу, — сказал Павел. — Сейчас десять. В одиннадцать вы узнаете, Эли, благосклонна ли к вам судьба.

Он завершил эти напыщенные слова таким же напыщенным поднятием руки и удалился. Ромеро умница и добряк, но говорит и ходит, как древнеримский император.

Андре пригласил нас к себе в гостиницу. Лусин вспомнил о своем драконе: бедного дракона, вероятно, обижали пегасы. Леонид и Ольга торопились на галактическую базу, у Аллана тоже нашлись неотложные дела.

— Хотелось поругать тебя за дешифраторы, но придется отложить, — сказал он с сожалением.

Андре взял меня под руку.

— Погуляем еще и пойдем ко мне. Нет, я так рад, так рад, что вижу тебя, Эли!

8

В Каире я люблю летние вечера. Конечно, с тех пор как Управление Земной Оси научилось ориентировать в пространстве нашу планету, различие в климате разных широт смягчилось. Еще на моей памяти в Антарктике в иные зимы бушевали бесконтрольные снежные бури. Лет пятнадцать назад всерьез обсуждалось, не установить ли на Земле стационарный климат — вечное лето в тропиках, вечную весну на высоких широтах. Идею постоянной весны на шапках планеты и непрестанной жары в центральном поясе, однако, отвергли — и хорошо, что отвергли. Чувство жаждет перемен и противится однообразию. Нынешняя, расписанная по месяцам и неделям, смена тепла и холода, дождей и ясности, ветров и тишины мне по душе.

Однако каждое место на Земле имеет свою особую прелесть. Никакие старания метеорологов не придадут воздуху в Гренландии и Якутии южного аромата и неги. На севере мир суровей и светлее, а у тропиков природа задумчивей и нежней. Синий, напоенный выразительными, как крик, ароматами, южный вечер волнует меня своей музыкальностью, — возможно, это надо сказать по-иному, я просто не подберу слова точнее.

Именно так я и выразился, когда мы прогуливались с Жанной и Андре по бульвару под пальмами и кипарисами. Жанна сорвала амариллис, кроваво-красный, с дурманящим запахом. Садовые амариллисы на севере, более мне привычные, не пахнут. Этот изнемогал, источая благовоние, два-три вдоха из его распахнутой чаши заставляли усиленно биться сердце.

— Глупая! — Андре забрал цветок у Жанны. — Если Охранительница не заботится о тебе, то позабочусь я. В твоем состоянии надо быть осторожней.

Я поинтересовался, что за состояние у Жанны. Она мало изменилась за два года, что мы не виделись.

Андре объяснил, что они ждут мальчика. Он показал синтезированный по формулам портрет их ребенка, каким тот будет в десять лет. Я поразился, до чего малыш походил на

Андре — те же глаза, нос, подбородок. Оказалось, Жанна на четвертом месяце, и вчера, перед отлетом в Каир на концерт, Медицинская машина, обследовавшая Жанну, установила, когда будут роды, затем рассчитала и отпечатала будущий портрет сынишки.

— Вот генетический гороскоп Олега, мы хотим назвать его Олегом, — сказал Андре. — Чудный парень, не правда ли? Ты полюбуйся, какова степень его познавательных способностей, как высок индекс жизненной активности!

Индекс жизненной активности у малыша был на двадцать единиц выше, чем в свое время высчитали мне. И степень познавательных способностей незаурядна. Однако меня не так поразили способности их будущего сынишки, сколько его сходство с Андре. Все эти великолепные цифры, какими нас снабжают при рождении, не более, чем возможности: возможности нужно осуществить, чтоб они стали реальностью, а это штука непростая! Набор жизненных индексов, как они изложены в родовых паспортах, — потолок, до него надо еще дотянуться. А сколько людей проходит жизненный путь, не взяв возможную высоту. Пока человечество в целом ниже того уровня, какой ему внутренне присущ. Мы пока не дорастаем до себя, — вот беда нашего времени!

— Яркий пример неосуществленных возможностей — Павел Ромеро, — сказал я. — Разве у него не определили при рождении больших математических способностей? А он не терпит математики! Он любит одну историю!

— О тебе было вычислено, что ум твой критичен и насмешлив, — и разве это не так? — возразил Андре. — Ромеро — исключение. В Олеге же я уверен — он осуществит все, что предсказывают его генетические данные.

— Пока он лишь более похож на тебя, чем ты сам, ибо ты любишь менять свою естественную внешность.

Ты не прятался возле машины, когда Жанну просвечивали?

Они в голос запротестовали. Жанна надула губы. Она гордилась сходством своего будущего сына с отцом больше, чем его высчитанными заранее необыкновенными способностями. В природе женщин много необъяснимого. Достаточно сказать, что генетические гороскопы девочек осуществляются далеко не так точно, как гороскопы мальчиков.

— Роды, по расчету, будут нелегкими, — говорил Андре. — Жанне надо придерживаться строгого режима. Охранительница же, нерадивая, слишком редко одергивает мою неразумную жену!

— Охранительница, не сомневаюсь, исправно выполняет свои обязанности, а ты, как всегда, тревожишься попусту.

— С тобой временами неприятно спорить. Ты дотога логичен, что непереносимо. Рано или поздно ты женишься на Ольге, и вместо разговоров вы будете вычислять и обмениваться цифрами, как словами!

— Не смей! — сказала Жанна и обняла меня. — Эли — хороший, и я люблю его, а тебя нет. Я рада, что ты улетаешь надолго и оставляешь меня одну.

Слова Андре напомнили мне, что Ромеро обещал потолковать с Верой. Шел двенадцатый час. Я мог бы вызвать Веру по ее шифру. Не надо, решил я про себя, она подумает, что я упрашиваю ее.

Однако не прошли мы и двух шагов, как на аллее вспыхнул видеостолб и в нем загорелся силуэт Веры. Она сидела на диване и улыбалась мне. Я видел люстру и цветы справа, остальное терялось во тьме меж цветами и картинами. Слева от Веры кто-то стоял, мне показалось, что это Ромеро, но Вера поняла, куда я смотрю, и освещенное пространство сузилось, охватывая лишь ее.

— Брат, — сказала Вера, — ты мог бы по приезде на Землю явиться ко мне.

— У меня были дела по командировке, — сказал я. — И я не знал, что на вашей суматошной Земле стало модой ходить в гости.

— Ты мало изменился, Эли, — заметила она.

— Другие находят, что я очень изменился, — отозвался я.

Улыбка ее погасла. Она пристально, словно не веря, что это я, всматривалась в меня. Она раздумывала обо мне, чтоб не совершить ошибки. Такой я ее знал всегда — порывистой, резкой, но всегда справедливой.

— А теперь ты хочешь лететь на Ору?

— Разве запрещено человеку хотеть, что вздумается?

— Не все желания осуществляются, Эли.

— Я уже это изучал в курсе «Границы возможного» и, кажется, получил за благоразумие высший балл — двенадцать.

— Боюсь, твоего благоразумия дальше экзаменов не хватило.

— Я часто огорчился своему благоразумию на экзаменах.

Она засмеялась. Я люблю ее смех. Никто так не умеет смеяться, как Вера. Она словно освещается при смехе.

— Тебя не переговоришь, брат. Завтра вечером приходи. Обстоятельства стали другими, и, возможно, твое желание осуществится.

Я не успел ни поблагодарить, ни узнать, почему обстоятельства стали другими, — видеостолб погас. Андре в восторге пожал мою руку: — Итак, ты едешь с нами, Эли! — Вера сказала: возможно.

— Если Вера говорит: возможно, это значит — наверно!

Жанна тоже поздравила меня, но по-своему. Она сказала, что двумя сумасбродами на Земле станет меньше, а она устала от сумасбродств. Потом она прислушалась к себе.

— Охранительница требует, чтоб я легла, Андре.

Не понимаю, почему такая спешка, еще нет двенадцати.

Андре схватил нас с Жанной под руки.

— Немедленно в гостиницу! Я могу объяснить, что случилось. Ты сегодня чувствуешь себя хуже, но не знаешь этого, а Охранительница на то и Охранительница, чтобы все знать о нас.

Мы прошли в их номер. Жанна удалилась в спальню, а я вышел на балкон.

Внизу лежал спящий Каир, над ним раскинулась звездная полночь.

9

Может, я сентиментален, но у меня все внутри замирает, когда я остаюсь один на один со звездным небом. наших пастухов-предков охватывал страх при виде Вселенной, сверкающей на них тысячами бессмертных глаз, меня же охватывает восторг. Они и понятия не имели, как неисчислимо велик раскинувшийся вокруг мир, и все же ощущали себя исчезающе малыми перед лицом звездного величия. Я отлично знаю, сколько десятков и сотен парсеков до каждой из ярких звезд, но не чувствую себя ничтожным перед их грозной отдаленностью и громадой. Это блажь, в ней неудобно признаваться, но мне всегда хочется протянуть руки далеким мирам, так же вспыхивать и менять свой блеск, так же кричать, кричать во Вселенной сияющим криком!..

— Что с тобой? — спросил Андре, выйдя на балкон. — На тебе лица нет.

— Любуюсь небом — ничего больше.

Он сел в кресло и, тихо покачиваясь, тоже засмотрелся на звезды. Вскоре и у него стало странно восторженное лицо, как и у всех, кто делается сопричастен величественности мироздания.

Звездная сфера медленно вращала светила вокруг невидимой оси. Небо, бархатно-черное, было почти над головой, протяни руку — дотронешься до звезды! На севере, у горизонта, сверкала Большая Медведица, в зените горел исполинский Орион, неистово пылал Сириус, а пониже, тоже чуть ли не у горизонта, торжественно вздымался Южный Крест, в Киле полыхал багрово-зеленый костер Канопуса. Воздух был так прозрачен, что я легко различал светила седьмой величины, а от жгучего блеска нулевых и отрицательных глаз становилось больно.

Андре тихо проговорил:

— А там, в безмерных провалах Вселенной, мы будем тосковать по родной Земле. Знаешь, Эли, я иногда думаю о людях, которые улетали в космос до того, как был применен эффект Танева. Рабам жалких досветовых скоростей, им не хватало их маленькой жизни на возвращение, они знали это — и всё же стремились вперед.

— Ты хочешь сказать, что они были безумцы?

— Я хочу сказать, что они были герои.

Внизу тихо шумели листья пальм и акаций, всегда неподвижные кипарисы вдруг забормотали жесткими ветвями. Я закрыл глаза, улыбаясь. Прямо на меня низвергался оранжевый глаз разъяренного небесного быка — Альдебарана. Двадцать один парсек, шестьдесят пять световых лет разделяли нас. Где-то там, в стороне Альдебарана, летела невидимая искусственная планета — Ора.

— Четыреста двадцать лет назад в пространстве затерялись Роберт Лист и Эдуард Камагин с товарищами, — задумчиво сказал Андре. — Может, и сейчас их корабль несется шальным небесным телом, а мертвые космонавты сжимают истлевшими пальцами рукояти рулей. Как же страдали эти люди, вспоминая маленькую, зеленую, навеки недостижимую Землю!

Я обернулся к Андре:

— Почему такая печаль, мой друг?

— Я боюсь оставлять Жанну, — сказал он хмуро.

— Что за опасения! Неудачных родов давно не бывает.

— Да нет, не то!..

Он помолчал, словно колеблясь. Колеблется Андре лишь в случаях исключительных.

— Перед женитьбой мы с Жанной запросили Справочную о нашей взаимной пригодности к семейной жизни. И Справочная объявила, что мы подходим друг другу всего на тридцать девять процентов.

— Вот как! Никогда бы не подумал.

— Мы сами не ожидали. Очевидно, влюбившись, мы не замечали, что нас разделяло. Я был как пришибленный, Жанна плакала.

— Помню, помню, перед женитьбой ты ходил мрачный...

— Будешь мрачным! Соединиться, имея прогноз, что брак неудачен!.. Потом я сказал Жанне: ладно, пусть тридцать девять, да наши, в старину люди сходились при двух-трех сотых взаимного соответствия, ничего — жили!.. Она твердила, что мы друг другу быстро опротивеем, но я настаивал — пришлось ей уступить... Первые недели совместной жизни мы сдували друг с друга пушинки, во всем взаимно уступали, только бы не поссориться. Потом как-то остыли, и снова появился страх, не берут ли верх зловерные шестьдесят один процент над дорогими тридцатью девятью? Мы опять запросили Справочную. И что же? Взаимная наша пригодность составляла теперь семьдесят четыре процента!

— Ого!

— Да. Семьдесят четыре. Нам стало легче, но не очень. Ты напрасно улыбаешься. Пригоден я для Жанны или непригоден, но я не хочу ее терять. В день, когда была решена поездка на Ору, мы получили последнюю справку: наша взаимная пригодность достигла девяноста трех процентов — почти полное единение. Но и семь сотых лежат камнем на душе. Конечно, если бы я оставался на Земле...

— Все влюбленные глупы. Глядя на тебя, я радуюсь, что не влюблен.

— Это ругань, а не аргумент, Эли. — Андре уныло покачал головой. Я еле удержался от смеха, такое у него было лицо.

— Хорошо, послушай аргументы. Слыхал ли ты легенду о Филемоне и Бавкиде? Так вот, это была самая верная супружеская пара среди людей, и боги даровали им счастье умереть в один день, а после смерти превратили их в дуб и липу. Ромеро собрал все данные о Филемоне и Бавкиде и предложил Справочной просчитать их взаимное соответствие. Угадай, сколько получилось? Восемьдесят семь, на шесть сотых меньше, чем у тебя, чудак!

Ты должен петь от радости, а не печалиться!

На это Андре не нашел возражений, и я добавил последний аргумент. Они, на Земле, чересчур уж подчинили машинному программированию все проявления жизни. Я понимаю, совершаемую на Земле гигантскую работу по управлению всеми планетами осуществлять без автоматов невозможно. Но зачем отдавать машинному управлению те области, где легко обойтись собственным чутьем и разумом? Мы, на других планетах, действуем пока без Охранительниц и Справочных — и не погибаем! А когда я влюблюсь, я постараюсь ласкать возлюбленную, не спрашивая о взаимной пригодности, — сила нашей любви будет мерилом соответствия. Поцелуи, одобренные машиной, меня не волнуют! Я не Ромео с его увлеченностью стариной, но признаю, как и он, что многое у наших предков было разумнее: они не программировали свои влечения.

Андре фыркнул:

— А что ты знаешь о старине? Ты же невежествен в истории. Откуда ты взял, что наши предки не программировали общественной и личной жизни? А их обязательные социальные законы? Их правила поведения? Их так называемые нормы приличия? Разве все это не программа существования? Прошелся бы ты по любому из старых городов! Да там каждый шаг был до ужаса запрограммирован: переходи улицу лишь в специальных местах и лишь при зеленом свете, не задерживайся и не беги, боже тебя сохрани остановиться на мостовой, двигайся с правой стороны, а обгоняй слева — тысячи мельчайших регламентаций, давно нами забытых. А их еда на торжественных вечерах? Не то что программа — священный ритуал выпивок, закусок, чередования блюд и спичей! Я утверждаю противоположное тому, что говоришь ты: мы несравненно свободнее наших предков и наши машины безопасности и справочные лишь обеспечивают, а не стесняют нашу свободу. Вот так, мой неудачный машиноборец.

Мне трудно спорить с Андре. Он на доли секунды соображает быстрее меня и бессовестно этим пользуется. Он не дает времени подумать над возражениями.

— Мы отвлеклись от темы, — сказал я.

— Единственное, от чего мы отвлекаемся, — это от сна. Третий час ночи, Эли. Я лягу на кровать, а ты пристраивайся на диване, ладно?

Он ушел, а я задержался на балконе. Когда Орион повернулся над головой, я лег на диван и заказал Охранительнице музыку под настроение. Если бы Андре узнал, что я делаю, то закричал бы, что у меня нет вкуса и я не понимаю великих творений. Он обожает сильные словечки. Что до меня, то я считаю изобретение синтетической музыки для индивидуального восприятия величайшим подвигом человеческого гения. Она лишь для тебя, другой бы ее не понял. И древние Бах с Бетховеном, и более поздние Семенченко с Кротгусом, и шукари-модернисты Шерстюк с Галом творят для коллективного восприятия. Они подчиняют слушателя себе — хватают меня за шиворот и тащат, куда нужно им, а не мне. Иногда наши стремления совпадают, и тогда я испытываю наслаждение, но это не часто. Индивидуальная музыка как раз та, какой мне в данный момент хочется. Андре обзывает ее физиологической, но почему я должен бояться физиологии? Пока я живу, во мне совершаются физиологические процессы, от этого никуда не денешься.

Вскоре зазвучала тонкая мелодия. Я сам создавал ее, Охранительница лишь воспроизводила то, чего я жаждал. Грустные голоса скрипок звенели, тело мое напевало и нежилось, за сомкнутыми веками, в темноте, вспыхивали световые пятна. Сперва все это совершалось живо и громко, потом слабело, и я засыпал, борясь со сном, чтоб ощущать по-прежнему музыку. «Завтра будет... Что будет?... Завтра... день!» — возникла последняя смутная мысль, и она отозвалась во мне торжественно-радостной, радужно-зеленоватой мелодией.

Утром я узнал, что сегодня в средних широтах праздник Большой летней грозы, и

поспешил в Столицу. Андре с Жанной улетели на рассвете. Когда я подошел к гостиничному стереофону, на экране показался смеющийся Андре.

— Ты так крепко спал, что нам с Жанной было жалко тебя будить. После Веры приходи к нам.

На улицах Каира чувствовалось, что предстоят важные события, в воздухе проносились аэробусы и авиетки, шумели крылья пегасов, извивались молчаливые драконы. Я вскочил в аэробус, летевший к Северному вокзалу, и полюбовался сверху панорамой гигантского города. На земле Каир многоцветен и разнообразен, с воздуха все забивают две краски — зеленая и белая, но сочетания их приятны для глаз. Мы обогнали не меньше сотни пегасов и летающих змеев, пока добрались до вокзала. Экспрессы уходили на север поминутно.

Гроза, по графику, начиналась с двенадцати часов. На середине Средиземного моря мы врезались в первый транспорт облаков. Я знал, что с Тихого и Атлантического океанов заблаговременно подняты тысячи кубических километров воды и что их неделями накапливают на водных просторах, пока не придет время двинуть на материк. Но что и заповедное Средиземное море стало ареной тучесборов, было неожиданно. На Земле произошло много нового за два года, что я отсутствовал. Я пожалел, что узнал о празднике поздно: хорошо бы слетать на Тихий океан посмотреть, как гигантские облачные массы, спрессованные в десятикилометровый слой, внезапно приходят в движение и, опускаясь с высоты, куда их загнали, бурно устремляются по предписанным трассам в предписанные места.

Ветер был около тридцати метров в секунду, Средиземное море бурлило, с каждым километром за окном становилось темней. Через некоторое время поезд повернул на восток и вырвался на ясное солнце. Минут двадцать мы летели вдоль кромки туч. Я пораился, с каким искусством формируют транспорты облаков, — километровая толща тумана неслась таким четким фронтом, как если бы ее подравнивали под линейку. Переход из темноты в ясность был внезапен.

В Столицу мы прибыли в одиннадцать и высадились на пересечении Зеленого проспекта и Красной улицы. Чтоб не выходить на многолюдный в праздники проспект, я свернул на Красную. Это не самая красивая из двадцати четырех магистралей Столицы, но я ее люблю. Невысокие — в тридцать-сорок этажей — здания вздымаются кубами и многоугольниками, их опоясывают веранды высотных садов, уступы прогулочных площадок. Мне нравится яркость этой улицы. Красный цвет содержит тьму оттенков и полутонов. Одни здания взмывают малиновыми языками, другие простираются стеной багрового огня, третьи пылают оранжевой копной — и каждый не похож на соседа.

Однако и на Красной было много людей. Полеты на пегасах и драконах в Столице по-прежнему запрещены, зато сегодня жители высыпали в воздух на авиетках. Как всегда, усердствовала детвора, этому народу нужен лишь повод для шума, а разве есть лучший повод побеситься, чем Большая летняя гроза? Они отчаянно кувыркались над домами и деревьями. Я знал, что Охранительницы следят за ними, но становилось не по себе, когда малыши принимались соревноваться в падении с сороковых этажей. Один из этих десятилетних храбрецов с воплем обрушился на меня. Охранительница, разумеется, вывернула его авиетку, мальчишка пронесся мимо и повис, покачиваясь, метрах в десяти.

— Вот догоню тебя! — рявкнул я, стараясь сдержать улыбку.

— Не догоните. Я от всякого убегу.

И он тут же удрал наверх — выглядывать с орлиной высоты новую жертву.

На пересечении Красной улицы и Звездного проспекта стояли свободные авиетки. Я сел в одну и мысленно распорядился: «В Музейный город». Авиетка через три минуты опустилась на площадь Пантеона, около памятника Корове.

Приезжая в Столицу, я всегда захожу в Пантеон. Ныне сюда уже не вносят никого. Но могучие умы и характеры прошлых веков, своей деятельностью подготовившие наше общество, заслужили вечный почет — он был им оказан прадедами нашими, построившими Пантеон. На фронтоне дворца висит надпись: «Тем, кто в свое несовершенное время был

равновелик нам». Андре иногда смеется, что надпись хвастлива: задираем нос перед предками. А я в ней вижу равнение на лучших людей прошлого, желание стать достойными их.

Я прошел аллею памятников вымышленным людям, оказавшим влияние на духовное развитие человечества, — Прометею, Одиссею, Дон-Кихоту, Робинзону, Гамлету, Будде, мальчишке Геку Финну и другим — сотни поднятых голов, скорбных и смеющихся лиц. В стороне от них, у самой стены, приткнулась статуя Андрею Таневу, и я постоял около нее. Собственно, Танев жил, а не был придуман, о его жизни многое известно, хотя тюремные его тетради были найдены лишь через двести лет после смерти. Но правда так переплелась с выдумкой в истории Танева, что достоверно одно: в начале двадцатого века по старому летосчислению жил человек, открывший превращение вещества в пространство и пространства в вещество, названное впоследствии «эффектом Танева», этот человек долго сидел в тюрьме и вел свои научные работы в камере.

Скульптор изобразил Танева в тюремном бушлате, с руками, заложенными за спину, с головой, поднятой вверх, — узник вглядывается в ночное небо, он размышляет о звездах, создавая теорию их образования из «ничто» и превращения в «ничто». То, что мы знаем о Таневе, рисует его, впрочем, вовсе не отрешенным от Земли мыслителем, — он был человек вспыльчивый, страстно увлеченный жизнью, просто жизнью, хороша она или плоха. До нас дошли его тюремные стихи — нормальный человек на его месте, вероятно, изнывал бы от скорби, он же буйно ликует, что потрудился на морозе и пурге и, с жадностью проглотив свою пайку, лихо выпится. Вряд ли человек, радовавшийся любому пустяку, очень тосковал о звездах. Тем не менее Таневу первому удалось вывести формулы превращения пространства в массу, и он первый провозгласил, что придет время, когда человек будет как бог творить миры из пустоты и двигаться со сверхсветовой скоростью, — все это содержится в его тюремных тетрадях.

От Танева я прошел к голове Нгоро. Она стоит недалеко от статуй Маркса и Ленина, открывающих галерею реальных учителей и ученых человечества. Я всегда посещаю это место перед началом важного дела. Ромеро шутит, что я поклоняюсь памятникам великих людей. Правда тут одна: мне становится легче и яснее, когда я гляжу на этих людей и особенно на величайшего из математиков прошлого.

В середине галереи, на пьедестале, возвышается хрустальный колпак, а в колпаке покоится черная курчавая голова Нгоро. Она кажется живой, лишь плотно закрытые глаза свидетельствуют, что уже никогда не оживет этот могучий мозг. Нгоро до странности похож на Леонида — тот же широкий, стеною, лоб, те же мощные губы, мощные скулы, удлиненный подбородок, крутые вальки бровей, массивные уши — все в этой удивительной голове мощно и массивно. Но если выразительное лицо Леонида хмуро, его иногда сводит судорога гнева, то Нгоро — добр, глубоко, проникновенно добр. Когда еще в школе я узнал, что Нгоро попал в аварию и малоискусной медицине его века удалось спасти лишь голову, отделенную от плеч, меня поражало, что голова потом разговаривала, мыслила, смеялась, даже напевала, к ночи засыпала, на рассвете пробуждалась — жила, нормально жила тридцать два долгих года! Один древний музыкант, оглохнув, написал лучшую из своих симфоний, голова Нгоро, отделенная от туловища, довершила теорию создания научных систем, путем разложения любого экспериментального факта в математический ряд. И, приближаясь к голове Нгоро, я вспоминал, что друзья ученого часто плакали перед ним и Нгоро упрекал их за малодушие и твердил, что ему хорошо, раз он может еще приносить людям благо. Он скончался на шестьдесят седьмом году жизни. Он знал, что умирает, искусственное кровообращение могло продлить жизнь головы, но не могло сделать ее бессмертной. Он простился с друзьями, послал привет всему разумному и хорошему, что еще придет на Землю, и тихо, все с той же доброй улыбкой, заснул в обычное свое время, в начале ночи, — на этот раз навсегда.

И сейчас я стоял перед великой головой, а Нгоро улыбался черным лицом, и оно было такое, словно Нгоро уснул сегодня ночью, а не двести лет назад.

— Нгоро! — сказал я. — Добрый ясновидящий Нгоро, я хочу быть хоть немного похожим на тебя!

Ромеро, наверно, съязвил бы о молитве дикаря своему божку, а я так растрогался, что на глаза навернулись слезы. И, как всегда, когда я беседую с головой Нгоро, мне стало легко, и покойно, и радостно.

В это время снаружи зазвонили колокола, запели трубы.

— Тучи! Тучи! — кричали на площади.

Я побежал к выходу, вызывая через Охранительницу авиетку.

11

Тучи вырвались из-за горизонта и быстро заполняли небо. Я поспешил подняться над островом Музейного города — остров окружают три кольца высотных домов, заслоняющих видимость. Первое кольцо, Внутреннее, еще сравнительно невысоко, этажей на пятьдесят—шестьдесят, но второе, Центральное, вздымающееся уступами, гигантским тридцатикилометровым гребнем опоясывает город, и, где бы человек ни стоял, он видит в отдалении стоэтажные громады этого хребта, главного жилого массива Столицы.

Рядом со мной взлетали сотни других авиеток, а над городом их было уже так много, что никакой человеческий мозг не смог бы разобраться в созданной ими толчее. Я вообразил себе, что выйдет из строя Большая Государственная машина и Охранительницы веселящихся в воздухе жителей Столицы потеряют с ними связь, и невольно содрогнулся: люди, налетая один на другого, рушились бы на крыши и мостовые, превращались в кровавое месиво. К счастью, на Земле аварий не бывает.

Тучи летели стеной и за минуту закрыли половину небосвода. Мир вдруг распался на две части: одна — черная, вздыбленная ветром — пожирала вторую — сияющую, лениво-успокоенную. Дико налетел ураган, авиетки повернули на него носы и закачались, форсируя мощности. Я приоткрыл окно и чуть не задохся от удара несущегося воздуха. Даже на этой высоте было слышно, как осатанело ревет буря. А потом нас сразу, без перехода, охватила тьма. Я уже не видел летящих рядом, и меня никто не видел. Я знал, что машины безопасности охраняют нас, но на миг мне стало страшно, и я повернул к городу. То же, вероятно, испытывали другие: когда первая молния осветила пространство, кругом все катили вниз. Выругав себя за трусость, я направил авиетку в переплетение электрических разрядов.

Может, я ошибаюсь, но в этом летнем празднике, мне кажется, всего прекрасней не гроза, но приближение ее — неистовый полет туч и сражение молний. Вспышки света и грохот воздуха приводят меня в смятение. Я ору и лечу в крохотной авиетке, сам подобный шаровой молнии. В глубинах каждого из нас таятся дикие предки, поклонявшиеся молнии и грому. Различие меж нами, может, лишь в том, что они суеверно падали на колени перед небесным светопредставлением, а мне хочется померяться мощью со стихиями природы. По графику световым разрядам отведено всего двадцать минут, и я устремился в центр разряда, где накапливались высокие напряжения, — толчок воздуха здесь подобен взрыву, а яркость электрического огня ослепляет даже сквозь темные очки. Это спорт смелых, так мне кажется. Многие считают его забавой безрассудных.

Невдалеке вспыхнула молния с десятками изломов и отростков, похожая на исполинский корень. Параллельно ей зазмеилась другая, а сверху ударила третья. Все слилось в разлив пламени. Мне померещилось, что я угодил в центр факела и испепелен. Но все три молнии погасли, а на меня — чуть ли не во мне самом — обрушилась гора грохота. Ослепленный и оглушенный, я на секунду потерял сознание: авиетка рухнула вниз и остановилась лишь над крышей дома. В одной из приземлившихся машин я увидел вчерашнюю невежливую девушку с высокой шеей. Я помахал ей рукой и взмыл в новое сгущение потенциалов. Попасть в разряд на этот раз не удалось; авиетка вышла на параллельный полет. Я понял, что вмешалась Охранительница.

— В чем дело? — крикнул я вслух, хотя Охранительницу достаточно вызывать мыслью.

В мозгу вспыхнул ее молчаливый ответ: «Опасно!». Я закричал еще сердитей:

— Пересчитайте границу допустимого! У вас там трехкратные запасы безопасности!

На этот раз бесстрастная машина снизошла до обстоятельного — голосом — ответа. Буря в этом году мчится на таком высоком уровне энергии, что чуть ли сама не вырывается из контроля. Механизмы Управления Земной Оси запущены на всю мощность, чтоб удержать грозу на заданной трассе и в предписанной интенсивности. Любое местное нарушение системы разрядов может привести к выпадению из режима всей грозовой массы.

Спорить с Охранительницей бессмысленно. Отключить ее — на всех планетах считается серьезным проступком, на Земле же с ее строгим режимом это попросту неосуществимо. Я метался под тучами от молнии к молнии, не успевая к разряду, но наслаждаясь реками света и ревом испепеленного воздуха. Раза два меня основательно качнуло, разок отшвырнуло в сторону — забава в целом вышла недурная.

А когда прошли двадцать минут, отведенные на разряды, хлынул дождь, и я поспешил в город: дождь надо испытывать на земле, а не в воздухе, и телом, а не машиной. Я приземлился на площади и выскочил на ливень. Авиетка тотчас улетела на стоянку, а я побежал к дому напротив и, пока добежал, основательно промок. Под навесом стояло человек двадцать. Мой вид вызвал смех и удивление: я был одет не по погоде. Среди прочих оказалась все та же девушка. Она положительно невзлюбила меня с первого взгляда. Она единственная смотрела на меня враждебно.

Меня так возмутила ее молчаливая неприязнь, что я вежливо заговорил:

— Простите, я не с вами повстречался недавно чуть ниже туч?

— И основательно ниже, почти у земли, — сказала она холодно. — Вы, кажется, закувыркались от разряда?

— Я утратил управление. Но потом я возвратился в район разрядов.

— И это я видела — как вы фанфаронили на высоте.

Она явно хотела меня обидеть. Она была невысока, очень худа, очень гибка. Брови и вправду были слишком массивны для ее удлиненного нервного лица, они больше подошли бы мне, чем этой девушке. Она мало заботилась о своей внешности. Конечно, изменить форму головы трудно, но подобрать брови к лицу просто, другие женщины обязательно бы сделали это.

— Не люблю, когда на меня бессмысленно уставляются, — сказала она и отвернулась.

Я не нашел что ответить и ушел, почти убежал из-под навеса. Вслед мне закричали, чтоб я возвратился, но ее голоса я не услышал и пошел быстрее. Дождь уже не лил, а рушился, он звенел в воздухе, грохотал на тротуарах и аллеях, гремел потоками. Холодная вода струилась по телу, это было неприятно. Охранительница посоветовала сменить одежду на водонепроницаемую, какую носят все на Земле. Пришлось вызвать авиетку и поехать в ближайший комбинат. Через десять минут я вышел на дождь в обмундировании землянина. На Плутоне ливней, подобных земным, не устраивают, и там мы позабыли, что значит одеваться по погоде.

Зато теперь я мог спокойно бродить по улицам. Дождь не ослабевал — вода была под ногами, с боков, сверху. Она рушилась, вскипала, рычала, осатанело неслась. Я запел, но кругом так шумело, что я себя не слышал. Громады Центрального кольца пропали в серой невидимости, посреди дня наступила ночь. Лишь водяная стена, соединявшая полупотопленную землю и невидимое небо, тонко, предрассветным сиянием, мерцала и вспыхивала — дождь сам озарял себе дорогу. Все это было до того красиво, что меня охватил восторг.

А еще через некоторое время чернота туч смягчилась и день медленно оттеснил искусственно созданную ночь. Стали видны здания и башни причальных станций. Трубы низвергающейся воды утончились в прутья, прутья превратились в нити, нити распались на клочья, клочья уменьшились до капель — дождь уходил на восток. Было шестнадцать часов,

гроза заканчивалась точно по графику.

На улицы и парки высыпала детвора, в воздухе снова замелькали авиетки, в окнах затрепыхались флаги. Солнце жарко брызнуло на землю, с земли понеслись ликующие крики — праздник продолжался.

Я зашел в столовую и, не разглядывая, нажал три кнопки меню. Это была старая игра — выпадет ли что нравится? Мне повезло, автоматы подали мясные грибы, любимое мое кушанье. Два других блюда — сладенькое желе и пирог — были не так удачны, но согласно правилам игры я съел и их.

Пора было идти к Вере.

12

Вера ходила по комнате, а я сидел. Она казалась такой же, как прежде, и вместе с тем иной. Я не мог определить, что в ней изменилось, но чувствовал перемену. Она обняла меня за плечи и похвалила мой вид.

— Ты становишься мужчиной, Эли. До пятидесяти лет ты был мальчишкой, и отнюдь не примерным.

Я молчал, разглядывая ее. Так у нас повелось издавна. Она выговаривала мне за проказы, я хмуро отворачивался. Нетерпеливая и вспыльчивая, она болезненно переживала мои шалости, а я сердился на нее за это. Отворачиваться сейчас не было причин, но и непринужденного разговора не получалось. О наших делах на Плутоне она знала не хуже меня.

Она иногда останавливалась, закидывая руки за голову. Это ее любимая поза. Вера способна вот так — со скрещенными на затылке руками, высоко поднятым лицом — ходить и стоять часами. Я как-то попробовал минут тридцать выстоять так же, но не сумел.

Сегодня она была в зеленом платье с кружевами на плечах, кружева прихватывала брошка — красно-желтая змея из дымчатого камня с Нептуна. Вера любит брошки, иногда надевает браслеты — пристрастие к украшениям, кажется, единственная ее слабость. Я наконец разобрал, что в ней изменилось. Изменилась не она, а мое восприятие ее. Я видел в ней то, чего раньше не замечал. Я вдруг понял, что Вера необыкновенно красива.

О ее красоте я знал и раньше, все твердили, что она красавица. «Ваша сестра — греческая богиня!» — говорил Ромеро. Для меня она была старшей сестрой, заменившей рано умершую мать и погибшего на Меркурии отца, строгой и властной сестрой, — я не приглядывался к ее внешности. Но теперь я не только знал, но и видел, что Ромеро прав.

Она спросила с удивлением:

— Что ты приглядываешься ко мне, Эли?

Я признался, усмехнувшись:

— Обнаружил, что ты хороша, Вера.

— Ты ни в кого не влюбился, брат?

— Жанна приставала с тем же вопросом. По какому признаку вы определяете, что я влюблен?

— Только по одному — ты стал различать окружающее. Раньше ты был погружен в себя, жил лишь своими страстями.

— Страстишками, Вера. Дальше проказ не шло, согласись. Побегать одному в пустыне или Гималаях, забраться тайком в межпланетную ракету — помнишь?

Она не отозвалась. Она остановилась у окна и глядела на город. Я тоже помолчал. Мне незачем было торопить ее. И без понукания она объяснит, зачем позвала к себе.

— Ты закончил свои командировочные дела на Земле? — спросила она, обернувшись.

— Закончил, и вполне успешно. Мы получили все материалы и механизмы, которые запрашивали.

— Павел сообщил, что ты возобновляешь свое ходатайство о поездке на Ору. Почему ты стремишься на звездную конференцию? Я не уверена, что ты правильно понимаешь,

какие мы ставим себе задачи на Оре. До сих пор ты был равнодушен к тому, что волнует других.

Я засмеялся. Характер у Веры не изменился за те два года, что мы не виделись, хоть внешне она показалась иной. Каждый наш разговор превращался в экзамен того, что я знаю и умею. Я твердо решил на этом новом экзамене не проваливаться.

— Не так уж равнодушен, Вера. И я аккуратно слушаю передачи с Земли. А о конференции на Оре всем прожужжали уши.

— Ты не отвечаешь на мой вопрос, Эли.

— Я не дошел до ответа. Вот он, дорогая сестра. Вы собираете на Оре жителей соседних звездных миров, чтоб познакомиться с их нуждами и возможностями, завязать с ними дружеские связи, наладить обмен товарами и знаниями, организовать межзвездные рейсы. Задуман проект Звездного Союза, объединяющего всех разумных существ нашего района Галактики... Верно я излагаю?

Вера размышляла над моими словами, а может, думала о своем. Она была озабочена, — теперь я это видел ясно.

— Верно, конечно. И вместе с тем уже неверно. — Я тебя не понимаю, сестра.

— Видишь ли, общепризнанные задачи Оры ты рассказал точно. Но я не уверена, что эти задачи сохраняются. Открыто много неожиданного...

Я вспомнил, что говорил Аллан о существах, похожих на нас и равных нам по мощи. — Речь о них, — подтвердила Вера. — Аллан сообщил, что информация обрабатывается. Вы уже получили полные данные?

— Полные данные будут известны завтра. Но и того, что мы узнали вчера и сегодня, достаточно для размышлений — смущения и нелегких размышлений, Эли., — Вера, прошу тебя...

— Здесь нет тайн, брат, и сейчас ты все узнаешь. — Мне показалось, ты колеблешься, говорить или нет?

— Просто обдумываю, с какого конца начать. Новые данные обрушились так неожиданно... Мы, разумеется, понимали, что обследован нами лишь незначительный участок Галактики, несколько тысяч соседних звезд, и делать окончательные выводы преждевременно, если вообще это когда-либо возможно — делать окончательные выводы... Но, открывая одно звездное общество за другим и обнаруживая, что все они ниже по техническому и социальному уровню, чем человеческое, мы как-то утвердились в чувстве своей исключительности. Жители Альдебарана и Капеллы, Альтаира и Фомальгаута, даже вегажителы, не говоря о бесчисленных ангелах в Гидах, — все они уступают человеку. Наши звездные соседи примитивней нас, — таков факт. И что собираем конференцию на Оре мы, а не кто-либо из них, как раз и свидетельствует об особой роли человека среди звездожителей.

— А новые данные с грохотом опрокидывают ваш вариант антропоцентризма наших предков? Человек отнюдь не пуп и не единственная вершина мироздания, правильно я тебя понимаю, Вера?

— Ты всегда торопишься, брат. Мартын Спыхальский, наш руководитель на Оре, доставил записи сновидений ангелоподобных одной из крайних звезд в Гидах — Пламенной В. Два слова об этой звезде. Она немного горячее Солнца, класса F-8, у нее девять планет, тоже мало отличающихся от Земли, и все они населены четырех- и двукрылыми ангелами. Уровень общественной жизни низок — примитивная материальная культура, вражда племен, отсутствие письменности и машин. Но запись излучений их мозга при сновидениях раскрыла факты, каких мы пока не встречали. В своих снах ангелоподобные с Пламенной В видят существ, мало отличающихся от людей, и видят их воистину в трагических ситуациях. Интересно, что бодрствующие ангелы объясняют свои сны, как изображения бытующих у них сказок о каких-то высших по разуму и мощи существах.

— А может, это и вправду сказки? Вроде человеческих сказок о богатырях и

волшебниках?

— Сказки у них тоже записаны — они беднее снов. Судя по всему, похожие на людей существа прилетали в Гиады издалека. Кстати, БАМ перевела их название словом «галакты», а не «звездожители», как обычно. Это еще не все. Тому, что где-то во Вселенной есть похожие на нас существа, можно лишь радоваться — постараемся познакомиться с ними и завязать дружбу. Ты помнишь, я сказала, что новые открытия вызывают смущения и нелегкие размышления? Дело в том, что у галактов существуют могущественные враги, с которыми они находятся в состоянии космической войны, такой невообразимо огромной, что она подходит к границе нашего понимания. Объектами разрушения в этой войне являются уже не существа и механизмы, как в древних человеческих сражениях, а небесные тела, планетные системы. Ангелы именуют грозных существ, враждующих с галактами, зловредами.

— Зловреды! — воскликнул я. — Какое нелепое название! В нем что-то инфантильное. Для научного термина оно, по-моему, мало подходит.

— Думаю, БАМ не случайно выбрала это слово из тысяч других. Очевидно, оно дает самое точное определение их поведения. Другой вариант — разрушители. Интересно, что на вопрос, каковы внешне зловреды, БАМ ответила: «Неясно».

— Крепкий же это орешек, если сверхмогущественная БАМ не сумела его разгрызть!

— Очевидно, недостает данных. С названием «разрушители» ассоциируются расшифрованные понятия: «Уничтожать живое», «Сжимать миры». Завтра ты увидишь на стереозкране, как это выглядит. Похоже, зловреды владеют обратной реакцией Танева, то есть создают вещество, уничтожая пространство, без этого миры не «сжать». А галакты противодействуют им — в результате в межзвездных просторах кипит война.

Я поежился.

— Это так грандиозно, словно ты описываешь битву богов.

— Я излагаю расшифрованные записи, не больше. И что значит «битва богов»? Нынешнее могущество человека много больше того, что люди когда-то приписывали богам, тем не менее мы люди, а не боги. Луч света далеко отстает от наших галактических кораблей, — разве это не показалось бы жителю двадцатого века сверхъестественным? В сегодняшнюю грозу ты мчался наперегонки с молниями. Вряд ли подобную забаву сочли бы естественной сто лет назад.

— Ты и об этом, оказывается, знаешь?

— Я следила за тобой. Раз ты в Столице, следует ожидать рискованных чудачеств. Почему-то ты считаешь этот город лучшим местечком для озорства. На Плутоне ты вел себя сдержанней.

— На Плутоне у меня не хватало времени для забавы. И потом, там отсутствуют Охранительницы. Скажи теперь, Вера, какие выводы вы делаете из информации о галактах и зловредах?

— Завтра собирается Большой Совет, будем решать.

Но и сейчас уже ясно, что возникли десятки государственных вопросов, и каждый требует скорого ответа.

Существуют ли еще зловреды и галакты или информация о них — пережиток миллионы лет назад отгремевших катаклизмов? Кто из них победил в космической схватке? Может, обе стороны погибли в своих чудовищных сражениях? Какое отношение имеют к нам, людям, так удивительно похожие на нас галакты? А если те и другие еще существуют, то где они обитают? На планетах Солнечной системы нет следов их появления, — почему? Не грозит ли самому существованию человечества то, что где-то на дальних звездах обитают эти существа? Мы выходим, впервые в нашей истории, на галактические трассы — безопасны ли они для нас? Мы вознамерились создать Межзвездный Союз разумных существ, — не рано ли? Может, нам следует полностью замкнуться в мирке солнечных планет? Есть и такое мнение, Эли! У нас огромные ресурсы, — не направить ли их все на строительство оборонительных сооружений? Может быть, возвести вокруг Солнечной

системы кольцо искусственных планет-крепостей, — и об этом надо поговорить. Словом, множество непредвиденных, важных проблем! И решением некоторых из них придется заняться тебе, Эли, — с нашей помощью, конечно.

—... Очень рад, — сказал я, волнуясь. — Значит ли это, что я поеду с вами на Ору, или у меня будет другое задание?

— Звездожители уже съезжаются на Ору. Встретиться с обитателями других миров обязательно, — таково мое мнение. Как тебе известно, руководить совещанием на Оре поручается мне. Я хочу взять тебя секретарем.

— Секретарем? Что это такое? В жизни не слышал.

— Была в древности такая профессия. В общем, это помощник. Думаю, ты справишься.

— Я тоже так думаю. Тебе придется запросить Большую, подхожу ли я в секретари?

— Большая уже сделала выбор. Я попросила в секретари человека мужественного, умного, быстрого до взбалмошности, решительного до сумасбродства, умеющего рисковать, если надо, жизнью, любящего приключения, вообще неизвестное, — никто теперь не знает, с чем мы столкнемся в далеких мирах. И Большая сама назвала тебя. Должна с прискорбием сказать, что ты один на Земле обладаешь полным комплексом сумасбродства.

Я кинулся обнимать Веру, она со смехом отбивалась, потом горячо расцеловала меня. Я еще в детстве открыл, что, как бы она ни сердилась, достаточно полезть с поцелуями, и через минуту злости ее как не бывало, и она становится веселой и говорливой. Лишь врожденное недоброжелательство к подлизыванию и умильным словечкам мешали мне эксплуатировать эту забавную черту ее характера.

— Я рада за тебя, Эли! — сказала она. — Хоть сегодня больше поводов для тревог, чем для радости, я рада за тебя.

Я шумно ликовал.

— Ну что же, Вера, — сказал я, успокоившись. — Возможно, на Земле я кажусь сумасбродом. Но эти дурные свойства моего характера могут пригодиться в иных мирах.

— И зло можно повернуть на добро. Но лучше без зла. Еще одно, брат. Тебе разрешено быть завтра в Управлении Государственных машин. Нам покажут, что удалось расшифровать. Ровно в десять — не опаздывай! — Она встала. — Пора спать. Твоя комната в том же виде, в каком ты ее оставил, улетаая на Плутон, — прибрана, конечно.

— Я не хочу спать. Я посижу в саду.

13

В Столице дома опоясаны верандами через каждые пять этажей и садами на террасах каждого следующего двадцатого. Наша с Верой квартира на семьдесят девятом этаже Зеленого проспекта — внутренней стороны Центрального кольца. Я поднялся выше и присел в саду восьмидесятого этажа. Не помню уже, сколько я там сидел и о чем думал. Путанные мысли переплетались с путанными чувствами, — я был счастлив и озабочен.

Потом я стал рассматривать ночной город.

В школах учат, что древние города ночью заливало сияние прожекторов и люминесцентных ламп. Они были шумны. На улицах вечно толклись прохожие. Хоть Столица — город немолодой, ей скоро четыреста лет, и давно уже не возводят таких скоплений зданий на клочке земли, в остальном она современна. Ночью магистрали Столицы темны и тихи. Чтоб не зажигать беспокоящий уличный свет, люди в сумерки надевают очки-преобразователи и отлично ориентируются в темноте.

Я люблю ночные контрасты Столицы — темные улицы и проспекты и сияющие полосы этажей. Сверкающая горная цепь Центрального кольца терялась вдалеке, за черной долиной парка вздымалось параллелями освещенных этажей Внутреннее кольцо — неозираемо широкая лестница от земли к небу.

Зато Музейный город, центр Столицы, был неразличим. Ни пирамиды, ни ассирийские и египетские храмы, ни Кремль, ни собор Святого Петра, парижский Нотр-Дам, кельнская и

миланская готика — все эти великие памятники прошлых веков, воспроизведенные на островном клочке земли, — ни одна из этих высоких точек, отчетливо видимых днем, не прорезалась искоркой в темноте. Лишь красное полушарие на центральной площади — Управление Государственных машин — заливал свет. На Земле каждому человеку разрешено входить куда он хочет — на заводы, на склады, в институты, в общественные дворцы, только одно это здание под запретом. Любой из нас тысячи раз видел на стереозкранах все комнаты и коридоры этого знаменитого «завода мысли и управления», как некоторые выпендренно его называют, однако немногие счастливицы могут похвастаться, что побывали в нем. Три важнейших механизма — Большая Государственная, Большая Академическая и Справочная — неустанно, днем и ночью, не останавливаясь ни на секунду, трудятся там уже скоро два столетия. Я смотрел на красное здание и думал, что сегодня в нем распутывают одну из труднейших загадок, когда-либо стоявших перед человечеством, и что, может быть, все благосостояние Земли зависит от того, правильно ли машины разберутся в ней. И еще я думал о том, что мне придется далеко умчаться от этого места, где, среди ста миллиардов элементов Большой, имеется и неповторимо мой уголок в миллион клеточек, моя Охранительница, мудрый и бесстрастный мой наставник и поводырь. Я не раз сердился на Охранительницу, обзывал ее бесчувственной и бесполезной, и даже хвастался своим ироническим отношением к управляющим машинам. Но, по-честному, я привязан к ней, как не всегда. привязываются к живому человеку. Кто, как не она, бдительно отводит от меня опасности, оберегает от болезней и необдуманных шагов, а если меня что-то гложет, разве она не докапывается до причин неполадок и упадка духа и, маленькая, не больше меня самого, часть Большой, ставит их перед всем обществом, как важную социальную проблему, если, по ее критерию, они того заслуживают. И разве я не всегда уверен, что если мне явится полезная людям идея, то, хоть сам я и забуду о ней, Охранительница, подхватив ее, введет в код Большой, а та немедленно реализует или поставит на обсуждение перед всем человечеством, — пусть лишь мелькнувшая у меня в мозгу идея стоит такого внимания! Я также вспоминал, что, если ошибусь, совершу неудачный поступок, лишь бы он не вредил другим, Охранительница промолчит о моих неудачах, ни один друг, самый вернейший, не хранит так тайн, как она! Нет, для меня она не была просто умно придуманной, умело смонтированной частью громадной машины, она была своеобразной частью меня самого, моей связью со всем человечеством, миллионами рук, протянутых мной каждому человеку! Скоро, очень скоро эти связи ослабнут, если не исчезнут совсем, — Большую с ее ста миллиардами элементов в далекие путешествия не взять!

Мне захотелось в последний раз испытать могущество обслуживающих нас машин. Я приказал Охранительнице узнать, что за девушка дважды обругала меня. В мозгу засветился ответ: «Справочной для ответа не хватает данных». После лирических размышлений о всесилии управляющих машин ответ Справочной смахивал на насмешку. Андре любит доказывать, что мы живем в примитивное время, переходное к полностью устроенному обществу, — потребности, особенно духовные, все возрастают, половина остается неудовлетворенной. Еда, одежда, жилища, средства передвижения, образование, свободный выбор профессии — блага элементарные, их отпускают вволю, но их мне уже недостаточно, говорит он. Если же я задумаю переменить свои влечения и наклонности или из старика превратиться в юнца, даже Большая разведет своими электронными руками.

Воображаю, как бы он посмеялся моей неудаче со Справочной.

Я прислонился головой к олеандру и стал вспоминать встречи с той девушкой — толкотню у концертного зала, резкий разговор под навесом, куда мы укрылись от ливня. Я видел ее — сердитую, темноглазую, с тонким лицом, с высокой шеей и широкими бровями...

— Теперь данных достаточно, — зазвучал голос Охранительницы. — Девушка — Мэри Гланн, родом из Шотландии, курс проходила на Марсе, куда уезжала с отцом. Сорок три года, рост сто восемьдесят два сантиметра, вес семьдесят пять килограммов, не замужем.

Главное увлечение — выращивание растительных форм для планет с высокой гравитацией и жестким излучением.

— Женихов эта Мэри Гланн не запрашивала? — поинтересовался я.

— Сердечных увлечений не было.

Я продолжал играть в «жениха и невесту», как называется в школах эта забава. Там Справочную засыпают вопросами о взаимной пригодности, особенно увлекаются этим девочки. Они перебирают по тысяче «женихов», а выходят замуж чаще всего не за тех, кого им рекомендовала Справочная.

— А я бы подошел ей? Какова степень нашей взаимной пригодности?

На этот раз Охранительница передала ответ Справочной секунды через четыре. Воображаю, какую бездну семейных возможностей — нежностей, страсти, объятий, ссор, примирений, недоразумений, бед, обид, радостей, ликований — она рассчитала за это время! Я вдруг услышал презрительный голос Ромеро: «Не кажется ли вам, дорогой друг, что машинная техника нашего времени переросла себя? Раньше такие явления назывались: „Зашел ум за разум“». Голос зазвучал так реально, что я обернулся. Подслушать мои запросы он, впрочем, не мог, тайна мыслей охраняется строго. Справочная наконец возвестила: — Ваша взаимная пригодность — десять и три десятых процента. Ее индивидуальная годность к вам — семнадцать и две десятых процента, ваша к ней — две и восемь десятых процента. Развод вероятен на первом месяце семейной жизни, неизбежен — к середине второго.

Я вспомнил, как Ромеро рассказывал смешную историю. Нашлись два романтика, мужчина и девушка, до того уверовавшие в безошибочность Справочной, что всерьез поручили ей отыскать себе пару. И Справочная, перебрав всех жителей Земли, свела именно их, как максимально пригодных для совместной жизни. Теперь дело оставалось за тем, чтоб встретиться и влюбиться. Они встретились и почувствовали друг к другу отвращение.

Я грубо потребовал от Справочной:

— Эта, как ее, — Мэри? Обо мне не запрашивала?

Охранительница обычно разговаривает приятным женским голосом, реже — ворчливым тенорком старичка, еще реже — просто зажигает в мозгу свои ответы. Не знаю, почему так происходит, кажется, конструкторы не хотели, чтоб люди свыкались с машиной, как с человеком. Если это так, то их предосторожность малодействительна.

В мозгу замерцала холодная зеленоватая надпись: «Нетактично. Не передаю Справочной».

Я потянулся и встал. В мире не существовало девушки, которая так бы мало меня интересовала, как эта Мэри. И я уже говорил Андре, что, влюбившись, не буду спрашивать у Справочной советов.

Я пошел спать.

14

На другое утро ничто в городе не показывало, что вчера был праздник. Если бы в Столице появился никогда в ней не живший человек, он не поверил бы, что ее населяют пятнадцать миллионов, до того малолюдны и тихи ее улицы: детишек вывезли еще вчера, в загородные сады и школы, а взрослые на заводах и в институтах. Если на улицах появляются неторопливые, осматривающиеся по сторонам люди, то, не спрашивая, понятно, что это туристы. Особенно много туристов в Музейном городе. Пока я добрался до Управления Государственных машин, я обогнал их групп десять, не считая одиночек.

У входа в здание я повстречался с Ромеро и Андре.

— Ты не пришел к нам, — сказал Андре. — А Жанна тебя ждала.

— Важный был разговор с Верой. О результатах разговора с Верой Андре уже знал от Ромеро. Оба поздравили меня с назначением на Ору. И Ромеро, и Андре казались встревоженными. Аллан, Ольга и Леонид, присоединившиеся к нам в вестибюле, тоже выглядели озабоченными. От легкомыслия, с каким два дня назад мы слушали первое сообщение о галактах и разрушителях, ни у кого не осталось и следа. Только подошедший после нас Лусин был спокоен. Лусина волнуют лишь дикий животные.

— Кто из вас уже бывал здесь? — спросил Андре. — Я — впервые.

Ромеро показал нам здание. Все три великие машины — и Большая Государственная, и Большая Академическая, и Справочная — смонтированы в многоэтажных подвалах, мы туда не пошли. Там неинтересно — миллионы рабочих и резервных ячеек на стеллажах, миллиарды действующих элементов, дикая, на неопытный глаз, путаница коммуникаций, — таков облик этих машин. Зато залы заседаний мы осмотрели. Здесь все величественно. Большой Совет заседает в Голубом зале, потолок там имитирует звездное небо. Нас пригласили в Оранжевый зал, рабочее помещение Большой Академической машины. Он вмещает около, пяти тысяч человек, и к десяти часам утра все места были заняты. Нашей семерке отвели ложу. Впереди размещался пустой куб стереозэкрана. Все, что появляется на стереозэкране, передается по стереофонам Земли. Сегодняшнюю передачу должны были смотреть также и Солнечные планеты, такое ей придавалось значение.

Когда побежали последние секунды десятого часа, в туманном кубе стереозэкрана появился большеголовый человек с глазами навывкате, румяными щеками и седыми усами.

— Мартын Спыхальский, — прошептал Андре. Я с интересом рассматривал знаменитого астронавта. Его корабли дальше всех проникли в звездные просторы, он побывал в местах, куда ни до, ни после него никто не проник. Для своих ста сорока девяти лет он выглядел молодцом, даже голос его был звучен по-молодому.

Он рассказал об экспедиции на Пламенную В, и мы увидели, одну за другой, все девять планет звезды. Звезда и планеты были заурядные небесные тела, каких кругом множество. Но крылатые обитатели планет вызвали шепот и смех в зале. Они, и вправду, напоминали представления древних об ангелах, почему их так и назвали открывшие их Чарлз Вингдок и Софья Когут. Впрочем, ангелы с Пламенной В мало отличаются от крылатых, населяющих планеты остальных ста тридцати светил, сконцентрированных в Гиадах, — может, ростом пониже и четырехкрылых у них поменьше. Все ангелы вспыльчивы и драчливы, без потасовок у них редко какое сборище обходится. Нам показали стычку на площади их города — пух с крыльев заволок все, как туманом, а клекот был так громок, что звенело в ушах. И уж совсем бедными нам показались жилища на планетах этой дальней звезды в Гиадах — одноэтажные бараки с такими узкими дверьми, что бедные ангелы не влетают, а вползают в них, сминая крылья. На центральных светилах Гиад живут удобней, там для отдыха и сна воздвигнуты общественные дворцы с широкими входными — вернее, влетными — порталами.

Еще нам показали, как они спят — вповалку на полу, в темноте и тесноте, вскакивая и вскрикивая, когда ими овладевают бредовые их сновидения. А затем одна за другой стали вспыхивать расшифрованные картины снов.

Сперва мы увидели фигуру, издали поразительно похожую на человеческую. Фигура выплывала из клубящегося тумана предсна, она разгоралась, по мере того как сновидение делалось глубже. Вскоре стало ясно, что это и человек, и нечеловек, нечто и меньшее, и большее человека. На нас спокойно взирали огромные — в треть лица — глаза, полные ума и доброты, длинные локоны падали на плечи. Галакт поднял руку, на руке извивались пять пальцев, именно извивались, а не шевелились. Он поскреб подбородок одним из этих подвижных пальцев и положил руку на грудь — два пальца были протянуты вперед, три загнулись назад, к тыльной части ладони. Руки поразили меня еще больше, чем лицо.

На второй картине был пейзаж — малиново-красные скалы, такая же ярко-красная жидкость, бившаяся волнами о скалы — гребни у волн были зеленоватые, — и огромное сине-желтое светило, поднимавшееся над малиновой жидкостью. У меня похолодела кожа, так был зловещ этот дикий пейзаж, я не сразу понял, что нам попросту показывают одну из планет Пламенной В. На скалу поднялся галакт, окруженный крылатыми обитателями планеты, он почти вдвое возвышался над ними. Рост галакта, доложила машина, два метра восемьдесят. В зале зашумели, галакт на полметра превосходил рослого человека. Присмотревшись, я убедился, что это тот самый, что был в первой картине. Он осматривался, приложив руку к глазам для защиты от ползущего наверх пронзительного

светила, а другой рукой дружески похлопывал по плечам теснившихся к нему с клетком четырех- и двукрылых недорослей.

Из-за скал поднялся второй галакт, старик с седой бородой и седыми волосами, и подошел к первому. И старик, и молодой были в одеждах, похожих на древние человеческие — ярко-зеленые, свободно развевающиеся плащи.

«Что нового?» — спросил старик, и меня поразило, что говорит он по-человечески, на международном языке. Лишь после я сообразил, что БАМ переводила на нашу речь сонные видения ангелов.

«Зловредов нет, — ответил молодой. — Никаких следов разрушителей».

«Разрушители хитры, — сказал старик. — Они появляются всегда внезапно. Будем осторожны».

Они молча всматривались в красное море. Картина стала тускнеть.

— Записано на четвертой планете Пламенной В, — доложила БАМ. — Следующая запись совершена на восьмой планете той же системы.

И эта картина началась с пейзажа, но теперь окружающее было серо, почти черно: однообразно-холмистая равнина, тусклые звезды на темном небе. На поверхность планеты опускался сигарообразный корабль, отбрасывая снопы зеленоватого света.

— Фотонный космический корабль, — сообщила БАМ, — примерно та же конструкция, что разработали наши предки четыре столетия назад.

— Первая ступень космической техники! — пробормотал Аллан. — Негусто у небесных странников.

В следующей картине фотонный звездолет лежал на грунте, а около него возились галакты и ангелы. В руках у галактов были ящики, похожие на старинные сварочные аппараты, из ящиков вырывались лучи и искры. Неподалеку, на холме, возвышалась башня с вращающимся прожектором. Прожектор, не останавливаясь, обрыскивал небо. Из носовой части звездолета вынеслась ракетка и умчалась в темное небо. Галакты, похоже, были в тревоге. Не доверяя вращающемуся глазу на башне, они сами, вдруг забрасывая работу, вглядывались в звезды, тускло посверкивавшие на черном фоне. Движения галактов были быстры, работа тороплива — они спешили.

А когда и эта картина потускнела, появились записи, доставленные с девятой, внешней, планеты. В них не было ни людей, ни предметов — туманные полосы, светящаяся пыль, заполнившая вскоре весь объем стереоэкрана. В этой пыли выросли два сближавшихся, скудно мерцавших шара. Сближение шаров походило на преследование: правый шар отклонялся к краю экрана, левый его настигал. А еще через некоторое время пространство залил голубой свет и забушевал, поглощая оба шара. У меня было впечатление, будто оба шара взорвались от столкновения и их пожирает пламя. БАМ подтвердила, что в видении изображено столкновение двух, пока не разгаданных, небесных тел. В финале этой картины потускневшее голубое пламя превратилось в мерцающее пылевое облако.

— Предположительно — космическая катастрофа, — сообщила БАМ.

Аллан недоверчиво покачал головой.

— Вряд ли, — сказал он. — Во всяком случае, на наши способы аннигиляции вещества эта штука мало похожа.

Вторая космическая картина, загоревшаяся на стереоэкране, уже не напоминала взрыва. Это было изображение звездного скопления, по виду — рассеянного, а не шарового. БАМ информировала, что скопление не идентифицировано, но в видениях крылатых обитателей девятой планеты повторяется часто. Облик скопления был причудлив, мне почудилось в нем что-то угрожающее, такое же ощущение возникло и у других. Оно распадалось на две почти равные половинки — многие тысячи звезд в каждой из половинок. Странность была не в обилии светил — в Галактике многозвездных скоплений хоть отбавляй. Одна половинка казалась концентрированной, она походила на сомкнутый звездный кулак, мощно ударивший во вторую кучку, — та отлетала и рассыпалась на сотни разбросанных звезд. Вероятно, все мы, зная, что предстоит увидеть чудовищные звездные битвы, заранее

изыскивали их в любой картине. Андре утверждал впоследствии, что он слышал вопль, исторгнутый из второго скопления жестоким ударом первого звездного кулака. Мне это ощущение — крика светом — в принципе понятно, хотя сам я не услышал звездных воплей.

— Последняя из записей, — доложила машина. — Четвертая, седьмая и девятая планеты. Повторяется у многих крылатых. Демонстрируется самый четкий образец.

И сразу перед нами возник галакт. Из всех картин, что мы увидели в зале БАМ, это была самой драматичной. Галакт, как подрубленный, падал на землю, он именно падал, а не упал, сонное воспоминание начиналось с момента его падения. А потом, уже лежа, он отчаянно бил ногами и взрывал своими подвижными пальцами землю. Он пытался ползти, голова его была поднята — он полз на нас. На шее его зияла рана, кровь широким потоком хлестала на руки и землю. Никогда не забуду его лица — юного, красивого, искаженного испугом и страданием. Галакт кричал, и без перевода БАМ каждый из нас разбирал его крик. «Помогите! — в ужасе кричал галакт. — Что со мною? Ради бога, помогите!». Потом он в последнем усилии протянул к нам руки, язык его окостеневал, щеки бледнели, одни нечеловечески гигантские, нестерпимо сияющие глаза продолжали молить и требовать помощи. Неотвратимо оковываемый смертью, юноша закрыл глаза и только слабо вздрагивал телом, пытаясь бессильным содроганием разорвать ее цепи. По залу пронесся гул — тысячи задержавших дыхание зрителей разом вздохнули.

— Черт знает что! — вслух ругался бледный Андре. — Нет, это черт знает что!

— Отомстить! — прорычал разъяренный Леонид. Он схватил мою руку и бешено впился в меня белыми от гнева глазами. — Отомстить, Эли! .

Один Ромеро не потерял спокойствия:

— Кому мстить? За что мстить? Вы уверены, что здесь преступление, а не несчастный случай? Я соглашаюсь, юноша очарователен, просто божественно прекрасен, хотя, к сожалению, не по-божественному смертен. Но, может, мы созерцаем событие, происшедшее миллионы лет назад, — вы об этом не подумали, мой проницательный Мрава?

Леонид раньше действует, потом размышляет. Он ошеломленно уставился на Ромеро.

Снова заговорила БАМ. Академическая машина оправдывала свое название — она описывала и показывала аппаратуру для записи сновидений, оценивала достоверность расшифрованных картин. Крылатые жители Пламенной В, оказывается, не могли растолковать многого из того, что являлось им во снах, — например, ни один из них и понятия не имеет о фотонных ракетах и сварочных аппаратах. БАМ рассказала, как полученные некогда сильные впечатления передаются потомкам механизмом наследственности, потом приступила к изложению сказок о галактах и зловредах, бытующих на планетах Пламенной В.

Предания о пришельцах из космоса обнаружены лишь у ангелов этой планетной системы. Вкратце они сводятся к следующему. В давние времена планеты их были мрачны и неустроены, по земле ползали хищные гады, в воздухе, таясь от соседей, изредка пролетали дикие ангелы. Кровавые свары раздирали крылатые народы, все было предметом драк — почва и воздух, растения и одежда, еда и жилища. Скудная природа рожала мало, кусок по сто раз переходил из крыльев в крылья, из когтей в когти, прежде чем попадал в рот, — так жили неисчислимую бездну лет, ничто не менялось.

Но однажды с неба спустились корабли и из них вышли галакты. Перепуганные ангелы сперва попрятались в пещерах и лесах, потом, убедившись, что прилет галактов зла не несет, высыпали в воздух и с клекотом носились над пришельцами, устраивая тут же свирепые драки меж собою. Галакты буянов заперли на кораблях, а войны запретили на всех планетах. Мир и спокойствие понемногу водворились на обьятых тревогой спутниках Пламенной В. Те годы, что галакты провели на них, преобразили облик планетной системы. Звездные скитальцы провели каналы, благоустроили поселения крылатых, превратили рощи в сады, обучили ангелов ремеслам, передали им искусство возводить каменные жилища. Беспорядочная дикость первоначального бытия превратилась в упорядоченное существование.

Галакты, однако, чувствовали себя гостями, а не жителями на планетах Пламенной В. Они неустанно наблюдали за небом, страшась нападения оттуда. И однажды ангелы стали свидетелями космической битвы, разразившейся между галактами и их врагами. Небо превратилось в бездну испепеляющего пламени. Две крайние планеты системы столкнулись и взорвались. На оставшихся планетах были истреблены посевы, сады, города и каналы. От созданной галактами цивилизации не осталось и следа. Когда через много месяцев после битвы уцелевшие от огня и голода ангелы выбрались на поверхность своих планет из пещер, куда они забились, им предстала ужасная картина разрушений. Крылатые народы сразу были отброшены в первобытное дикое существование. Ни галактов, ни напавших на них зловредов нигде не было — и больше ни те, ни другие не появлялись в системе Пламенной В.

БАМ так прокомментировала легенды крылатых:

— За орбитой девятой планеты Пламенной В открыты пылевые облака, вращающиеся вокруг центрального светила. Гипотеза, что они представляют остатки некогда уничтоженных двух планет, весьма вероятна. На всех планетах системы обнаружены следы разрушений и пожаров, прикрытых последующими напластованиями. По времени это от двухсот тысяч до миллиона лет тому назад по земному счету.

На этом информация, присланная Спыхальским, была закончена. Членов Большого Совета попросили в Голубой зал.

Мы вышли.

15

Даже издали было видно, что Андре одолевают необыкновенные идеи. Аллан и Леонид предложили подождать Веру, они предвидели, что решения Большого Совета будут непосредственно затрагивать астронавтов. Ромеро пригласил нас в висячие сады Семирамиды. Он обожает старинную экзотику.

Авиетки унесли нас в кварталы Месопотамии и Египта и высадили на верхней террасе Вавилонской башни, у храма Мардука, с золотой статуей уродливого бога. Мы сошли на среднюю террасу, где разбиты сады. Здесь уютно и зелено, отсюда хорошо видны ближние окрестности Музейного города — пирамиды слева и античные храмы справа. Мы уселись на скамейку у барьера, над нами шумели кипарисы и эвкалипты, странные для пейзажа Столицы. На острове странное — обычно.

— Так что вы думаете обо всем этом, друзья? — спросил Андре.

— По-моему, тебя интересует не столько, что думаем мы, сколько то, что пришло тебе самому в голову, — возразил я. — Поэтому не трать времени на расспросы. Мы слушаем тебя.

— Я утверждаю, что наше сходство с галактами не случайно, — объявил Андре, — В каком-то родстве мы с ними состоим. И они раньше достигли высокой цивилизации.

— Машинная техника галактов отстает от нашей, — заметила Ольга.

— Отставала двести тысяч или даже миллион лет назад. Какая она сейчас, мы не знаем. И тогда она была столь высока, что недалеким ангелам галакты должны были представляться богами.

— Гонимые по свету боги, к тому же смертные, — съязвил я.

— Да, гонимые боги! — закричал он. — Во всяком случае таковы они в суеверных представлениях первобытных народов. Для меня галакты — такие же существа, как мы. И я выдвигаю требование: их надо разыскать и предложить им союз. Сама природа создала нас для сотрудничества, во всяком случае, оно естественнее, чем проектируемое братство с альдебаранцами. И если галакты по-прежнему изнемогают в борьбе с врагами, мы обязаны прийти им на помощь!

— Человек помогает попавшим в беду богам — зрелище для богов! — хладнокровно сформулировал я.

В спор вступил Ромеро, Картины, показанные в Оранжевом зале, потрясли его. Я сужу

по внешнему облику: Ромеро был хмур.

— Вы спорите о пустяках, — сказал он. — В родстве ли мы с галактами или развились независимо от них — это несущественно. Одно важно: где-то во Вселенной бушуют истребительные войны, и они обязательно затронут нас, раз мы выходим в галактические просторы. Я считаю, что человечеству грозит опасность. Если враги галактов уже миллион лет назад были способны одолевать межзвездные просторы и сталкивать между собой планеты, то как усовершенствовалась с тех пор их техника уничтожения? Обращаю ваше внимание, что их называют разрушителями, зловеды лишь бранное слово — название не случайное, подумайте об этом! И вполне возможно, что галакты давно истреблены своими врагами, а поиски наших звездных близнецов, на чем настаивает Андре, приведут лишь к тому, что человечество лицом к лицу столкнется с грозными разрушителями и в свою очередь будет истреблено. Поймите же наконец, слепые люди, что мы знаем о Галактике? Мы только выползли за околицу нашего земного домика, а вокруг нас огромный, неизвестный, таящий неожиданности мир!

Не могу сказать, что его зловещая речь не произвела на нас действия. Имел значение также и страстный тон его пророчеств. Впрочем, все пророки страстны, особенно пророки гибели — уравновешенных пророков никто бы не стал слушать. Они воздействуют скорее на чувство, чем на разум. В этом смысле я и возразил Ромеро. Я посоветовал ему не пугать нас и самому успокоиться. В тот день я даже отдаленно не догадывался, какой перелом совершается в Ромеро.

Ромеро заговорил спокойней.

— С вами спорить не буду, — сказал он мне. — Для вас, друг мой Эли, любая серьезная мысль раньше всего лишь повод для зубоскальства. И с Андре я не хочу препираться, он во всем неизвестном отыскивает материал для удивительных гипотез. Думаю, мне надо обратиться не к вам, а ко всему человечеству и предостеречь его.

— Мы тоже часть человечества, — пробормотал, нахмурясь, Леонид. — И какое-то значение наше мнение имеет.

Ему, как и мне, не понравились предсказания Ромеро. Но вступать в дискуссию Леонид не стал. Среди вещей он ориентируется лучше, чем среди мыслей.

Чтобы отвлечься, мы попросили перекусить. Еду нам доставили на террасу, и мы неплохо подкрепились. Ольга стала рассказывать о придуманных ею усовершенствованиях звездолетов, а я залюбовался Парфеноном. Знаменитый храм был отсюда метрах в двухстах и казался еще гармоничней, чем вблизи. Не знаю почему, но греческая старина мне ближе всего. И я снова подивился искусству, с каким строители Музейного города разместили великие памятники старины: каждый храм и дворец выступает отдельно, в своем естественном окружении, даже сверху нет впечатления путаницы разноликих зданий.

А потом прилетела Вера. Она была возбуждена и довольна.

— Мы приняли очень важные решения, — сказала она. — По общему мнению, мы стоим в переломном пункте развития человечества и любой неосторожный шаг может оказаться непоправимым. Но и бездействовать тоже нельзя. Осторожность и смелость — вот что сегодня требуется от всех. В ближайшие годы, может даже месяцы, нам придется выработать нашу звездную политику на века, для всего будущего человечества. Хотите получить полный отчет о том, что происходило у нас?

Мы, конечно, потребовали подробного рассказа о заседании Большого Совета, но раньше хотели узнать, какие приняты решения. Вера улыбнулась нашему нетерпению. Она так обстоятельна, что никогда не начнет с конца. Меня всегда удивляло, как непостижимо в ней объединены педантичность с порывистостью, скрупулезность со страстностью.

— Должна вас поздравить, друзья, — сказала она Андре и Ромеро. — Большая непрерывно докладывала нам о важных мыслях, рождавшихся у людей. Среди этих мыслей была и ваша, Андре, о сотрудничестве с галактами и помощи им, а также и твоя, Павел, о возможных опасностях, таящихся в неизвестных районах Галактики. Советую, однако, не гордиться, — точно такие же мысли явились тысячам других людей.

Лишь после этого она заговорила о постановлениях Совета. Звездная конференция на Оре утверждена. Возможности создания Межзвездного Союза разумных существ нашего уголка Галактики должны быть исследованы со всей полнотой. Поставлена также новая задача — раздобыть исчерпывающие сведения о галактах и разрушителях, их противниках. Лишь после детального знакомства с этими неизвестными нам народами и их конфликтами будет выработана всесторонняя галактическая политика — с кем дружить, против кого выступать? Возможен и нейтралитет Земли в спорах, не ею начатых и ее мало касающихся, об этом тоже говорилось. Все эти большие проблемы еще ждут решения. Будет повышена обороноспособность Земли и планет. Опасность из дальних районов Галактики не доказана, но и не доказано, что опасности не существует. Человечество должно быть хорошо подготовлено к неожиданностям. Совет рекомендует приступить к созданию Большого Галактического флота.

— Принята ваша идея о судах, в десятки раз превосходящих самые мощные нынешние корабли, — сказала Вера Ольге. — Но этих судов будет не два опытных экземпляра, как предлагали вы, а серии в сотни кораблей. И еще одно, для вас приятное: командование первой галактической эскадрой поручат вам. И ты радуйся, брат, — сказала она мне. — Построить гигантские галактические крейсеры на Земле технически невозможно. Решено одну из планет превратить в специализированное космическое адмиралтейство. Выбор пал на Плутон. Меркурий будет специализироваться на производстве активного вещества для аннигиляторов Танева. Вот главное в рекомендациях Совета. Если человечество утвердит их, они станут законом.

Я и в самом деле обрадовался, я гордился Плутоном. Аллан и Леонид поинтересовались, когда лететь на Ору. Вера ответила, что подготовка экспедиции потребует еще месяц, но капитаны Звездных Плугов вылетят на Плутон раньше. После этого она извинилась, что не может остаться с нами, у нее неотложные дела.

— Могу я сопровождать тебя, Вера? — спросил Ромеро.

— Да, конечно, — ответила она. — Как всегда, Павел.

Свободное время на Земле Вера проводит с Ромеро. Раньше, когда я был поменьше, меня это раздражало. Но с годами я примирился, что Ромеро забрасывает друзей ради нее.

16

Мы с Верой и Ромеро улетели с Земли 15 августа 563 года в последней партии. Перед посадкой в межпланетный экспресс мы совершили прогулку над Землей. Земля была прекрасна. Я любовался ею и Солнцем. Я знал, что мы прощаемся с ними надолго. На трапе Вера помахала Земле рукой. Я ограничился тем, что подмигнул нашей старушке.

В салоне планетолета я скоро позабыл о Земле. Мысленно я уже ходил по Плутону.

Нет ничего скучнее рейсовых межпланетных кораблей — старинных ракет-рыдванов с фотонной тягой. Даже облик их — длинная уродливая сигара — тот же, что и три столетия назад. И плетутся они с доисторическими скоростями — до Луны добираются за пять минут, до Марса за сутки, а на полет к Плутону тратят неделю. Ни один из этих «экспрессов» не способен идти быстрее сорока тысяч километров в секунду. И гравитаторы не на всех хорошо работают, временами чувствуется увеличение тяжести. Лишь с невесомостью они справляются отлично, но смешно было бы пасовать перед такой детской задачей, как ликвидация невесомости. Я просил Веру заказать межпланетный курьер с аннигиляторами Танева, тот достигает Плутона за восемь часов. Но она ответила, что торопиться не к чему, и все согласились с ней. Меня с детства раздражает непогрешимость Веры. Главное в ее словах не их содержание, а то, что они — ее. Те же мысли, но изложенные мной, не производят действия на слушателей.

— В прежнее время секретари не кричали на своих руководителей, Эли, — возразила она, когда я высказал, что думаю о ее решении.

— Ты еще скажешь, что руководители кричали на своих секретарей. И так как это

будет твоя мысль, то даже Ромеро признает ее достоверной.

Ромеро и вправду, признал эту мысль достоверной. Начальники в старину не церемонились с подчиненными, сказал он. А один русский царь при беседах с министрами нередко прибегал к дубинке. Особенно доставалось его любимцам, в те времена лупцовка считалась одной из форм поощрения. Тогда были в ходу выражения: «Бросить на руководящую работу», «Влупить (или влепить, точно неизвестно) строгача», «Посвятить ударом меча в рыцари» — все это были синонимы продвижения вперед на жизненном пути.

Я, однако, не думаю, чтоб рыцарей, выдвигая их на руководящие посты, реально бросали на что-то, рубили мечами и лупили строгачом. Наши предки обожали языковые фиоритуры. По-моему, в описанных Ромеро явлениях бросания на работу, влупления строгачей и посвящения мечом таятся типичные для той эпохи религиозные обычаи и магические приемы.

— Возьмите такой распространенный тогда термин, как «в магазине выбросили товары»! — воскликнул я, воодушевляясь. — Нормальному человеку это представляется бессмыслицей: вещи изготавливались, чтоб их тут же выбрасывали. Но общественная жизнь тех времен полна противоречий. Нам сейчас известно, что тщательно собранным урожаем кофе и кукурузы иногда топили паровозы или сбрасывали эти продукты в море, а ботинки, сошедшие с конвейера, отправляли на другой конвейер, где их резали на части. Если вы не согласны, что все это делалось из ритуальных соображений, то не будете же вы отрицать, что за странными этими терминами стоит вполне реальное содержание? И вообще, доложу вам, предки логикой не блистали. На Плутоне мы как-то просматривали старинную ленту. Оказывается, люди в прошлом все поголовно страдали носотечением, вроде как у нас больные. И они собирали бесполезные выделения носа в специальные тряпочки и хранили их там, как сокровище, а тряпочки, надушенные и украшенные кружевами, рассовывали по карманам, чтоб кончик торчал наружу... Не скрывали болезнь, а хвастались ею!

Ромеро смотрел на меня с изумлением. Мне показалось, что на время он потерял голос от новизны моих мыслей.

— Ваши исторические познания внушают трепет, — сказал он очень вежливо. — И поскольку вы с такой остротой проникаете в былое, вас, мне кажется, нисколько не должно удивлять, что начальники некогда кричали на своих подчиненных, хотя здравому человеческому смыслу представлялось бы гораздо более естественным, если бы подчиненные орали на начальников, ибо начальники должны стесняться показывать свое превосходство, а чего, в самом деле, стесняться подчиненным?

Известная логика в этом, конечно, была.

17

За Ураном экспрессы разгоняются и даже наша колымага показала одну десятую световой скорости. Плутон сверкал в иллюминаторах, выросал из горошины в яблоко, из яблока в футбольный мяч, вокруг него чиркали крохотные искусственные солнца, на полюсах вздымались туманные протуберанцы — заводы водяного пара и синтетической атмосферы недавно заработали в полную мощность. и теперь ежечасно выдавали по десяти миллионов тонн воды и по два миллиарда тонн азотно-кислородной смеси. Эти цифры я привел Вере и Ромеро на память.

— Воды пока не хватает, а атмосфера уже сравнима с земной, дышится, как у нас в горах, — сказал я.

— Мне кажется, на Плутоне самое интересное — заводы воздуха, — сказала Вера. — От их работы сейчас зависит, удастся ли нам быстро осуществить проект переоборудования Плутона в галактический завод.

Я промолчал. Не знаю, как с осуществлением проекта, но на Плутоне все интереснее, чем эти угрюмые здания-автоматы, превращавшие почву в воздух и воду.

Нам передали, что друзья на Плутоне хотят говорить с нами. На стереоэкране вскоре

появились Андре с Жанной, Лусин, Леонид, Ольга, Аллан. Несмотря на запаздывание света, ощутительное на таких расстояниях, до нас доносились их голоса. Была полная иллюзия, будто они неподалеку.

— Ура, братцы! — надрывался Аллан. — Качать!

— Летите, — говорил по-своему — ключьями предложений — Лусин. — Показались. Хорошо.

Мы в ответ кричали приветствия. Нас разделяло миллиарда полтора километров.

А на подлете к Плутону Веру заинтересовало скопление гигантских глыб, кружившихся над планетой. Их было девять, одна глыба выделялась — гора посреди холмов.

Я сказал очень торжественно, как и подобало в такой момент:

— База Звездных Плугов. А тот огромный — «Пожиратель пространства», флагман галактического флота. Здесь мы наконец распрощаемся с фотонными ракетами.

18

Подготовка любой галактической экспедиции — дело непростое, наша к тому же имела особый характер: для нее понадобились непредвиденные запасы активного вещества, играющего роль запала при взрывном превращении массы в пространство. Активное вещество привозится с Меркурия. Звездолеты кружили над Плутоном, ожидая последней партии товаров.

Вера знакомилась с планетой, я ее сопровождал.

Решение Большого Совета о превращении Плутона в галактический завод было подготовлено годами человеческого труда на этой планете. Из всех солнечных планет Плутон — самая рабочая и пока единственный современный межзвездный порт. Когда-то в далекие рейсы корабли уходили с Марса, даже с Земли, но потом люди поняли, что кустарничество в освоении космоса недопустимо. Для создания Оры были мобилизованы все ресурсы человечества, Плутон сравниться с Орой еще не может, но все же в окрестностях Солнца уже и сейчас нет стройки, равной нашей!

Сперва мы посетили один из атмосферных заводов. Сооружение шириною километра в два и длиной около десяти продвигалось по поверхности планеты, срезая слой почвы. Когда мы приехали на завод, его режущая стена подползла к гранитному холму. Холм обваливался на глазах, он таял, как в огне. Вскоре от него не осталось и следа, и завод уполз дальше. На оставленном месте чернел слой искусственной почвы, удобренной, засеянной семенами растений и цветов. Над заводом гремели ветры — тысячи тонн изготовленного воздуха ежесекундно вгонялись в атмосферу. Я удерживал Веру подальше от вихрей, но с нее сорвало шляпу. И тут едва не случилось несчастье. Ромеро кинулся за шляпой, но был опрокинут потоками воздуха, и пришлось выручать его, Леонид и я вцепились в Павла, на помощь поспешил Аллан, втроем мы оттянули Ромеро от беснующейся воздушной бездны, куда он едва не угодил.

— Если бы не вы, друзья, я бы сейчас летел под облаками, — сказал он. Он был бледен.

— Думаю, вы сейчас перерабатывались бы в кислород и азот, — возразил я. — А еще минут через пять мы дышали бы вами, Павел.

— Как, вероятно, дышим моей бедной шляпой, — заметила Вера. — Почему вокруг завода нет ограждений?

— Здесь нет людей, — объяснил я. — Все три тысячи автоматических заводов смонтированы в пустынных местностях. А экскурсии на Плутон Земля не разрешает.

— И не разрешит, пока не закончите монтаж своей Государственной машины миллионов на десять Охранительниц, — подтвердила Вера. — На Земле несчастья вроде того, что чуть не случилось с Павлом, давно немыслимы.

Я, разумеется, не сказал, что мы не раз катались в авиетках вблизи заводов, чтоб побороться с искусственной бурей. Зато я обратил внимание Веры на зелень, покрывавшую почву планеты.

— Это всего лишь трава и цветы, но скоро у нас зашумят настоящие леса, как на Земле.
— Зелень вкусная, — поддержал меня Лусин. — Сочная. Очень.
— А ты пробовал? — спросил Аллан. Он в восторге хлопнул себя по ляжкам. — Братцы, Лусин траву ест!

До того дошел со своими синтетическими животными, что перешел на их пищу.

— Не я. Дракон. Пегасы. Нравится. Как на Земле.

Равнина была озарена тремя рабочими солнцами.

Одно стояло в зените, другое закатывалось, третье всходило. Я объяснил, что на Плутоне семь рабочих солнц, каждое запущено невысоко и охватывает излучением лишь малую часть планеты.

— Фиолетово-голубое, сейчас заходящее, из новейших. А это, в зените, бело-желтое, изготовлено пятьдесят пять лет назад и уже основательно выработалось.

Первые колонисты на Плутоне трудились под сиянием одного этого солнца, тогда оно висело неподвижно над северным полушарием, и лишь освещенный им участок был пригоден для жизни. После запуска третьего солнца и это было введено в общий график вращения. Ныне он таков: четыре горячих светила образуют теплый день продолжительностью в шестнадцать часов, два красных поддерживают умеренную температуру во время шестичасовой ночи, а одно, оранжевое, переходное от дня к ночи, знаменует вечерний отдых.

Всходило как раз оранжевое солнце, но больше о нем я не сказал. Я хотел, чтоб оно само заговорило о себе. Далекое земное Солнце тоже сияло, но, крохотное, с горошину, оно терялось рядом с искусственными. Чтоб отвлечь друзей от поднимающегося оранжевого светила, я заговорил о тепловом балансе Плутона. Искусственные светила обогревают лишь поверхность. Нужно разжечь внутренность планеты, образовав расплавленное ядро, как на Земле, чтоб почва обогревалась изнутри и стало возможно ночные красные солнца заменить несколькими холодными лунами.

— Посылайте свое предложение в Большой Совет, — сказала Вера. — Боже, как красиво!

Скалы и долинки, молодую зелень и постройки заливало оранжевое сияние. Оно было так ярко и глубоко, словно предметы пылали внутренним жаром, не освещенные, а раскаленные. А над ними нависало желто-коричневое небо, тоже как бы разогретое до собственного сияния, очень низкое, почти осязаемое, не пустое, как на Земле.

— Нет, как прекрасно! — восторгалась Вера. — И те солнца великолепны, а это просто удивительно.

— Эли делал, — сказал Лусин. — Хорошо! Очень.

— Эли! — Вера повернулась ко мне. — Это седьмое солнце, брат?

— Да, — сказал я. — Мы поработали над ним. Мы хотели, чтобы оно не только приносило пользу, но и украшало нашу молодую планету.

За ужином Вера сказала:

— Грубая и крепкая планета. Жизнь здесь пока малоустроена, но вдохновенна. Я рада, что именно ее выбрали для новых великих работ.

— Порт обслуживается великолепно, — добавила Ольга. — За час с планеты на корабли можно перегрузить сто тысяч тонн грузов.

Ромеро посмеялся над общим восторгом: — Грубая, вдохновенная, великолепная — какие странные слова! Жить здесь нельзя, проработать два-три года — допускаю. Нашли в океане космоса каменистый островок, приспособили его под перевалочную базу и восхищаются — как ладно получилось. А пока все это дурная копия ничтожной части того, что имеется на Земле и чем, я согласен, можно восхититься.

Говоря это, он уписывал пирожки с синтетическим мясом и запивал фруктовыми соками, — не думаю, чтоб еда на Плутоне казалась ему дурной копией земных яств.

Пока я понятия не имею, в чем функция секретаря, но лоботрясничать не приходится и без загадочных секретарских дел. Я основательно изучил недра Звездных Плугов: я побывал и в складах, хранящих миллионы тонн запасов, и в пещерах, куда можно свалить их еще миллиарды тонн, и в цехах, вырабатывающих любую продукцию из любого сырья, и на улицах жилого города, и в сердце корабля — отделении аннигиляторов Танева, самом необыкновенном заводе в мире — заводе, производящем вещество из пустого пространства и пустое пространство из вещества. Когда этот завод запущен, кругом на многие светогоды, на триллионы километров, сминается или разлетается межзвездный космос. Я приведу лишь одну потрясающую цифру, она волнует меня: мощность аннигиляторов Танева в самом крохотном из Звездных Плугов достигает двух миллионов альбертов, а в «Пожирателе пространства» превышает пять миллионов! Все электростанции Земли в конце двадцатого века старой эры не составляли трех миллиардов киловатт, то есть не достигали трех альбертов. Любой звездолет несет в себе энергию, в миллион раз превышающую ту, какой располагало все человечество в год всеобщего торжества коммунизма. И эта исполинская мощность может быть полностью превращена в сверхсветовую скорость, она вся до последнего грамма будет работать на аннигиляторы хода. Но если непредвиденное препятствие внезапно встанет на пути корабля, мгновенно заговорят другие аннигиляторы, — и в старом космосе добавится новой пустоты взамен испепеленного препятствия! Еще не существовало механизмов, так грозно защищенных, как наши галактические корабли, — так мне тогда казалось.

Я выложил мой восторг Ольге.

Она посмотрела на меня с недоумением:

— Ты увлекаешься, Эли. У звездолетов мощности немалые, но для глубокого проникновения в Галактику их не хватит. К тому же мы не знаем, кто нас ждет впереди — друг или враг, и если враг — как он вооружен?

Я допускаю, что техника таинственных разрушителей выше нашей.

С Ольгой можно считать, но не разговаривать. Кибернетический робот показался бы ей приятным собеседником. Она вполне отвечает своему высокому посту — адмирала эскадры межзвездных кораблей.

— Большая Академическая сейчас проектирует корабли на триста миллионов альбертов каждый, — продолжала она. — На таком корабле я чувствовала бы себя спокойней. Но они поспеют нескоро.

— Не расстраивайся, — посоветовал я. — Как-нибудь добредем до Оры и на твоих маломощных суденышках. А что до зловредов, так ходят слухи, что все они повымерли миллион лет назад.

Ольга так и не поняла, что я смеюсь. Она слушала меня и улыбалась. Если бы я не отошел, она могла бы слушать и улыбаться часами. Ее золотистые волосы волосочек к волосочку приглажены, светлые глаза всегда добры, щеки румяны каким-то своим, очень спокойным, уравновешенным румянцем... Меня раздражает и десятиминутный разговор с ней. Если бы меня назначили адмиралом галактической экспедиции, я бы сутки рычал, ревел, хохотал и топал ногами. А она даже не обрадовалась!

20

Андре уединяется с Жанной. Разлука дается им нелегко. Жанна пополнела так, что заметно и посторонним. Роды назначены на 27 февраля и пройдут нормально, я сам читал в прогнозе. Но Андре не доверяет прогнозу.

Мы третий день живем на корабле, и Жанна с нами. Древний обряд расставания решено выполнить на планете. В полдень со всех кораблей устремились ракеты с провожающими и отъезжающими обратно на Плутон. Я был с Ромеро. Он не пропустит случая потешиться стариной, а мне хотелось еще разок потоптать камень планеты.

Мы высадились в порту, когда выкатывалось оранжевое солнце. Ромеро назвал это добрым предзнаменованием, хотя мы заранее знали, что прибудем к дежурству седьмого солнца. На Ору летит около восьмисот человек, провожающих вряд ли меньше. Никто не уходил далеко от ракет, но мы с Ромеро зашагали в каменистые россыпи и присели на бугорке. В сиянии оранжевого солнца равнина светилась, как подожженная.

— Скажите, Эли, — спросил Ромеро, — нет ли у вас ощущения, что вы с этими местами прощаетесь навсегда?

— С чего бы это? Нет, конечно!

Когда мы возвращались обратно, Ромеро показал тростью на Жанну с Андре у трапа.

— Прощание Гектора с Андромахой. Нам придется стать свидетелями нежных объяснений.

Мы остановились так близко, что слышали их разговор.

— Скорее бы уезжали! — говорила Жанна. — Я измучилась от провожаний.

— Не нарушай режима! — говорил Андре. — Еда, работа, прогулки, сон — все по расписанию! Я спрошу отчет, когда вернусь.

— А ты не болей. И если попадутся красивые девушки с других звезд, не заглядывайся на них. Я ревнива.

— Ревность — истребленный пережиток худших времен человечества.

— Во мне этот пережиток не истреблен. Ты не ответил, Андре, меня это тревожит!

— Успокойся! На Ору людей не привезут, а влюбляться в ящериц или ангелиц я не собираюсь.

Я взял под руку Ромеро, и мы прошли в ракету.

— Какова взаимная пригодность этих голубков? — спросил Павел. — Они третий год не могут оторваться друг от друга.

— Большая не выдает личных тайн, а сами они не откровенничают. Я не смогу удовлетворить ваше любопытство, Ромеро.

Странно все же устроен человек. Ничего я так не желал, как поездки на Ору. Но мне стало грустно, когда я смотрел в окно ракеты на удаляющийся Плутон. Мы жаждем нового и боимся потерять старое. В одну руку не взять два предмета, одной ногой не вступить в два места, но, если покопаться, мы всегда стремимся к этому, — не отсюда ли обряды прощания с их объятиями, слезами и тоской? При мысли, что кто-то заменит меня на Плутоне и восьмое, прекраснейшее из солнц, создадут без меня, я расстроился. Черт побери, как говорили в старину, почему мы не вездесущи? Что мешает нам стать вездесущими? Низкий уровень техники или просто то, что мы не задумывались над такой проблемой? Почему каждый из нас — один и единственный? Лусин запросто творит новых животных, воздействуя на нуклеиновые кислоты зародышей, разве так уж трудно продублировать себя в пяти или шести одинаковых образах? Две Веры, восемь Ромеро, три Андре — один создает новые дешифраторы, второй любит свою Жанну, третий уносится к галактам! Уехать, но оставить себя, одновременно быть и отсутствовать, — нет, это было бы великолепно!

— Ручаюсь, что вы фантазируете о чем-то немыслимом, — сказал Ромеро.

Я опомнился:

— Прощание Андре навело меня на мысль, что мы еще далеко не так удобно устроили свою жизнь, как всюду хвалимся.

— Желания всегда опережают возможности, недаром Андре жалуется, что половина его потребностей остается неудовлетворенной, — он путает, для острого словца, желания и потребность. Кстати, он все еще прощается — посмотрите.

Андре не отрывался от окна. Планета уменьшалась, по ее диску катились три солнца, издали они казались ярче, чем были в натуре.

Я отвернулся от Плутона. Впереди вырастал похожий на исполинскую чечевицу «Пожиратель пространства», в стороне, сохраняя дистанцию, висели остальные галактические корабли. Только издали можно было охватить одним взглядом эти громадины. Конечно, земная луна больше любого из звездолетов. Но Столицу с ее пятнадцатью

миллионами жителей вполне возможно упрятать в корабельное чрево.

В боковине звездолета раскрылся туннель космодрома, и ракета устремилась на посадку.

21

На второй день полета я выбрался в командирский зал, откуда управляют движением звездолета.

Зал — полая сфера, куполообразные экраны с боков, сверху и снизу: звездное пространство на всех координатных осях. Посреди зала подвешены в силовых полях пять свободно — по мысленному приказу — вращающихся кресел. В центральном — Ольга, с боков ее помощники — Леонид и Осима, седенький старичок. На боковине кресел — поворачивающийся бинокль с огромными увеличениями. В зале темно.

Пассажиров сюда не пускают, но для меня Ольга сделала исключение.

— Завтра в двенадцать переходим с фотонной тяги на аннигиляцию пространства, — сказала она вскоре после отлета. — Приходи в восемь ко входу в зал.

Без двух минут восемь я подошел к заветной двери. Никто меня не встретил, я постучал — ответа не было. На последней секунде восьмого часа дверь распахнулась и что-то мощно всосало меня в темноту. Ошеломленный, я вскрикнул. Тут же я почувствовал, что удобно сижу в кресле. Обычно мы приминаемся, чтоб хорошо разместиться, здесь линии поля сами выбрали мне наилучшую позу. В этом я разобрался потом, а в тот момент меня охватил новый ужас. Я был словно выброшен вовне, в безмерность космоса — звезды над головой и под ногами, справа и слева, передо мной и позади! Я услышал спокойный голос Ольги:

— Ты, кажется, застонал, Эли?

Я сделал усилие, чтоб голос не дрожал:

— Это от восторга. Никогда не чувствовал себя так хорошо. Рассказывай, что тут к чему?

Ольга объяснила, что в зале нет ни верха, ни низа, все направления равноправны. Она тут же хладнокровно перевернулась вниз головой. Я последовал за ней, и та часть неба, что была под ногами, встала над макушкой. Все совершалось так, как если бы верх и низ поменялись местами: тело мое по-прежнему плотно прижималось к креслу.

— Мы могли бы передвигать звездную сферу, — заметила Ольга. — Но тогда бы картина была одной для всех наблюдателей. У нас каждый исследует свой участок неба, не мешая остальным. Силовое же поле в любом положении создает ощущение, будто голова вверх.

— Как узнать направление полета? Здесь темно и со всех сторон звезды.

— Пожелай увидеть — и увидишь.

Кресло описало полуоборот. Теперь передо мной сияло созвездие Тельца, в нем дико посверкивал оранжевый бычий глаз — Альдебаран, призрачно, на границе видимости, светились Гиады. В сторонке, похожие на клубок сияющей шерсти, горели Плеяды, или Стожары. Я пока не находил изменения в рисунке созвездий. Я поискал Большую Медведицу — ковш был как ковш, я тысячи раз видел его таким.

Ольга рассмеялась.

— Ты нетерпелив. Мы в полете меньше суток и идем на фотонной тяге. От Плутона нас отделяют миллиардов десять километров. Этого недостаточно, чтоб изменились созвездия.

Я поинтересовался, как измеряется скорость корабля. Мне ответил Осима. К этому времени я надел инфракрасные очки-преобразователи. Они сконструированы для близких расстояний и не мешают наблюдать далекие предметы, излучающие обычный свет, — я различал рядом с собой Осиму, а на сфере все те же звезды.

Скорость звездолета определялась по параллаксу ярких звезд, относительно шаровых скоплений на границах Галактики. В темноте призрачно засветились две шкалы. На одной были досветовые скорости, на другой сверхсветовые, первая действовала при фотонной тяге,

вторая — когда включались аннигиляторы Танева. На досветовой шкале колебался зайчик — мы шли на трети скорости света.

Я повернулся назад, чтоб поглядеть на другие звездолеты, но не нашел даже точек. Ольга показала, как пользоваться биноклем. Теперь я видел все восемь кораблей, веером идущих за нами на отдалении миллионов в сто километров. Это была дистанция безопасности. Дальнейшее сближение могло затруднить маневрирование межзвездных судов.

— А когда мы уйдем в сверхсветовую область, мы вообще перестанем их видеть, — сказала Ольга. — Там есть лишь одно средство координировать полет — заранее рассчитанный график движения.

— Лететь, не видя друг друга, не умея передать нужную информацию!.. Вслепую и вглухую!..

— Что поделаешь, Эли! Звездолеты в сотни раз обгоняют свет, а другого природного агента для связи, движущегося со скоростью наших кораблей, мы не знаем.

На некоторое время я увлекся биноклем. Я мысленно задавал увеличение и тут же получал его. Максимальное приближение равнялось миллиону раз. В такой прибор с Плутона можно было бы видеть на Земле все города и реки. Осима сказал, что фотонные умножители — так называются эти галактические телескопы — изобретены недавно и на их звездолете опытный экземпляр.

Принцип действия прибора иной, чем у телескопов. Те лишь собирают звездный свет, этот его усиливает, умножая число уловленных фотонов. По существу, это не прибор, а оптически-квантовый завод, перерабатывающий полученную скудную информацию в удобную для наблюдения. Бинокль на ручке кресла — лишь ничтожный элемент умножителя, основные его механизмы размещены в недрах звездолета.

До меня донесся глуховатый голос Осимы:

— Через минуту вступают в работу аннигиляторы пространства.

— Да, я вижу, — ответила Ольга.

Все совершилось буднично невыразительно. Не произошло ни толчков, ни грохота, ни вспышек, ни перегрузок. Кровь не бросилась мне в лицо, в ушах не зашумело. «Пожиратель пространства» уже не летел в пространстве, но уничтожал его перед собою. Ничто в зале не изменило своего вида. Правда, звезды впереди как бы затянуло маревом, но и это продолжалось недолго.

— Повернись назад, — посоветовала Ольга. — Там ты скоро откроешь новое.

Однако и позади я не обнаружил чего-либо поразительного. Я искал больших зрительных эффектов, их же как раз не следовало ожидать. Потом я заметил за кораблем ту же дымку, что впереди, но более плотную, — звезды сквозь нее казались тусклей и красноватей. Это было новое вещество, созданное самим звездолетом. Космическая пустота, сжигаемая аннигиляторами Танева, обретает вещественную форму, становится пылевым облаком. На одном параллаксометре была все та же треть скорости света, быстрота нашего движения в пространстве, но на другом мерцающий зайчик перевалил за двадцать световых единиц — так бурно пожирало пространство аннигиляторы. А вскоре зайчик на первом параллаксометре покотился к нулю и сам прибор стушевался в темноте. Теперь мы передвигались лишь за счет уничтожения пространства. Восемь точек, веером стремившихся за нами, пропали. И сами мы стали невидимы для других звездолетов, и они перестали быть видимыми для нас. «Нырнули в невидимость», — сказал я про себя.

Зайчик параллаксометра добрался к цифре пятьдесят. Хоть я не ощущал перемен ни в себе, ни в окружающих предметах, ни в далеком звездном мире, в котором мы так ошалело неслись, мне стало страшно от сознания того, что совершается. Я впервые двигался с такой быстротой.

Я спросил:

— До каких величин будет увеличиваться скорость?

— Она непрерывно увеличивается, — разъяснил Осима. — Сегодня мы ограничимся

ста единицами, а потом доберемся до двухсот.

Ольга добавила:

— До Оры двадцать парсеков, шестьдесят светолет. Нам задано добраться туда за три месяца. Приходится торопиться, Эли.

Я поднимал умножитель вверх, опускал его. Пылевой туман позади сгущался. Пять-шесть полетов такой армады звездолетов, размышлял я, и из Галактики выхватится основательный кусок пространства, а взамен его образуется новое космическое тело — пылевое облако, «сотворенное из ничего», как сказали бы наши предки. Не удивительно, что запуск аннигиляторов Танева в окрестностях Солнечной системы запрещен.

Иногда мне казалось, что звезды впереди приблизились — светят ярче, стали крупнее. Но потом я соображал, что и при такой огромной скорости мы не могли пройти большого пути за несколько часов. В космосе масштабы относительнее, чем в обыденной жизни. И грандиозное здесь скромно.

Когда Ольге пришло время сдавать дежурство, меня высосало наружу тем же способом, что и втягивало внутрь. У входа я повстречался с Леонидом. Его сумрачные глаза недобро засветились.

— У меня было разрешение, — сказал я.

— Не сомневаюсь, — холодно ответил он. — Наш строгий адмирал очень добр к тебе.

Этот пустячок — встреча с Леонидом — порядочно испортил мне настроение. Для пассажиров устроен обсервационный зал, побольше командирского, но по тому же образцу — невесомость, силовое поле, вращающиеся кресла, бинокли умножителя. Оттуда, правда, нельзя распоряжаться механизмами корабля, но и в командирском зале я не командовал, а наблюдал.

«Буду ходить в обсервационный зал», — решил я.

22

Ору мы увидели на сорок восьмой день путешествия. Знаменитая искусственная планета предстала крохотным пятнышком в умножителе. День уходил за днем, а она не увеличивалась. Так будет до конца полета. Ора вырастет вдруг, а до той поры останется точечкой в пространстве. Зато Альдебаран в умножителе занимает чуть ли не полнеба. Вблизи он не так красив, как издали, — рядовое солнце, ничего особенного. Мы его оставляем в стороне, Ора правее парсека три.

Единственное осязаемое свидетельство пройденного пути — изменение рисунка созвездий. Звездный мир становится незнакомым, и его незнакомость все увеличивается. Сперва преобразился Орион, от него оторвалось блестящее его окружение — Капелла, Сириус, Поллукс, затем и само созвездие сжалось и переместилось. Большая Медведица значительных перемен не претерпела, но появились блуждающие звезды, быстро, словно планеты, передвигающиеся по небосводу. Вдруг сорвался с места Сириус, вначале он бурно летел влево от нас, потом повернул назад и стал уменьшаться. Через месяц путешествия мы удивлялись: неужели вон та скромная звездочка — красивая, конечно, красоты у ней и сейчас не отнять, — неужели это и есть прекраснейшее из светил земного неба? А за Сириусом пришла в движение торжественно-холодная Вега, она покинула созвездие Лиры и устремилась к Змееносцу и Скорпиону. Потом все стало бурно мешаться: одни звезды стусывались, другие выплывали, на небе разгоралась исполинская Капелла, явственной очерчивались Гиады, жарче пылал Альдебаран, — мы мчались в их сторону. Лишь Плеяды, маленькое туманное пятно, клубок сияющей шерсти, не увеличивались, они были так далеко, что наше движение не сказывалось на них. И вовсе не менялся Млечный Путь, исполинская звездная река Вселенной, поток миров, выхлестывающий на берега. Мы можем годами мчаться с этой нашей многократно сверхсветовой скоростью, — грандиозный и недоступный, он будет оставаться тем же.

Чаще всего мы глядели назад, на оставленный нами звездный край. В той стороне

обрисовывалось новое созвездие. Звезды, сорвавшиеся с разных участков неба, сбегались в одно образование, оно оконтуривалось, становилось чем-то единым. Вскоре оно напоминало вытянутый параллелограмм, граничные линии отчеркивались Фомальгаутом и Альтаиром, Вегой и Арктуром, Сириусом и Капеллой, а в центре сияли Солнце, Поллукс и Альфа Центавра. Это был наш мир, родина человечества, Солнце и его соседи! И хоть Солнце, превратившееся в звездочку пятой величины, ничем не выделялось среди тысяч таких же скромных звезд, и остальные светила нового созвездия потускнели в сравнении с тем, как выглядели с Земли, их вид волновал нас. Нет, оно было красиво, это собрание неярких звезд, оно радовало взгляд. «Солнечный мешок» — назвал я его. Мы были вытряхнуты из этого мешка в космическую пустоту и падали, всё падали в безмерность звездной бездны!

Через некоторое время в окружающем Ору пространстве появились признаки жизни. Мы приближаемся к узловой станции в космосе — пересечению великих галактических дорог. Ольга выключила аннигиляторы Танева, теперь мы снова идем на фотонах. Остальные корабли эскадры, вынырнув из сверхсветовой области, стали видны в умножителе. Миллионах в трех километров от нас промчался небесный курьер, из тех, что приспособлены для перевозки пассажиров из одной планетной системы в другую. Он, видимо, торопился и на наши сигналы не отзывался.

А потом стала расти Ора, из точки превратилась в горошину, горошина выросла в апельсин. Теперь нами командовал диспетчер межзвездного порта. По голосу, это девушка — решительная, четкая, звонкая. Она велела нам перестроиться: первыми опускались на Ору малые корабли, «Пожиратель пространства» замыкал эскадру. Ухваченные силовыми полями планеты, звездолеты один за другим подвигались к назначенным местам. Нигде так сложно не швартуются, как на Оре. Это объясняется тем, что звездолеты опускаются прямо на поверхность, а не причаливают к спутникам, сами превращаясь на время в спутника планеты, куда прибыли.

Наконец остались мы одни и причальное поле сжало нас, как клещами. Наш гигантский корабль мощно всасывало в планету.

Отведенная для больших кораблей равнина космодрома напоминала горную страну — кругом вздымались причалившие раньше нас звездолеты. «Пожиратель пространства» покачивался в причальном поле, медленно приближаясь к своему участку. Мы обошли стороной неподвижное искусственное солнце — оно притушило сферу, чтоб не извергать на нас вблизи радиацию. Перед нами, сколько хватал глаз, простиралась поверхность искусственной планеты — самое величественное из чудес человеческого ума и рук! Вот она, вот она, зеленовато-серая, залитая сиянием, суровая, вдохновенная рабочая площадка Вселенной, — здравствуй, Ора, сердце мое!

Корабль замер, плотно усаженный на тормозном поле, и к его воротам устремился полупрозрачный трап из силовых линий. Я не стал дожидаться, пока меня вытянет наружу, как пушинку, и, заорав, покатился по силовым линиям. На меня свалился хохочущий Андре, на него — Вера и Павел. Наша забава не понравилась диспетчеру порта. Невидимые руки грубо швырнули нас в разные стороны, несколько секунд мы повисели в воздухе, словно ухваченные за шиворот, затем мягко опустились.

— Как девчонка!.. Как девчонка!.. — говорила Вера, смеясь. — Что ты делаешь с нами, Эли!

— А здесь не любят шутить! — заметил Ромеро, он первый, разумеется, обрел серьезный вид. — Встретили нас не слишком любезно.

Мы были на Оре!

Прежде чем перейти к событиям на Оре, я должен поговорить о ней самой. Нет темы, столь захватывающей, как Ора. Детьми мы грезили о ней, взрослыми стремились на нее. Сейчас, в наш 563 год, мы способны возвести сооружения пограндиознее Оры. Но такой

близкой каждому человеку, как Ора, уже не будет.

Ее придумали наши прадеды, возвели отцы. Это было первое крупное космическое новообразование, заранее рассчитанное и спроектированное. Ора раньше была чертежом, потом лишь стала сооружением. Сто четыре года человечество жило мыслями об Оре, работало на нее, пело и мечтало о ней, и почти половину этого столетия заняло не возведение Оры, а придумывание ее. Планет, шарообразных или бесформенных, и без Оры хватает в мире. Лишь немногие из них пригодны для жизни, и на каждой развивается лишь та особая жизнь, какой благоприятствуют местные условия. Ору задумали как величайшую галактическую гостиницу, как место, пригодное для всех форм жизни, — Ора многообразна, как жизнь. Никакие естественные планеты, как бы их ни оборудовали, не годились для такой цели. Ора — не планета, заставленная механизмами, а механизм, выросший до размеров планеты. И ее поместили на таком отдалении от Земли для того, чтоб она была поближе к нашим звездным соседям: Ора возведена в геометрическом центре нашего звездного района.

И это также первое в истории человечества небесное тело, сотворенное из пустоты, из «ничто» по терминологии древних. Флотилия Звездных Плугов многие годы вспарывала и сгущала пространство в этом уголке Вселенной — космическая пыль заклубилась между Тельцом и Гиадами новой туманностью. Воистину они напылили, эти машины! А потом пыль уплотняли, формируя в металлы и минералы, газы и воду, она засасывалась в пасти заводов на кораблях и выдавалась готовыми материалами — выстилались равнины, возводились холмы, устанавливались здания.

Необычна и форма Оры. Конструкторы отказались от шара, в шаре много излишнего — практически используется лишь его поверхность. Ора — плоскость. Вначале, в процессе изготовления, она была шаром, но шар раскатали, как тесто, и расстелили гигантским листом в космосе. Сейчас Ора напоминает исполинское блюдо. Толщина почвенного покрова несколько метров, а под ним — десятки этажей машин, создающих на своих участках заданные условия существования. Я бы сказал еще так: Ора — это ящик, заполненный механизмами и накрытый крышкой, а крышка ее — жилая поверхность планеты.

Уникально и солнце Оры, другого такого пока нет. Оно недвижно подвешено над центром планеты. Здесь оно всегда в зените, а в других районах видно под постоянным углом. От вращающегося солнца, вроде тех что мы запустили на Плутоне, отказались именно потому что Ора — плоскость, а не шар. Но это не помешало устроить правильные чередования дня и ночи, рассвета и сумерек, и притом так остроумно, что, уверен, схожие конструкции солнц появятся вскоре и на других планетах. Солнце на Оре управляемое, интенсивность и температура его меняются по графику: на рассвете оно тусклое, потом разгорается, свирепеет до белокалийного жара, снова ослабевает, становится из желто-белого красноватым, меркнет совсем и через некоторое время опять зажигается, но уже холодным лунным светом, и работает не во весь диск, а по долям, согласно расписанию ночных фаз. Полный цикл изменений активности охватывает двадцать четыре земных часа — чтоб люди не отказывались от привычек, усвоенных с детства.

И последнее — воздух! Нигде нет такого воздуха, как на Оре. Атмосфера создана по образцу земной, но на старушке Земле я никогда не дышал так легко, так радостно, так весело. Дыхание на Оре не потребность, а наслаждение. Уверен, в нем не только ароматы, но и питательные калории. В старину шутили: «Питаться святым духом». Когда-нибудь я попытаюсь покормиться одним здешним воздухом. Такова Ора.

24

На второй день Вера сказала:

— Итак, начинается наша работа, Эли. Ты свои обязанности, конечно, знаешь?

Я их, конечно, не знал. Вера разъяснила, чего от меня ждет. Секретарствовать оказалось несложно. Для начала всюду нужно было ходить с Верой и помогать ей. Хожу я хорошо, а что до помощи, то до сих пор она помогала мне, а не я ей, — думаю, так будет и

впредь.

— Начнем со знакомства со звездожителями, — сказала Вера. — А сейчас идем на совещание к Спыхальскому, он доложит, как они выполнили решение Большого Совета.

Спыхальский принял нас в здании Управления Оры, там уже было полно работников планеты. Он торжественно поздравил нас с прибытием. Доклад его был неутешителен. Получив предписания с Земли, Спыхальский разослал специальные экспедиции во все звездные окрестности. Но на звездах вне Гиад о галактах не слыхали, а в Гиадах дополнительного к тому, что уже сообщено Земле, экспедиции не обнаружили.

— К нам на Ору привезли с девятой планеты Пламенной В одного четырехкрылого молодца с яркими сновидениями о галактах, — сказал Спыхальский. — Вы сможете с ним потолковать. Он захулиганил и сейчас отделен от собратьев. К людям он относится с уважением, но своих не переносит. Между прочим, мы открыли в Гиадах любопытный астрофизический факт: Гиады удаляются от других звезд.

Ольга все новости воспринимает с невозмутимым спокойствием, но тут заинтересовалась:

— Какой же это новый факт, Мартын Юлианович? Еще наши предки знали, что Гиады удаляются от Солнца.

— От Солнца — да, — возразил Спыхальский. — Удаляются от Солнца и приближаются к другим звездам — так мы считали до сих пор. А новое открытие таково — Гиады удаляются от всех окружающих звезд, расстояние между ними и другими светилами растет по всем координатным осям.

— Вы хотите сказать, что Гиады генерируют вокруг себя новое пространство?

— Да, это. Очевидно, какая-то часть вещества в Гиадах аннигилирует. Причины и механизм этого явления пока не установлены.

Я посмотрел на Андре. У Андре был взволнованный вид, он что-то горячо доказывал Лусину, тот лишь покачивал головой. Я не сомневался, что Андре уже придумал теорию, полностью объясняющую выпадение Гиад из окружающего звездного мира.

В заключение Спыхальский предложил прибывшим с Земли самим попытать счастья в экспедициях. Что же до прежних задач Оры, то они выполнены. На Ору приглашены представители всех звездных народов, населяющих окружающие Солнце светила. Звездожители поселены в гостиницах, создающих привычные им условия жизни.

— Через час отправимся в гости к звездожителям, — сказала мне Вера. — Позаботься о дешифраторе.

Я подошел к Андре.

— Даже издали видно, что ты нафантазировал что-то ошеломляющее, — сказал я. — Ну, обрушивай на мою бедную голову.

— И обрушу! — закричал он запальчиво. — Твоя усмешка меня не смутит! Только глупцы заранее издеваются над тем, о чем и краем уха еще не слыхали.

Я постарался выглядеть серьезным.

— Выделяю тебе не край уха, а полностью два.

Андре, смягчившись, с увлечением изложил родившуюся у него гипотезу. Должен признаться, что и меня она захватила — если не правдоподобностью, то яркостью. Андре полагал, что удаление Гиад от всех светил — следствие бушевавшей когда-то в этом скоплении космической схватки галактов. со зловедами. Одна воюющая сторона уничтожала пространство, сталкивая и испепеляя планеты, другая уничтожала вещество, превращая его в пространство, чтоб не дать планетам обрушиться друг на друга. Короче, были одновременно запущены обе реакции Танева — и прямая, и обратная. Прямая давно исчерпала себя, а обратная — превращение вещества в пространство — продолжается, и в результате Гиады медленно погружаются в созданный некогда провал в космосе.

— Этот провал и в наши дни расширяется! — энергично закончил Андре. — А питает его та пыль, что образовалась после взрыва планет. Я утверждаю, что это не простая пыль, а аннигилирующая. Надо попросить Большой Совет направить в Гиады экспедицию для

проверки моей гипотезы.

— Ладно, проси! — разрешил я. — А я попрошу у тебя дешифратор. Ты пойдешь знакомиться со звездожителями?

— Я буду добывать новые данные о галактах, дипломатические знакомства меня не привлекают. Хочу навестить того крылатого буяна, которого поселили отдельно. Дешифратор возьмешь у меня в номере.

В номере у Андре я с сомнением поглядел на солидный чемодан, последний вариант того ДП-2, что так подвел Аллана в Малом Псе. .

— Теперь он называется малым универсальным, а не переносным, — сказал Андре. — ДУМ, понял?

— Дело не в названии.

— Название отвечает сути. Каждый дурак, посмотрев шкалу настройки, сумеет общаться с любым разумным звездожителем. Забирай и проваливай, Эли!

Я пожелал Андре, чтоб сварливый ангел вцепился ему в кудри. Андре хохотал, глядя, как я сгибаюсь под тяжестью дешифратора. Но я вызвал авиатежку и не торопясь удалился, а тележка с прибором колыбалась на уровне моего плеча — ее тянуло мое индивидуальное поле. На Оре все снабжаются такими полями.

Вера с Ромеро уже ждали меня в ее номере. На улице нас встретил Спыхальский. Он вызвал автобус и поинтересовался, к кому мы раньше других пойдем в гости.

— К тем, что всех интересней, — сказал я.

Спыхальский улыбнулся странноватой улыбкой — косой, не оживляющей, но словно бы перерубающей лицо — один ус поднимался, другой опускался.

— Мне все интересны, юноша. А вас что больше интересует — ум или красота? Умом они нас не превосходят, а что до красоты... впрочем, сами увидите.

В автобусе он сказал:

— Итак, уважаемые земляне, ближайшей гостиницей будет «Созвездие Тельца и Возничего». Сравнительно высокого уровня жизнь достигла лишь в системах Альдебарана и Капеллы. Планеты здесь крупные, гравитация превышает земную, думаю, вас поразит облик жителей этого уголка Вселенной. Они уже предупреждены о вашем визите и ждут вас с нетерпением.

Вера промолчала, Ромеро улыбнулся, я засмеялся — мы в сотнях передач на Земле видели обитателей Капеллы и Альдебарана. Это были существа, расплюснутые тяжестью, они походили на огромные рыжевато-каплевидные и даже передвигались, как капли — переливанием тела. Вместе с тем, это были разумные существа, они отвечали на вопросы, но не сразу, жизненные реакции у них замедлены. Речь их проста — цветовая, почти вся в видимом спектре, она была одной из первых, какие удалось расшифровать. Не думаю, чтоб им было знакомо такое слишком уж человеческое чувство, как нетерпение.

В гостинице — низком, черепахообразном здании — нам выдали по движущемуся креслу с гравитатором. В этом здании лишь в кресле можно ощущать себя нормально, упади с него — мгновенно расплющит тяжесть. Выпасть из кресла, однако, можно лишь при общей катастрофе на Оре — в остальных случаях силовые поля, не позволяя сойти, дают свободно двигать руками, поворачивать голову и туловище. Усевшись, я для проверки рванул вон, но меня отшвырнуло назад.

Внутри здания простиралась каменистая равнина, усеянная узловатыми растениями, похожими на руки, прикипшие к земле, — помещение альдебаранцев. Вскоре мы обнаружили их самих. Три рыжих туши неторопливо перетекали с холмика в долину, один из альдебаранцев пополз к нам. Это был первый звездожитель, увиденный мной не на стереозкране. При движении он из капли превращался в тушу, напоминавшую медвежью, он и по массе был равен медведю. Рыхлое, почти лишенное костей тело стягивала прочная кожа. Замечательны глаза альдебаранца — широкий белый пояс глаз, опоясывающий тело чуть выше середины. Верх туловища над глазами казался шапкой — это орган их цветовой речи. Без такого обилия глаз альдебаранцы не смогли бы разговаривать, речь их в

буквальном смысле слова неярка.

Пока он приближался, я задал дешифратору программу: «Район Тельца и Возничего, цветовая речь» и поднял приемно-передающее устройство — шар на рукоятке. Альдебаранец тотчас же устремил на шар ту половину глазного пояса, что глядела в нашу сторону. Мы поздравили альдебаранца с прибытием на Ору, он поблагодарил нас за хороший прием, после этого начался деловой разговор.

— Как вы здесь чувствуете себя? — спросила Вера.

Шар передатчика последовательно окрасился в малиновые, синие, желтые цвета. В ответ засветилась «шапка» альдебаранца, но краски ее были тусклее, чем на шаре, я не догадался бы, что это речь, если бы не знал заранее. В шаре зазвучал глуховатый машинный голос, информация, полученная от альдебаранца, перерабатывалась в человеческие слова с такой быстротой, что мы не замечали интервала.

— Благодарю, — повторил альдебаранец. — Приятно, что тяжесть во время сна увеличивается. Еще никогда так хорошо не спал.

— Вам нравятся люди? Не жалеете ли, что приехали к нам?

— Нам приятно среди людей.

— А знаете ли вы что-либо о других существах, похожих на нас? Не знаю, как вас зовут, друг мой?..

— Меня зовут Влан, — ответил альдебаранец. — О существах, похожих на вас, я не знаю. Надо спросить старика помоложе, лучше ребенка. В нашей делегации молодых стариков нет.

Вскоре подползли другие альдебаранцы и разговор стал общим. Если они и ждали нас с нетерпением, то по беседе я этого не определил — жители Альдебарана больше отвечали, чем спрашивали. Впрочем, мы и раньше знали, что они нелюбопытны.

— Какая-то абракадабра, — сказал Ромеро, когда мы распростились с ними. — Дети-старики, тяжесть во сне увеличивается...

Спыхальский иронически перекосил усы. Я все не могу привыкнуть к его улыбке.

— По-вашему, смысл лишь в обычаях вашей жизни? В их сообщении все концы отлично увязываются.

И он рассказал, что в жизни альдебаранцев главной проблемой является не добывание пищи, как у большинства звездожителей, включая и людей, а сон. Социальное благоденствие общества определяется возможностью организовать сон. При нормальном у них тяготении они трудятся, но не засыпают. Для сна им требуется усиленное гравитационное поле. Чтоб заснуть, они опускаются в глубокие пещеры. Разница в тяжести на глубине и вверху невелика, но они используют и ее. Уход в сон у них задача непростая: опуститься вниз не так уж сложно, но как взобраться подобной туше наверх? Возвращение от сна к бодрствованию — коллективная работа. В пещеры опускаются площадки на ремнях, вверху рабочие крутят ворот, отправляя собратьев на сон и извлекая их после сна. На Оре же оборудованы специальные беседки для сна. Когда кто-нибудь заползет туда, силовое поле увеличивается, и они сладко засыпают под нарастающее ускорение силы тяжести.

— Послушайте теперь, что за народ их юные старики, — сказал Спыхальский, посмеиваясь.

Оказалось, альдебаранцы книг не пишут и знания передают изустно. Некоторые из их сограждан с детства специализируются на запоминании. Эти ученые альдебаранцы освобождены от всякой иной работы и в старости, добавляя к услышанномужитое, становятся кладями мудрости. В конце жизни они передают свои знания новым хранителям опыта, их всех любовно называют стариками, слово «старик» равнозначно понятию мудрый. А что альдебаранец рекомендовал обратиться к юным старикам, тоже объяснить просто. Навести справку у пожилых нелегко, они неторопливы, а к старости окостеневают — они будут рыться в библиотеке воспоминаний дольше, чем однурукий в огороде. Молодые оперируют знаниями гораздо свободней.

— Странное имя — Влан, — сказал я. — Означает оно что-либо?

— Звукосочетания Влан не существует. Его реальное имя — комбинация цветов, а дешифратор перевел эту комбинацию по коду преобразования цветов в звуки. Сам Влан и не подозревает, что его зовут Вланом.

За холмистой равниной альдебаранцев открылся второй участок гостиницы — озеро со скалистыми берегами. В скалы вмонтированы пещеры, единственные жилые помещения в этой унылой пустыне. В них обитают гости с Капеллы, такие же громоздкие и неуклюжие, как альдебаранцы, но еще неразговорчивее. Мы познакомились с одним из них и еле вытянули из него несколько слов. Он недоверчиво оглядывал нас поясом выпуклых глаз, и, по-моему, только вежливость гостя мешала ему повернуться задом. Впрочем, у этих существ круговой обзор, — возможно, он с самого начала стоял к нам спиной. Зато когда он надумал говорить, оказалось, у него ясная речь и четкие мысли. Он просветил макушкой, что жить здесь можно, и уполз в пещеру.

Я подъехал к озеру и, изогнувшись, потрогал воду. Вода была как вода — мокрая. Огромная сила тяжести не сказывалась на свойствах воды. Зато озеро было необычное — без волн, даже без зыби. Чтоб заставить эту воду закачаться, нужны силы иных масштабов, чем у нас. И рыб, конечно, в таком озере не водится.

У выхода Ромеро сказал:

— Не знаю, насколько эти существа разумны, но что они очень уж нечеловечны... Я имею в виду их облик.

— Социальная жизнь обитателей Альдебарана и Капеллы похожа на жизнь примитивных человеческих обществ, — заметила Вера. — Единственное отличие в их пользу: они не воюют между собою.

— Что вы называете человеческими особенностями? — спросил Спыхальский Ромеро. — Тонкие талии и бледность кожи?..

— Лучше бледность и полупрозрачность, чем непроницаемая массивность. Тонкая талия также больше меня устраивает, чем туша. И я предпочел бы два синих глаза, а не сорок восемь бесцветных.

Спыхальский удовлетворенно мотнул головой.

— Сейчас мы навестим посланцев Альтаира. Если вы не признаете их сверхлюдьми, так не знаю, что вам требуется.

25

После такого предисловия я с нетерпением ожидал встречи с альтаирцами. Гостиница «Созвездие Орла» была небольшим зданием из металла, без окон — ящик, поставленный на почву. В вестибюле мы надели скафандры, прозрачные и гибкие.

За вестибюлем открылся высокий пустой зал. Единственным его украшением, если это можно назвать украшением, был пояс прожекторов, протянувшийся чуть ниже потолка.

Спыхальский смотрел на нас с ироническим торжеством.

— Почему такая невежливость, дорогие земляне?

Вас окружают приветливые альтаирцы, жаждущие беседы с людьми, а вы словно воды в рот набрали.

Ромеро с недоумением поворачивался, пытаясь что-нибудь уловить в пустоте.

— Сдаюсь, — признался он. — Ничего не понимаю.

Пояс прожекторов тускло засветился. И мгновенно вокруг нас зажглись полупрозрачные силуэты, зеленые и фиолетовые. Это были, несомненно, живые существа, но они смахивали на призраков: не то гигантские пауки на тонких ножках, не то шары с жесткими волосиками. Они отталкивались от пола ногами-волосиками и скоплялись вокруг нас: мы были окружены облаком таких существ.

— Паукоподобные из созвездия Орла, — сказала Вера, перехватив иронический взгляд Спыхальского. — Жизнедеятельны лишь под жестким облучением.

Я задал программу: «Район Орла, жесткое излучение». Ромеро не пожелал признать

себя побежденным. Вера беседовала с альтаирцами, а он прошептал мне на ухо:

— Существа эти, пожалуй, прозрачнее наших медуз.

Но изящества в них не больше, чем в медузах.

Пока альтаирцы реяли кругом Веры, засыпая ее вопросами и отвечая на ее вопросы, Спыхальский рассказал мне и Ромеро об их образе жизни. Альтаир — звезда класса А с температурой поверхности 9000 градусов, в его излучении жесткие компоненты сильнее, чем у Солнца. Белковые организмы, попав на планеты Альтаира, вскоре были бы истреблены беспощадным светилом. И вот совершилось чудо приспособления — жизнь на Альтаире превратила в свое животворное начало именно то, что несло ей смерть. Клетки в организмах альтаирцев функционируют лишь под действием жестких лучей, исторгаемых звездой. Каждое из существ, окружавших нас, само является источником радиоактивности, даже мысли их несут в себе смертельную радиацию — они мыслят, убивая. Забавен образ жизни этих опасных для нас, но добродушных по характеру существ: они просыпаются и становятся видимыми на рассвете, когда поднимается Альтаир, в полдень жизнедеятельность у них в максимуме, а к вечеру, когда поток рентгеновских лучей ослабевает, становятся вялыми и впадают в спячку, из которой их могут вывести лишь гамма-лучи. На Оре в определенные часы их облучают, в другие часы радиация ослабевает — и они засыпают. Позаботились и о их работе. Альтаирцы — прекрасные строители, возводят здания, роют каналы. За этим залом простирается площадка, заполненная их созданиями. Кстати, альтаирцы — отличные живописцы, но картины их жестковаты: они пишут не красками, а радиоактивными веществами, иначе не увидели бы своих творений.

— Вы сказали, что они добродушны, — проговорил Ромеро. — Но эти добродушные существа устраивают междоусобные войны.

— Правда, они воюют. Северный и Южный союзы — так называются их государства.

Я стал прислушиваться к беседе Веры с альтаирцами. Наших гостей из созвездия Орла интересовало, правда ли, что гостиница — искусственное сооружение и нельзя ли привезти им на Альтаир великолепный пламень, пронизывающий члены, — они имели в виду гамма-излучатели.

Вера пообещала прислать им партию таких приборов.

Ромеро негромко сказал мне:

— Нет, меня определенно не восхищают ни эти нитеобразные разбойники с Альтаира, ни бегемоты с Альдебарана и Капеллы. И свирепое их солнце не вызывает симпатии. Помните в стихах Танева строчки, как бы специально посвященные Альтаиру:

...Он, осужденный, помощи не просит И не находит. Нет пощады. Поздно. Некрепкой жизни быстро рвутся узы. Лишь мстительное солнце грозно Стоит над всем, как голова Медузы.

Отвращение Ромеро к этим странным звездным существам показалось мне наигранным. Но и увлечения Веры я не понимал. Она раскраснелась, глаза ее радостно блестели. Она поворачивалась то к одному, то к другому альтаирцу, старалась немедленно ответить каждому. Прошло с час, а лавина рушившихся на нее вопросов не ослабевала.

— До скорого свидания, друзья! — сказала Вера с сожалением и, долго махала им рукой, удаляясь, а они толпой сверкающих разноцветных призраков реяли над ней.

— Теперь идемте в гостиницу «Созвездие Лиры», к мыслящим змеям с планетной системы Веги, — предложил Спыхальский.

Змеи — единственные существа, которых я не переносу. Я с тревогой посмотрел, на Спыхальского. Его кривая усмешка была зловеща.

Когда мы удалялись, произошло событие, показавшее предусмотрительность конструкторов Оры. Вокруг меня увивался ярко-зеленый альтаирец. Он пытался охватить меня ножками-волосиками, чуть ли не прижимался к скафандру. Мне показалось, что он хлестнул холодной ножкой меня по лицу. Я непроизвольно содрогнулся, а альтаирца словно сдунуло вихрем.

Оказалось, силовое поле настроено не только на свойства вещей, но и на ощущения.

Оно мгновенно отбрасывает то, что вызвало страх или отвращение. В некоторой степени оно заменяет земных милых Охранительниц.

26

И вот мы вошли в третью гостиницу — купол и внутри купола сад. Я помню, с каким нехорошим чувством переступал порог, как внутренне сжался перед встречей с ползучими гадами, где-то на далекой звезде, одной из прекраснейших звезд земного неба, развившихся до ранга разумных существ. Вега горячее Альтаира, в ее излучении жестких компонентов больше, какими же уродами должны оказаться вегажителы, если альтаирцы так страшны? Сейчас мне кажется вещим охватившее; меня тогда смущение. Я стоял на перевале жизни, пока еще был по эту сторону ее вместе с Ромеро, но готовился сделать шаг в иное, куда совершеннее нашего, бытие, я успел в том, старом моем бытии прошептать Ромеро несколько иронических, тоже старых по духу, слов:

— Ради такого зверинца, пожалуй, не стоило устраивать звездной конференции.

А Мартын Спыхальский громко проговорил:

— О чем замечались, юноша? Прошу настроить дешифратор на звуко-цветовую речь.

Мне странно теперь, что перелом моего существования от примитивного человеческого эгоизма к ощущению единства мира был ознаменован прозаическим советом настроить дешифратор. Я отрегулировал прибор — и перенесся в иной мир.

Вначале было темно. Вокруг высились одни растения — темные деревья, густые шапки кустов, пряно пахнущие цветы. И вдруг повсюду замерцали оранжевые огоньки — тусклые, как и всё в этом сумеречном саду, быстро передвигающиеся перед деревьями. Горло мне сжала немота, непроизвольная, как приступ. На меня глядело человеческое лицо, необыкновенное лицо, прекрасней всех человеческих! Я оглянулся. Такие же лица смотрели и сбоку, и сзади. Нас окружили существа, до того великолепно похожие на людей, что мне захотелось закричать от испуга и восхищения.

Да, конечно, они чем-то напоминали змей, но не больше, чем людей. У них было туловище, похожее на змеиное, очень гибкое, но человеческое лицо и руки, чуть лишь покороче и потоньше наших, свидетельствовали, что они не змеи. Как я потом разглядел, у них не было ног, туловище оканчивалось пятою, они передвигались, вращаясь на пяте, и так быстро, что превращались в сверкающий столб. В ту первую встречу с вегажителями я этого не знал. Я даже не заметил, что они приближаются, вращаясь. Я открыл их, когда они стояли рядом, приветствуя нас голосом и сиянием. Очарованный, я не мог оторвать от них взгляда.

Я сказал, что их лица напоминают человеческие. Это справедливо лишь в первом, грубом приближении. У них очертанья человеческого лица, контур нашей головы, такие же глаза, рот и нос. Но все это гармоничней и нежней. Лучшая из красавиц Земли и мечтать не может о такой матовой, атласно-гладкой коже щек, таких ярких губах, таких четких бровях и мохнатых ресницах... Все это неважно, я говорю о пустяках. Они одеты в разноцветные, полупрозрачные одежды — платья или плащи... Нет, и это не то! Самое необыкновенное у вегажителей — их глаза. Глаза вспыхивали и погасали, они меняли свой цвет. Это были огни, а не глаза. Жители Веги разговаривают сиянием своих глаз!

— Начнем! — сказала Вера. — Я хочу узнать, как чувствуют себя наши гости?

Это был стандартный Верин вопрос, у меня же дрогнули руки, когда я поднимал дешифратор. Шар засиял и запел, из него исторгались цвета и звуки. А когда он замолк, один из жителей Веги запел и засиял глазами в ответ. Это было так красиво, что казалось фантастически неправдоподобным. Шар перевел его ответ на человеческий скучный язык, хрипловатым человеческим голосом — одинаковый на всех звездных мирах обмен любезностями:

— Нам здесь прекрасно. Мы благодарны за гостеприимство. Мы расскажем нашему народу, какие люди добрые и могущественные.

Один из пришельцев с Веги — вернее, одна, это была девушка — с интересом

рассматривала меня. Я тоже залюбовался ею. Среди прекрасных вегажителей она была всех прекрасней.

— Как вас зовут? — спросил я.

Она пропела свое имя звучным и нежным голосом, напоминавшим флейту. Чтоб повторить, что она произнесла, нужны ноты, а не буквы. Одновременно глаза ее озарились фиолетовым пламенем. Я воскликнул:

— Фиола! Я понял, вас зовут Фиола!

Все кругом засмеялись, даже Вера. В глазах девушки тоже вспыхнул розовато-голубой смех. Она смеялась ярко, радостными цветами.

— Фиола, — повторил я, смущенный. — Разве я не так выговариваю?

— Фиола, — проговорил машинный голос дешифратора. — Фиола.

— Пусть Фиола, — сказала Вера. — Имя красивое, как и девушка. Однако, друзья, довольно отвлекаться. Эли, будь внимательнее!

Внимательным я не сумел стать. И хоть меня интересовало, в чем нуждаются, к чему стремятся эти великолепные существа, я не смог отвлечься от Фиолы. Я подносил шар к тому, с кем разговаривала Вера, но смотрел на одну Фиолу. И она глядела лишь на меня, разговаривала со мной вспыхивающими и погасающими, меняющими цвет глазами. И не завершила Вера и половины своих расспросов, как я научился понимать этот восхитительно красочный язык. Нет, я не мог отвечать ей такими же вспышками и сияньем глаз, вероятно, я лишь глупо таращился на нее, но Фиола разбирала мои молчаливые крики, мои смятенно-страстные объяснения, — мы понимали друг друга без слов.

Вы удивительные создания — люди, говорила Фиола, а среди людей ты лучший. У тебя доброе лицо, ты строен и красив, ты так нежно смотришь на меня, мне хотелось бы, чтоб ты схватил меня своими большими руками, у всех у вас большие сильные руки, ты же сильнее других землян. Да, конечно, отвечал я, то есть, наоборот, я вовсе не самый сильный и красивый, это смешно, я — красивый! Но вот ты — поразительная, мне и не снилось, что могут быть такие существа, я дрожу от радости, когда ты смотришь на меня, смотри, смотри, сияй своими сверхъестественными глазами! Да, я буду смотреть, и ты смотри, это так хорошо, когда ты идешь вперед, а голову оборачиваешь ко мне, прости, я не знаю, как звать тебя, я не могу осветиться твоим именем, но я уверена, оно звучно и стройно, как ты. Меня зовут Эли, ты этого не услышишь, обыкновенное имя, на Земле много таких имен — ни звучных, ни стройных, ни художавых, просто имен, вот и мое такое — Эли. Нет, я услышала, тебя зовут Эли, это прекрасно и могущественно — Эли, вот я зажгусь твоим именем, эти красно-голубые пламена — ты, это твои цвета, Эли, Эли! Ты скоро уйдешь, вы всегда торопитесь, люди, хоть и тихо передвигаетесь, и ты уйдешь, как другие, а я буду в сумраке гореть твоим именем, Эли, Эли, какое звучное имя, Эли, какое сверкающее имя, Эли, не уходи, Эли, Эли! Я не уйду, Фиола, я останусь, я хочу, очень хочу остаться с тобою...

— Очнись, Эли! — сказала Вера. — Беседа закончена.

— Надо уходить? Неужели надо уходить, Вера?

— Разве ты думал, что мы поселимся здесь?

Я повернулся к Спыхальскому:

— Мартын Юлианович!.. В эту гостиницу вход для землян не воспрещен?

Лицо его снова перекосила усмешка. Я вдруг понял, что он добрый человек.

— Эта гостиница — единственное местечко, где для человека нет опасностей, кроме красоты ее обитательниц.

Я схватил руки Фиолы, заглянул в глаза — они были темны.

— Фиола! — сказал я, забыв о дешифраторе. — Я приду. Жди меня, Фиола!

Я повторял: «Я приду!», пока черные глаза Фиолы опять не вспыхнули цветом морской воды, освещенной солнцем. Ромеро потянул меня за собою. Я махал Фиоле рукой.

За воротами гостиницы Вера сделала мне выговор. Сколько раз я слышал в детстве этот суровый голос!

— Я недовольна, Эли. Чего ты уставился так на бедную девушку?

— Я любовался ею, Вера. Я не озорничал, а любовался!

— Отворачиваться от всех земных девушек, чтоб увлечься первой встречной звездожительницей, — кто тебе поверит, Эли?

— Главное, чтоб я поверил, — пробормотал я. Я верил.

А Ромеро пошутил:

— В древних преданиях змей искусил прародительницу людей, некую Еву. Бедный Эли, кажется, дал обольстить себя коварной и красочной змее.

Я молча глядел на него. Я слышал голос из прежнего моего мира, а я был в новом. Ромеро опирался на свою дурацкую трость — надменный, высокомерно-подтянутый. Я словно бы впервые заметил, что он красив и его короткая бородака расчесана волосок к волоску. Между нами что-то оборвалось, он больше не был мне другом.

27

— Теперь ангелы с Гиад, — сказала Вера. — В этих крылатых обществах сохранились враждующие классы.

— Вздорный народец, — подтвердил Спыхальский. — Каждый день у них драки. Перья летят, как пух с тополей.

— И их много. Двадцать три обитаемые звездные системы в Гиадах, сто семь густо населенных планет. Ни одно из разумных племен не размножилось так — почти четыреста миллиардов...

— Разумное племя? — переспросил Спыхальский. — Что, конечно, считать разумом... Одно добавлю — голодное племя. Посмотрели бы вы, что происходит, когда звонят к столу.

Вера задумалась. Я был полон мыслей о Фиоле. В молчании мы долетели до гостиницы «Гиады». В этом здании, размером с город, масса зелени и света, прямоугольники домов образуют улицы, на пересечении улиц разбиты амфитеатры с экранами — ангелы любят картины.

Условия тут подобны земным. Крылатые легко приспосабливаются к любым параметрам гравитации, атмосферы и температур. Вероятно, этим и объясняется, что они широко расселились на различных по характеру планетах.

На нас сразу набросились, осатанело зашумев крыльями, три обрадованных ангела. Восторженный визг и хлопанье привлекли других. Через минуту вокруг носилась, сталкиваясь и дерясь в воздухе, целая толпа крылатых. Я хлопал их по крыльям, приветствуя, но их было слишком много, чтоб со всеми здороваться.

В ангелах есть что-то, внушающее неприязнь. Внешне они импозантны, даже величественны — белое тело, золотые волосы, широкие мощные крылья, причудливо окрашенные: розовые, фиолетовые, оранжевые, даже черные, особенно среди четырехкрылых, чаще же всего — разноцветные. В летающей толпе преобладали двукрылые формы, четырехкрылые встречались не чаще одного на десять — и это все был внушительный народ. Лица ангелов грубы и безволосы. Я не встретил ни в тот день, ни после ангела без морщин, морщинисты даже молодые — каждый ангел кажется состарившимся ребенком. Впечатление это усиливается еще и оттого, что они галдят и носятся, как расшалившиеся дети. К тому же, ангелы редко моются и дурно пахнут. В вертепах ангелов вряд ли лучше, чем в конюшнях пегасов.

Когда мы продирались сквозь крылатую толпу, я увидел в стороне Андре с Лусином. Я наклонился к Ромеро:

— Павел, замените меня у дешифратора.

Он удивился — неужели мне так понравились крикливые летуны, что захотелось встретиться с ними наедине? Я объяснил, что собираюсь потолковать с Андре.

Выбравшись из толпы, я припустил к нему. Какой-то шальной ангелочек, восторженно завизжав, ринулся на меня с распахнутыми крыльями, но я ускользнул от него.

— Молчи и слушай! — закричал Андре. — Новые данные о галактах. Говорю тебе,

молчи! Мы получили великолепные записи у того четырехкрылого. Чего ты размахиваешь руками?

— Я молчу! — закричал я. — Покажи записи.

— Сперва выслушай, потом покажу.

Андре и Лусину повезло. Когда они пришли к изолированному четырехкрылому, тот спал и ему снились кошмары, мозг его усиленно излучал. Андре, не дожидаясь пробуждения ангела, поспешил материализовать записанные излучения на большом дешифраторе.

— Нет, каков дешифратор! — ликовал Андре. — У Аллана лишь на Земле прочитали прямую речь каких-то дохлых мхов, а мы, без возни, осуществляем расшифровку куда посложнее!

Он тут же на улице, при сиянии дневного солнца, вызвал видеостолб. Я с усилием всматривался, внешний свет был сильнее внутреннего свечения видеостолба. Меня охватило недоумение. Я увидел те же картины, что уже демонстрировались на Земле, — скалы, яркие звезды, черное озеро, спускающийся сигарообразный корабль. Нового не было и дальше — те же галакты, башня с вращающимся глазом...

— Ну? — спросил Андре. — Понимаешь ли ты, что это такое?

— Понимаю. Бледная копия старых записей Спыхальского.

— И я тоже, — проговорил молчавший Лусин. — Копия. Уже видели.

— Вы дураки! — сказал Андре радостно. — Ну и что, если видели? Важно одно: звездные видения посещают нашего четырехкрылого очень часто, раз мы записали их в первом же обследованном сне. Только личные впечатления, а не наследственность могут дать такую четкость образов. Короче, он видел галактов сам.

Андре с торжеством смотрел на нас. Я хладнокровно рассмеялся ему в лицо.

— И сейчас ты идешь выпрашивать своего ангела, правильно ли толкуешь его сновидения?

— Совершенно верно.

— Я пойду с вами, чтоб присутствовать при оглушительном крушении твоей очередной теории.

Четырехкрылый буян был громадный, мужиковатый ангелище со свирепой мордой и могучими крыльями. Он уставился на нас мутными глазами- и что-то проворчал. У ангелов тонкие, писклявые голоса. Разговаривая, они захлебываются от торопливости — в любом их сборище трескотня и писк. У этого даже голос был мощный, почти бас, он не пищал, а грохотал. Он мне понравился.

Андре настроил дешифратор и вежливо проговорил:

— Разрешите задать вам несколько вопросов.

— На колени! — рявкнул ангел! — На колени, не то — к чертовой матери!

Его ярость была так внезапна и буйна, что мы рассмеялись. Смех озлил его. Он грозно вздыбился перед нами, распахнув крылья и клокоча.

— Зачем нам становиться на колени? — спросил Андре. — У людей это не принято.

Дешифратор перевел ответ ангела:

— Я божественного происхождения. Я — князь!

Я усомнился в правильности перевода. Слова «к чертовой матери», «божественное происхождение», «князь», «на колени» слишком отдавали старинными земными присловьями и понятиями, чтоб быть правдоподобными. Я не понимал, почему из всего богатства человеческого языка дешифратор использовал лишь это старье.

— Не думаю, чтобы ДУМ врал, — возразил Андре. — Объем его памяти не мал — четыреста тысяч слов и сто миллионов понятий. И если он выбрал князя и чертову мать, то, значит, наш узник имел в виду нечто, что ближе всего подходит к понятиям «князь» и «к чертовой матери».

Тогда к ангелу обратился я:

— Почему вы считаете себя князем?

— Налечу и растопчу! — сварливо сказал ангел. — На колени или смерть!

Я вспомнил, что охранное поле людей на Оре зависит от настроения. Я вызвал в себе гнев. Ангела отшвырнуло в сторону, он завопил от испуга. Я то увеличивал, то уменьшал поле. Крылатого «князя» беспощадно мотало в воздухе. Он отчаянно бил крыльями, но не мог противостоять трепавшим его невидимым рукам. Когда его особенно сильно встряхнуло, он заревел бычьим голосом:

— Спасите! Спасите!

Я сбросил поле, и ангел рухнул. От страха и бессилия он даже не пытался подняться и ползал, униженно расплескав широкие крылья. Лусин, засопев, отвернулся. Уверен, что в этот миг грубый ангел представлялся ему чем-то вроде его смиренных драконов или диковатого бога Гора с головой сокола.

— Вышие силы! — потрясенно бормотал ангел. — Вышие силы!

— Поднимайся и перестань быть князем! — сказал я. — Терпеть не могу дураков. Тебя по-хорошему спрашивают, а ты грубишь!

— Спрашивайте! — поспешно сказал ангел. — Хотя не знаю, что я могу могущественным особам...

Андре рассказал ангелу о его сновидениях и спросил, не видал ли он сам галактов и их врагов.

— Это предания, — бормотал ангел. — Никто не видел галактов. Я слышал в детстве сказки о них.

Я выразительно посмотрел на Андре. Он постарался не заметить моего взгляда. Он не очень огорчается, когда его теории терпят крах. Он слишком легко их создает.

— А почему ты хвастался божественностью? — спросил я ангела. — Что означает этот вздор?

Ангел опустил голову и поник крыльями.

— У нас было предание, что четырехкрылых привезли с собой небесные скитальцы, двукрылые же — порода местная... Я не люблю двукрылых. Я хотел объяснить им здесь, что они презренные низшие существа, но вы, люди, не разрешаете бить их...

— И никогда не разрешим, — подтвердил я. — И считать их низшей породой тоже не разрешаем. Каждый из нас много могущественнее тебя, но никто и не подумает издеваться над тобой, как над низшим. Как тебя зовут?

— Меня зовут Труб, — сказал он. — Я постараюсь...

Я хочу, чтоб вы меня полюбили.

Он был так унижен, что я пожалел его. В конце концов он сын своего несовершенного общества. Я ласково потрепал его перья. Перья на крыльях у него отменные — шелковистые, крепкие, густой лиловой окраски. Собственно, настоящих крыльев у него два, вторая пара скорее подкрылки. На изгибе больших крыльев имеется рудимент руки — пять крепких черных пальцев с когтями. Не хотел бы я без наших полей попасть в эти рудименты рук.

Выйдя из ангельского номера, мы подвели итоги тому, что узнали от Труба. Андре запоздало пытался оправдаться в неудачной теории.

— Все же мы кое-что новое узнали. Я имею в виду предания о происхождении четырехкрылых.

— Ничего мы нового не узнали, — сказал я. — Нас интересуют галакты, а знания о них не добавилось.

Такие предания имеются у всех народов, где работающие существа разрешают оседлать себя паразитам. Разве ты не знаешь, что лучший способ оправдать собственное тунеядство — объяснить его божественностью своей натуры? Все подлое издавна валят на божество.

— Труб хороший, — сказал огорченный Лусин. — Не паразит. Красивый. Очень сильный. Сильнее всех ангелов.

утомительного. Я понимаю, что человеческая двуногая одноголовая форма лишь одна из возможностей разумной жизни, и готов к любым неожиданностям. Даже когда мы беседовали с существами, на три четверти состоящими из металлов, и студенистыми мыслящими кристаллами, погибающими от света, я не удивлялся. Можно и так, говорил я себе. Все возможно. В природе существует могучий позыв познавать себя. А каким конкретным способом она осуществляет самопознание — игра обстоятельств. Не надо удивляться, тем более негодовать, что обстоятельства иногда складываются причудливые. Такой взгляд помог мне сохранить спокойствие при новых знакомствах. Но все же к концу обхода я изнемог. Разнообразие собранных на Оре жизненных форм подавляет.

Вечером мы с Ромеро гуляли по Оре.

Недвижное солнце утратило дневной жар и потускнело, превращаясь в луну. Три четверти диска вовсе погасло, было новолуние. Звонкий днем воздух, далеко разносивший звуки, глохнул, звуки преобразовывались в шумы и шорохи, зато густели ароматы. Цветы хватали запахами за душу, как руками. У меня немного кружилась голова. Ромеро помахивал тростью, я рассказывал, какие мысли явились мне при знакомстве со звездожителями.

Ромеро возмутила моя покладистость.

— Чепуха, друг мой! Все эти ангельские образины, змеелики и полупрозрачные пауки не больше чем уродства. С уродствами я не помирюсь. Раньше я не очень восхищался людьми, теперь я их обожаю. Знакомство со звездожителями доказало, что человек — высшая форма разумной жизни. Только теперь я понял всю глубину критерия: «Все для блага человечества и человека».

— Критерий правильный. И против него никто не спорит...

— Вы ошибаетесь, — сказал он сумрачно. — Мне не нравится настроение вашей сестры. Я хочу сделать вам одно предложение. Она нам обоим дорога. Давайте образуем дружеский союз против ее опасных фантазий. Вы удивлены — какой союз? Слушайте меня внимательно, мой друг!

Опершись на трость, он торжественно проговорил:

— Я не влеку вас в неизведанные дали, наоборот, отстаиваю то, что уже пять столетий считается величайшей из наших социальных истин. Наш союз восстанет против того, чтоб забывали о человеке ради полуживотных, моральных и физических уродцев...

Отвращение исказило его лицо. Мне многое не нравилось в звездожителях, но ненависти они не вызывали.

— По-вашему, реально опасность забвения интересов человека?

— Да! — сказал он. — Они уже забываются. Верой когда она планирует широкую помощь сотням звездных систем. Вами, когда вы так возмутительно равнодушно признаете, что мыслящая жизнь может быть равноправно прекрасной и безобразной. Андре, готовым все силы положить на возню с дурацкими мыслями примитивных, как идиотики, ангелочков. И тысячами, миллионами похожих на вас фантастов и безумцев. Скажите, по-честному скажите, разве не забвение интересов человечества то, что происходит на Оре? Богатства Земли обеспечивают идеальные условия паукам и бегемотам! Звездный Плуг, отправленный на Вегу, израсходовал все запасы активного вещества на создание искусственного солнца для милых змей. Такова наша забота о других. А человек? Человека отставляют на задний план. О человеке понемножку забывают. Но я не дам человека в обиду. Если еще недавно я молчал, то сейчас я молчать не буду. Я повторяю то, что уже говорил на Земле. Неожиданная опасность нависла над человечеством. Мы обязаны сегодня думать только о себе, только о себе! Никакого благотворительства за счет интересов человека!

Он выкрикнул последние слова, пристукнув тростью.

Еще недавно я не нашел бы в его высказываниях ничего неприемлемого, они соответствовали моему тогдашнему строю мыслей. Сейчас, после встречи с Фиолой, я был иной.

— Не понимаю, к чему этот пафос, Павел? Запросите МУМ, кто прав, ваши противники или вы, и всестанет на место.

К Ромеро понемногу возвращался его обычный надменно-иронический вид. На лице его вылезла недобрая усмешка.

— Благодарю за дельный совет, мой юный друг, обязательно им воспользуюсь. Итак, насколько я понимаю, вам не подходит предлагаемый мной союз?

— Я вообще не нахожу нужды ни в каком подобном союзе.

— А вот уж это мое дело — есть нужда или нет. Покойной ночи, любезный Эли.

Он церемонно, по-старинному, приподнял шляпу и удалился. Я с тяжелым сердцем смотрел ему вслед. Мне было грустно, что в считанные минуты наша многолетняя дружба развалилась.

Опустив голову, я шагал по аллее пустынного бульвара. Передо мной опустилась авиетка. Я вспомнил, что, кажется, пожелал чего-то, на чем можно передвигаться. Я влез в кабину и подумал: «К Фиоле».

29

Переступив порог гостиницы «Созвездие Лиры», я остановился в смущении. Зачем я стремлюсь сюда? Если Ромеро и неправ в своей неприязни к звездожителям, это еще не значит, что в них нужно влюбляться. Мне не хватало на Оре земных удобств, хоть сама по себе Ора и чудо техники. Была бы Охранительница — как все стало бы просто. «Скажите, милая, что со мной?» — «Ничего особенного — блажь пополам с жаждой познания нового» или: «С вами несчастье — вы испытываете земное чувство любви к жителю звезд, где о подобных чувствах и не слыхали». Я рассмеялся. На благоустроенной Земле нас слишком уж опекают машины! Я прошел в сад.

В саду светило то же, притушенное до лунного облика, ночное солнце, что и снаружи. Здесь и днем все терялось в полумраке, сейчас вовсе было темно. Я пробирался ощупью, наталкивался на деревья. Вдали возник и пронесся розоватый столб или смерч, яркий и стремительный, за ним вспыхнул и исчез другой. Я остановился, чтоб сообразить, где я. На меня навалилась душная темнота, наполненная сонным шорохом листьев и тревожным бормотаньем моих мыслей.

— Фиола! — тихо позвал я. — Фиола!

Из черноты кустов снова вырвался и унесся сияющий смерч. По саду заструилось тихое пение. Я всматривался в бурно вращающийся факел, пропавший за деревьями, и вслушивался в пение. Оно вскоре стихло. Тишина звенела в ушах, в ней не было ничего, кроме нее самой. Меня внезапно охватил гнев. Я громко застучал ногами, грубо вторгнулся в кусты. Я хотел побольше шума, чтоб взбудоражить вегажителей. Если они так невежливы, что убегают, не спрашивая, чего мне надо, то и мне можно не церемониться.

— Фиола! — заорал я. — Фиола!

И снова мне ничего не ответило, лишь в отдалении вспыхивали и погасали сияющие столбы. У меня кружилась голова, пересохло в горле, каждая клеточка трепетала, словно я одурманился жадными запахами незнакомых цветов.

Во мне бушевала ярость.

— Фиола! — ревел я. — Фиола!

Я ринулся вперед. Что-то встало на дороге, может, куст, может, существо, — я оттолкнул его. Я бешено ломился в настороженную, боязливую темноту. Непроизвольно вскрикивая, я расшвыривал и рвал все, что мне мешало, запинался, сваливался, снова вскакивал, хватаясь за кусты, пинал кусты ногою и бежал дальше.

В каком-то уголке сада я свалился надолго. Я лежал, всхлипывая от бессилия и бешенства. Я чувствовал себя поверженным.

— Фиола! — шептал я. — Фиола!

С трудом я поднялся. Ноги не держали, в голове надсадно гудело. Меня охватил стыд. Мое поведение было нелепо. Я, гордящийся разумом человек, вел себя как зверь, ревел и мычал, охваченный жадой драки и разрушения. И этот дикий поступок я совершил не

перед такими же людьми, как я, но в доме гостей, веровавших в могущество и доброту человека! Что они теперь подумают о нас?

— Простите, друзья! — сказал я. — Я виноват, простите!

Сейчас я думал об одном — поскорее выбраться из глухого сада. В полубезумном беге сквозь кусты я забрался слишком далеко. Надо мной нависали деревья, я не видел неба. Потом я вспомнил, как неожиданно появилась авиетка, и мысленно воззвал к диспетчеру планеты. Диспетчер молчал, связи с ним не было. Я двинулся наугад, ощупью определяя путь. Вскоре деревья расступились, открывая небо с угасавшей луной, и я вышел на дорогу.

Здесь я снова услышал пение, и минуту стоял, разбирая, откуда оно. Пение усиливалось, в нем звучала тревога, шел спор или перебранка, так мне казалось. И вдруг сад озарился, меж деревьев замелькали огни, они приближались, звеня на высоких нотах. А затем из кустов вырвался столб радужного сияния и смерчем обрушился на меня. Я еле устоял на ногах и, обхватив вегажителя, закружился с ним. Я не сразу сообразил, что это Фиола.

— Фиола! — сказал я потом. — Фиола!

Я обнимал ее, а к нам отовсюду стремились ее светящиеся сородичи. Я не успел прийти в себя от встречи с Фиолой, как был окружен толпой звездожителей. Теперь я видел, что светятся у них не одни глаза, но и тело. То, что я днем принял за расцветку одежды, оказалось собственным их сиянием, свободно лившимся сквозь одежду, — оно было много ярче, чем днем. И они не просто освещали телами тьму, хотя в саду стало светло, как при солнце, но возмущались и негодовали сверканием — сияние их нападало на меня и Фиолу, упрекало нас. Это был разгневанный свет, как у нас бывает разгневанный крик. Какая-то сила, много мощнее моей, растаскивала нас с Фиолой. Наши руки разомкнулись, и Фиола выскользнула из моих объятий. В пении ее послышалось рыдание. Она рванулась ко мне, но снова нас оттолкнуло друг от друга.

— Фиола, что происходит? — воскликнул я, забыв, что она не понимает человеческого языка. От злости я стал холодно рассуждать. Эти существа, очевидно, обладали защитными полями, вроде моего, но послабей, ибо, лишь собравшись в толпу, могли воздействовать на меня. Я сообразил, как действовать, но раньше нужно было ухватить Фиолу, чтоб ее не унесло с другими. Улучив момент, я сжал ее обеими руками и вызвал поле. Если бы я не был так расстроен, я бы расхохотался, когда вегажителей раскидало. Они взметались и падали, от страха погасая. Я поспешно сбросил поле, чтоб их не разбило о деревья. Фиола прижималась ко мне вся дрожа, глаза ее были темны. Она поймала мой взгляд и глубоко вздохнула. Я погладил ее волосы.

Вегажители не разбежались, как я надеялся, но стали опять приближаться, осторожно, медленным вращением — раза в два, впрочем, быстрее человеческого бега. Я видел в их лицах ужас, вероятно, я представлялся им страшилищем, всемогущим и беспощадным. От робости они светились тускло, зато пение, печальное даже для человеческого уха, звучало громче. И меня захлестнула нежность к этим мужественным, слабосильным существам — трепещущие, почти уверенные в гибели, они все же надвигались на меня, чтоб вызволить свою сестру, попавшую, как им казалось, в беду.

— Глупые! — сказал я. — Почему вы боитесь меня?

Пение оборвалось, когда я заговорил. Вегажители молча старались разобраться в моей речи. Я улыбнулся, погладил опять волосы Фиолы и протянул руку к одному из них — тот поспешно отпрянул. Но они уже не старались разделить нас. Не расступаясь, они и не наступали.

— Можете мне поверить, — говорил я. — Я бы скорей убил себя, чем причинил вам зло.

Не знаю, поняли ли они меня, но пение, зазвучавшее в ответ, было уже не так однообразно печально. Они опять засветились телами, засверкали глазами, зазвучали на разные голоса — спорили меж собою, в чем-то друг друга убеждая. И тут в их спор вмешалась Фиола.

Ее глаза вспыхнули фиолетовым сиянием, оно превратилось в малиновое, потом в голубое, в нем замесались оттенки и цвета. Одновременно Фиола запела — в моих ушах зазвенели в многоголосом переборе серебряные колокольчики. Я услышал повторенную дважды музыкальную фразу, подкрепленную холодным синим пламенем глаз, и понял, что она приказывает: «Уходите! Уходите!». Потускнев от внимания, молчаливые, звездожители смотрели на меня и Фиолу. Я повторил:

— Плохого с Фиолой не случится.

Все же они не решались покинуть нас. Они высвечивали друг другу, перезванивались тоненькими голосами, но оставались. В глазах Фиолы усилились холодные пламена, в голосе зазвучал гнев. Я понимал каждую ее ноту и вспышку. «Почему вы не уходите? — возмущалась она. — Я настаиваю: уходите!». Лишь когда она повторила свое требование в пятый или шестой раз, толпа стала разваливаться. Сперва завертелся кто-то вдалеке, следом выкрутился в темень сада его сосед, а за ними всех вегажителей охватило попятное вращение. Меж деревьев замелькали уносящиеся сияющие столбы, на несколько секунд все снова озарилось причудливыми огнями, потом огни погасли — вокруг был тот же непроницаемо черный, задыхающийся от собственных ароматов, непонятно чужой сад. Я не боялся его, рядом светила Фиола. Она улыбалась, и я улыбнулся ей. Вспомнив, что мы немые друг для друга, я схватился за ДН, чтоб хоть он помог нам.

— Не надо! — сказала она, засмеявшись, — Мы обойдемся без твоего прибора.

Я ошалело молчал. Мне были понятны каждое ее слово, и цвет.

— Разве тебе не ясно, — прозвенела она, — что я разобралась в твоей речи еще днем, а сейчас ее поняли и мои друзья?

— Мне тоже показалось, что они ее поняли, — сказал я. — Я даже уверен, что они ее поняли.

Она лукаво смотрела на меня. Мне стало не по себе, до того она была красива.

— Надеюсь, и ты понимаешь меня? Не так ли, Эли?

Я проглотил комок, вдруг сдавивший горло. Никакого чуда не было. Наш мозг — тоже дешифратор, слова лишь сопутствуют прямой передаче мысли, здесь же мыслям помогали не одни звуки, но и цвета. Но и сознавая это, я не переставал удивляться.

— Наш язык беднее вашего, — сказал я. — На Земле не только люди, но и почти все животные общаются лишь с помощью звука, такова уж наша особенность. Но знаешь, выйдем на открытое место. Это смешно, но мне мерещится, что у ваших деревьев не листья, а лапы.

— Ты фантазируешь! Деревья — спасители. Их листья экранируют от коротких волн нашей звезды. Днем никто у нас не выберется на открытое место. Мы гуляем ночью.

Я вспомнил, что красавица Вега еще горячее, чем Альтаир, ее поверхностная температура около 15000 градусов. Под таким солнцем не погуляешь. И, несомненно, светящиеся и разговаривающие светом вегажителю просто созданы для ночи.

30

Мы вышли на поляну и сели на скамейку. Ходить с Фиолой не очень удобно, она не способна ковылять по-человечески, а мне за ней не угнаться. Зато с ней хорошо сидеть, от нее исходит приятная теплота: вегажителю, как и мы, теплокровны.

На поляне раскрылось ночное небо. Луна погасла, и звезды пылали чисто и напряженно. На Оре давление воздуха то же, что и на Земле, но толща его меньше и звезды ярче. Фиола глядела на Вегу. На Земле я часто любовался прекрасной Вегой, а здесь пришел в восторг — такая она великолепная. Фиола попросила указать наше Солнце, я поинтересовался, какое созвездие ей больше нравится. Я с волнением ожидал ответа. Созвездия на Оре несхожи с земными, но Большая Медведица, Кассиопея, Орион и здесь, измененные, прекрасны, — я опасался, что она укажет на них. Но Фиола обратила светящиеся глаза на параллелограмм, отчеркнутый Фомальгаутом, Альтаиром, Арктуром,

Сириусом и Капеллой, в центре его сияли три малозаметные, дорогие моему сердцу звездочки — Поллукс, Альфа Центавра и Солнце.

— Ты хорошо выбрала, — сказал я торжественно. — Мы оттуда, Фиола. — Я показал на Солнце.

Она удивилась, что Солнце маленькое. Я ответил, что просто оно очень далеко. Фиола задумалась.

— Вы могущественны, люди, — сказала (вернее, просветила и пропела) она. — Когда вы опустились на нашу планету, некоторые решили, что вы божества, так сверхъестественно было ваше появление.

— Теперь вы, однако, понимаете, что мы обыкновенные существа? Не лучше вас.

Она покачала головой, глаза ее засверкали сумеречно и влажно. Задумываясь, она становилась похожей на опечаленного ребенка: хотелось утешить и отвлечь ее от дум, причиняющих огорчения.

— Во многом вы даже хуже нас. Вместе с тем, вы безмерно превосходите нас.

Я попросил объяснения. Отныне мы были способны беседовать на любые темы. Вскоре я убедился, что легко разбираю лишь простые понятия, а сложные мысли ей приходилось повторять по два-три раза, пока я постигал их.

Она начала с того, что при первом знакомстве люди кажутся беспомощными.

— Вы неповоротливы и тугодумны, неспособны ни к быстрым движениям, ни к мгновенным решениям. И, может, самое главное: вы жизнедеятельны лишь в узком интервале условий, чуть измени их — вы погибаете. Вы не переносите ни жары, ни холода, ни разреженного воздуха, ни больших давлений, ни жестких излучений, ни длительного голода, ни жажды, ни перегрузок тяжести. Выброси любого из вас, голого, без орудий и машин, во внешний мир — что с вами будет? Даже средства общения у вас до удивления несовершенны — речь груба и медленна, прямой передачи мысли вы не применяете. Спектр существования людей настолько узок, что трагически превращается в линию, — жизнь человека висит на этой линии, как на волоске. Мы во многом совершеннее вас. Хотя мы и предохраняемся от жестких излучений нашего безжалостного светила, зато мы легко дышим и при одном и при сорока процентах кислорода, переносим стоградусную жару и стоградусный холод, понимаем друг друга без звуков и цветов, и звуки, и цвета лишь сопутствуют прямой речи наших мыслей, мы не тонем в воде, месяцы живем без пищи и питья, не умираем, если не поспим неделю. И каждый из нас хранит в мозгу все знания, накопленные обществом, мы не нуждаемся в справочных машинах, чтоб вызвать к делу свои знания. Вот каковы мы и каковы вы. Когда знакомишься с вами, поражаешься, что вы, такие беспомощные, все же существуете, что вы не погибли на заре своей истории.

— Это потому, что мы заставили наши недостатки служить нам. Наше могущество — обратная сторона наших слабостей.

— Да, — сказала Фиола, — ваше величие продолжает ваши слабости. Это второе, чему поражаешься в вас. Вам опасны колебания температур — вы защитились от них одеждами, помещениями, генераторами тепла. Вам страшно падение кислорода в воздухе, вы не переносите разреженности — вы придумали скафандры. Без еды и питья вы неспособны жить — вы берете с собой запасы еды и питья, умеете приготавливать их из любых веществ. От перегрузок вы защищены силовыми полями, те же поля преодолевают невесомость, создавая единственно устраивающие вас узенькие, лишь случайно выпадающие в разнообразии Вселенной условия тяготения. У вас малая память — вы безгранично расширили ее запоминающими устройствами. У вас немошные мускулы — вы усилили их чудовищно мощными машинами. Мысль ваша замедленна, средства выражения мысли словами примитивны, понимание чужой мысли отсутствует — вы преодолеваете эти врожденные недостатки дешифраторами, за вас работают невероятно точные и быстрые механизмы. И хоть сами вы неспособны быстро передвигаться на своих слабых, неудачно сконструированных природою ногах, зато вы создали космические машины, далеко обгоняющие самого быстрого мирового бегуна — свет. И так во всем, так во всем, Эли! Вы

отыскиваете слабые свои места, беспредельно усиливаете их механизмами — и несовершенства ваши обращаются в преимущества. Без своих изобретений вы до ничтожества жалки, с ними — непостижимо велики. Беспомощные перед каждой стихией природы, вы одновременно — самая величественная из ее стихий. Во Вселенной нет более могучих сил, чем вы, маленькие, неповоротливые люди. И хоть это не главное, чему следует у вас удивляться, — как все же не удивиться?

— Хорошо, — сказал я. — Мне нравится твоя речь о недостатках и достоинствах людей. Но чему же ты больше всего удивляешься в нас, если не могуществу?

— Сразу видно, что ты человек и что люди — примитивны. Хоть глаза ваши тусклы, а лица не выражают мысли, сейчас глаза твои засияли и лицо одухотворенно. И все потому, что ты тщеславен. Ты заранее радуешься, что тебя похвалят, неважно, за что, — лишь бы похвалили.

Это было беспощадно метко, я покраснел. Фиола смотрела на меня с улыбкой. Ее глаза освещали меня и мрак в саду. Если бы мы не вели серьезного разговора, мне померещилось бы, что я влюблен. Для любви, так я думаю, нужны специальные условия, здесь они были все — и теплая, напоенная ароматами ночь, и роскошный, как сказочный эдем, сад, и, наконец, самое важное — божественно прекрасная девушка. Она была дьявольски умна, эта божественно прекрасная девушка, мне становилось не по себе. И она не была человеком, а меня томило человеческое, чересчур человеческое! Земных девушек обнимают и целуют, шепчут им ласковые слова, такова наша человеческая любовь, примитивная, как мы, — а что требуется совершенным звездожителям?

Фиола разобралась в моем молчании, вероятно, лучше, чем я. В глазах ее быстро менялись цвета, голос пел звучно и мелодично. Если бы я не старался проникнуть в смысл пения, я наслаждался бы им просто как пением. Я вспомнил свое увлечение индивидуальной музыкой. Там не приходится размышлять, какие понятия в звуках.

— Что ты замолчал? — спросила Фиола. — Или тебя не интересует, в чем самое удивительное ваше качество?

— Нет, то есть да, интересует! Так чем мы замечательны?

— Своей добротой. Вы покоряюще добры, милый мой человек Эли. Ничто не может сравниться с вашей добротой и отзывчивостью.

Я немного приободрился. Правда, я мог бы кое-что порассказать о случаях, когда мы злы, но не хотел. Заблуждение Фиолы было мне приятно. Я предпочел бы вести разговор о Фиоле и ее сородичах, или о ночи и нашей встрече, а не о людях. Беседа наша могла быть занимательней, чем получилась.

Она возвратилась к тому, что мы могущественны.

— Мощь поднимается над мелочами, величие выше частных — таков закон природы. Звезде безразлично, что ее радиация поддерживает жизнь одних существ и убивает других. А люди нарушают этот закон природы. Их мощь не слепа, она разрушает и создает планеты — ради жизней. Когда первые люди опустились к нам, нас всех охватил ужас, мы ждали гибели. Но люди помогли нам защититься от летнего избытка радиации, от зимних жестоких морозов. Они построили экранирующие помещения, теперь не надо в жару прятаться в кустах под деревьями. И мы уже не страдаем от холода, когда планета зимой уходит от Веги: нас согревает искусственное красное солнце. Многие думают, что люди прибыли лишь затем, чтоб помочь нам, иной цели в их прибытии нет, — разве это не удивительно? Во время перелета с Веги на Ору люди говорили: «Здесь все для вас». На Оре нам твердят: «Требуйте, что нужно. Наша обязанность — создать вам наилучшие условия». Вот каковы люди! Они считают помощь иным существам своей обязанностью, — что может быть выше!

— А разве сами вы не поступили бы так? — возразил я. — Скажем, прилети вы на другую звезду...

— Не знаю. На планетах Веги жизнь нелегка, а ваших механизмов мы не имеем. Боюсь, мы всюду заботились бы прежде всего о себе. Вот ночью ты пришел без предупреждения, и

началось смятение. Все испугались тебя, Эли, а когда я приблизилась, нас хотели разъединить. Но я сижу с тобой, и мне хорошо. Нам всем хорошо с людьми. Это так прекрасно, что в мире существуете вы, люди!

Она проникновенно сияла, пение ее хватало за душу. Я чувствовал себя в этот момент представителем человечества, я гордился, что людей любят. И я с негодованием вспомнил, как Ромеро презрительно отзывался об искусственном солнце, за которое благодарила людей Фиола. Экипаж звездолета, отправленного на Вегу, израсходовал на это светило все свои резервы активного вещества. Программой полета такие действия не предусмотрены — им придется держать ответ на Земле. Я мысленно видел планету, где жила Фиола, — летом сжигаемую белокалильным жаром, темную и холодную зимой. Вдали сияла синевато-белая Вега — декоративная, не животворящая звезда. Да, конечно, ко всему можно приспособиться, к самым безжалостным условиям существования, — и они приспособились ценой мук и страданий. Разумом и чувствами я был с теми, кто бросил луч в их ледяную темноту, послал волну тепла в скованные морозом сумрачные убежища, защитил от убийственно-пронзительного летнего света! Но, несомненно, кто-то из людей поддержит Ромеро, объявив транжирством бескорыстную человеческую помощь... Сказать Фиоле, что люди разные, я не мог...

А между тем погасшая было луна стала возрождаться в солнце. На черном полог неба засветился диск, он становился ярче и горячее. Звезды тускнели и пропадали. Фиола прижалась ко мне. Я хотел ее поцеловать, но не знал, принято ли на Веге целоваться. Мне было радостно и без поцелуев.

— День идет, — сказал я. — Рабочий день, Фиола.

— Да, день, — отозвалась она. — И ты удалишься.

Спасибо, что ты был эту ночь со мной, человек Эли.

— И тебе спасибо, Фиола. Ты подарила мне лучшую ночь в жизни.

— Что было в ней лучшим, Эли? То, что я критиковала людей за несовершенство?

— Нет, то, что мы сидели рядом и, разные, чувствовали свое единство.

Она унеслась, звеня и сверкая, в глубь сада, а я поплелся к выходу.

31

Я собирался к Вере, но она сама вызвала меня. У входа в гостиницу вспыхнул видеостолб. Вера сидела за столом. Она казалась усталой.

— Ты не спал сегодня, брат? — спросила она, всматриваясь в меня. — Тебя не было дома.

— Я провел эту ночь с Фиолой в их саду.

— Я тоже не спала. Дурацкая ночь — споры, ссоры... Как бессердечны иные люди!

Я сообразил, что она говорит о Ромеро.

Я редко видел Веру такой измученной. Раньше в спорах она воодушевлялась. Дискуссии оживляли, а не подавляли ее. Что-то очень серьезное случилось у них с Ромеро.

— Прими радиационный душ, Вера. И не думай о чужом бессердечии.

— Душ я приму. Но не думать о бессердечии не могу. Бессердечие, распространившееся на многие сердца, становится грозной силой. Я вызвала тебя, чтоб освободить на этот день.

Я позавтракал и пошел к Андре. У Андре сидел Лусин. Я предложил им отправиться на розыски сведений о галактах. Андре собирался сегодня готовить зал Галактических Совещаний к своему концерту. Я уверял его, что звездожители отнесутся к симфонии не лучше, чем люди, музыка должна радовать, а не терзать.

— Наш век — трагичен, — закричал Андре. — Посмотри на небо — сколько горя! И еще эти чертовы человекообразные с их загадочными врагами! Наши предки могли дикарски радоваться неизвестно чему, а мы обязаны задуматься над смыслом существования.

Он готов был завязать запальчивый спор, но я отвернулся к Лусину. Тот вначале

отнекивался занятостью в конюшне, но я пресек его отговорки. Разве он поехал на Ору ублажать пегасов и драконов? Этим можно заниматься и на Земле. Лусина уговорить легче, чем Андре. Он потащил передвижной дешифратор. На улице мы взвалили прибор на воздушную тележку и поехали в гостиницу «Созвездие Орла».

Мысль о том, что надо поискать сведений о галактах у альтаирцев, явилась мне вчера. Я хотел также познакомиться с их живописью. Спыхальский так разрисовал их способности к искусству, что меня одолевало любопытство.

В вестибюле мы облачились в скафандры и получили гамма-фонари для высвечивания невидимых жителей Альтаира.

В зале было пусто. Мы светили во все стороны, но не обнаружили альтаирцев.

В конце зала открывался туннель, и мы прошли сквозь него на рабочую площадку. У меня защемило сердце, когда я увидел раскинувшуюся вокруг нас страну. На темном небе висел синевато-белый шар, имитировавший жестокий Альтаир. Все вокруг разъяренно сверкало. Ни единой травинки не оживляло сожженную почву — до скрежета белый камень, до хруста белый песок, удушливая пыль, вздымавшаяся из-под ног.

— Пейзаж! — сказал я. — Жить не захочешь!

Лусин не изменил себе и тут.

— Неплохо! Здесь жить — искусство. Мастерство.

Высокое.

Вскоре нам стали попадаться сооружения альтаирцев — каменные кубы без окон, каменные кораба, протянувшиеся за горизонт. Мы вошли в один из кубов и засветили фонарями. На стенах вспыхнули люминесцирующие картины. Рисунки меняли окраску и интенсивность, стоило повести фонарем, а когда мы тушили их, картины медленно погасали. Живопись была странна — одни линии, хаотически переплетенные, резкие, мягкие, извилистые линии — не штрихи, но контуры. Я вспомнил о математической кривой Пеано, не имевшей ширины и толщины, но заполнявшей собой любой объем. Линии, какими рисовали альтаирцы, были подобны кривой Пеано, они заполняли объем, очеркивали глубину, изображали воздух и предметы. Я видел все тот же беспощадный пейзаж — неистовое солнце, поля, камни, песок, сооружения. И всюду были сами альтаирцы — нитеногие, паукообразные, проносящиеся между предметами. Перед одной картиной я стоял долго. Два альтаирца дрались, яростно переплетаясь отростками, сшибаясь туловищами. Художник великолепно передал бушевавшую их злобу, стремительность и энергию движений. Я двигался вдоль одной стены, Лусин вдоль другой. Он вдруг закричал:

— Эли! Скорей! Скорей!

Я метнулся к нему, думая, что он попал в беду. Лусин показывал пальцем на картину.

На картине были галакты.

И эта картина, как и остальные, была рисована линиями — контуры вещей и воздуха заполняли пейзаж. На камне лежал умирающий бородатый галакт в красном плаще и коротких штанах. Одна рука бессильно отвалилась вбок, другая сжимала грудь, глаза умирающего были закрыты, рот перекошен. Неподалеку стояли трое галактов с закованными руками — на картине отчетливо виднелась цепь, стягивающая их руки, заложенные за спину. И с тем же жутким совершенством, с каким художник передал страдание в облике умирающего, он изобразил обреченность и молчаливое отчаяние трех пленников. Они не смотрели на нас, не звали на помощь, головы их были опущены с безвольной покорностью. А над ними реяли альтаирцы. Так же мастерски художник изобразил и смятение жителей Альтаира. Они словно ломали свои отростки, каждая линия на их телах кричала, альтаирцы металась, хотели что-то сделать, но не знали — что.

— Где же те, кто пленил галактов? — размышлял я. — Очевидно, это не альтаирцы, те сами в ужасе. Никакого, даже отдаленного намека на зловредов! Ты понимаешь, что это значит, Лусин? С каждым новым открытием таинственные разрушители становятся таинственней.

— Загадка. Надо искать. Может, еще картина?

Мы переходили из одного пустого здания в другое, под нашим фонарем загорались все новые картины, но среди них больше не было изображений галактов.

— Надо поискать альтаирцев, — сказал я. — Только они смогут объяснить загадки своих рисунков.

— Пойдем. Поищем.

Побродив по раскаленной пустыне, мы увидели сборище усердно работающих альтаирцев. Они вырубали и обтесывали камни, тащили их к строящимся зданиям. Труд был хлопотлив, а работники умелы. Впрочем, не так уж сложно быть умелым, если у каждого вместо двух рук два десятка гибких и крепких рычагов.

Шар, заменяющий Альтаир, накаливал по-полдневному, и паукообразные создания светились в видимых лучах, но слабее, чем в зале, где мы их впервые увидели. И если там они были полупрозрачны, то здесь их сходство с призраками увеличилось. Кругом были одни тускло мерцающие тени и силуэты, контуры тел, а не тела. «Вот откуда их странная живописная манера», — подумал я.

Альтаирцы заметили нас и, забросив работы, побежали навстречу. Они с радостью протискивались поближе, стремились дружески обнять нас ножками-волосиками — пришлось усилить охранное поле. Я настроил дешифратор и пожелал им здоровья. Эти добрые создания в ответ пожелали нам никогда не спать. Очевидно, сон у них — штука страшная и они его побаиваются.

Я обратился к альтаирцу, на взгляд менее субтильному, чем другие:

— Нам очень понравились ваши картины, друзья.

— Да, да! — загомонили они. — Мы рисуем. Мы всегда рисуем.

— И нам хочется знать, что за существа, похожие на нас, изображены на одной вашей -картине?

Когда дешифратор преобразовал мой вопрос в гамма-излучение, альтаирцы словно окаменели. Они стояли, как бы пораженные ужасом. Если бы у них были глаза, я бы сказал, что они замерли, выпучив глаза. Приглянувшийся мне альтаирец отшатнулся. Потом по кольцу паукообразных пробежала судорога, и оно стало разваливаться. Передние отступали назад, кто-то из задних пустился наутек.

— Что с ними? — спросил я Лусина. — Они вроде испугались вопроса.

— Повтори! — посоветовал Лусин. — Не поняли.

Несколько секунд я не решался повторить вопроса, и движение среди альтаирцев прекратилось. Я молчал, обводя их взглядом, и они молчали, ожидая, не скажу ли я еще чего-нибудь страшного.

А когда я набрался духа и вторично попросил ответа, кто изображен на картине, их охватила паника. Они уносились с такой быстротой, что не прошло и секунды, как около нас никого не было. Бегство совершилось в полном молчании, дешифратор не передал ни единого звука. Я повернулся к Лусину:

— Вот так история! Ты что-нибудь понимаешь?

— Понимаю, — отозвался Лусин. — Загадка.

32

Андре мы не нашли, к Ромеро я не пошел, Спыхальский занимался своим огромным хозяйством — нам не с кем было поделиться новыми открытиями и загадками.

Лусин, чуть выбрался из гостиницы «Созвездие Орла», затосковал по своим чудищам.

— Да что с ними случится? Пегасы дерутся, а драконы жуют траву. Кому на Оре нужны твои примитивные создания?

— Не говори, — бормотал он. — Не надо. Хорошие.

— Проваливай, — сказал я. — Надоел до смерти.

Желаю пегасам попасть в пасть дракона.

Лусин, счастливый, долго хохотал, — таким забавным показалось ему мое пожелание.

Два пегаса из смирных, пусти их, загонят любого дракона.

Я завернул к себе и поспал часок за вчерашнюю бессонную ночь.

Меня разбудил вызов Веры. Она требовала меня к себе.

Вера порывисто ходила по комнате, иногда что-нибудь брала со стола и, повертев, клала обратно. На столе у нее множество пустячков — кристаллики с записью, крохотные осветители, зеркальца, гребешки, духи, книги первого века. Когда Вера волнуется, у нее темнеют глаза. Сейчас у нее были очень темные глаза. Она отдохнула и уже не казалась измученной, но я видел, что она возбуждена. Она встряхивала волосами — волосы спадали на глаза, и она отбрасывала их. В гневе Вера только и делает, что взмахивает волосами. «Трясет головой, как лошадь», — мстительно думал я в детстве, когда она отчитывала меня. Разгневанная, она так хорошеет, что даже я это замечал. Все неприятные минуты моего детства связаны с образом рассерженного, красивого лица. С той поры я недолюбливаю красивых женщин, и это уже навсегда. Красота для меня неотделима от вспыльчивости и резких слов.

Сегодня Вера была красивей, чем когда-либо. Теперь я твердо знал, что у них с Ромеро произошел разрыв.

— Ну, что ты нашел нового, Эли? — Она совершенно очевидно делала усилие, чтоб слушать.

После первых же моих слов о картине с галактами она преобразилась.

Она сразу поняла, что мы совершили открытие. До сих пор было известно, что галакты появлялись на одной отдаленной звезде Гиад, в 150 светогодах от Солнца. Теперь следы их обнаружены в Альтаире, в ближайших наших звездных окрестностях.

— Это чрезвычайно важно, — сказала Вера. — Из твоей находки следует, что галакты со своими врагами могут появиться и в Солнечной системе, если уже не появлялись в ней. То, о чем мы на Земле говорили лишь как о теоретической возможности, стало реальной угрозой. Но какова природа этой угрозы? И снова — кто такие эти разрушители, или зловреды, пленившие галактов? Почему их нет на картине? Не духи же они, в самом деле!

Вера отдала распоряжение, чтоб все картины альтаирцев были сфотографированы, и возвратилась к нашему открытию.

— Чем ты объясняешь бегство альтаирцев, брат?

Я развел руками, у меня не было объяснений.

— Еще одна загадка! Ну, эту, пожалуй, как-нибудь решим. А теперь поговорим о другом.

— О другом — это значит о Ромеро, сестра?

Она, волнуясь, снова заходила по комнате.

— Да, о Ромеро. Три часа назад мы с Ромеро запросили МУМ, кто из нас прав. И машина ответила, что я — неправ. Помощь звездожителям она объявила несовместимой с принципом, что все совершается для блага человечества и человека.

Я вскочил. Давая совет Ромеро обратиться к МУМ, я был уверен, что она опровергнет его. Я крикнул:

— Машина соврала! На Земле запросим Большую. В серьезных делах верить такой крохотульке!..

Вера нетерпеливо отмахнулась. Она еле сдерживалась.

— Машине можно верить, Эли, Если она и не содержит всех знаний Большой, то принципы истолковывает правильно. Такой же ответ даст и Большая.

Я смотрел на Веру во все глаза. Мне казалось до сих пор, что я знаю ее. Раньше она не уступала, шла на резкости, если чувствовала свою правоту. Меня охватила обида за прекрасных вегажителей, за добрых и смертоносных альтаирцев, даже за болтливых, дурно пахнущих, но по-своему симпатичных ангелов.

— Ромеро знал, что делает, — сказала она. — Он умело воспользовался последними данными... Он поднимает крик, что человечеству грозит чуть ли не гибель, — и все для того, чтоб сбросить с Земли ответственность за наших звездных собратьев. Не понимаю, почему

он так ненавидит все, что непохоже на человека? А социальные наши машины, конечно, проштампуют его версию — раз над человечеством нависла опасность, нужно думать только о человеке. На то они и машины, чтоб мыслить по-машинному.

— Быстро же ты отступаешься, Вера. Быстро, быстро!

Она подошла к окну и закинула руки за голову. Я видел лишь ее профиль — ровный нос, тонкие брови, высокий лоб, пухлую нижнюю губу, очень яркую на матовом лице. Красоты в ней было больше, чем силы. А когда идет борьба, нужны кулаки.

— Тебе кажется, что я отступаю?

— Хотел бы, чтоб не казалось.

Она отошла от окна.

— Я не отступаю. Я начинаю борьбу. Но не с машиной. Что машина? Справочный механизм, приспособленный для расчета, — автоматический слуга. Что в нее вложат, то и получают. Я хочу поставить перед человечеством вопрос: не пора ли расширить принципы нашего общественного устройства? Они существуют неизменные пятьсот лет, не настало ли время развить их дальше? Я готовлю об этом доклад Большому Совету.

Мне подумалось, что она захватывает чересчур далеко. Нужно по-иному сформулировать вопрос — и машина даст иной ответ. Ромеро тонок, он нашел хитрый ход, с ним надо бороться его оружием — отыскать формулировку похитрее...

— С ним надо бороться открыто и прямо, Эли. Ты ошибаешься в нем. Ромеро не тонок. Он умен, но примитивен. Среди дикарей тоже встречались умные люди. Слушай, как все это представляется мне.

Она и раньше любила рассказывать друзьям то, с чем потом выступала на Совете. Я не терпел ее длинных речей, но эту слушал, не отвлекаясь, — мысли Веры казались мне собственными моими мыслями.

Вера начала с 2001 года старого летосчисления, памятного года, когда человечество объединилось в единое общество и на земном шаре было покончено наконец с национальными, классовыми и государственными распрями. Год объединения стал первым годом новой эры, подлинная история человечества началась с рождения нового общества, с осуществления в жизни принципа: «Общество существует для блага человека. Каждому по его потребностям, от каждого по его способностям». В те начальные годы принцип этот был лишь пожеланием, предстояло сделать великую идею повседневностью быта. Почти пятьсот лет протекло с той поры, и все эти годы человечество усовершенствовало себя. Оно было погружено в себя, остальной мир интересовал его лишь в той степени, в какой касался людей. Оглянуться — голова кружится: за все предшествующие тысячелетия его существования не было столько доброго совершено для человека, сколько за эти пять веков.

Каким бы жалким показался прославленный рай рядом с нынешней Землей! Осуществлены возможности, таящиеся в человеке, — он по-настоящему стал человеком, устроил себе по-настоящему человеческую жизнь.

Но на этом кончилось лишь его младенчество, не больше. Мироздание ребенка эгоцентрично, в центре Вселенной — он, а все остальное вращается вокруг него. Проходит время, и он узнаёт свое истинное место в мире. Он становится сильнее и умнее, но из центра мира превращается в его рядовую частицу. Таково и нынешнее человечество. Оно оглянулось и увидело: формы разумной жизни бесконечно разнообразны. Природа не исчерпала себя в человеке. Возможно, над альтаирцами или альдебаранцами ей даже пришлось потрудиться больше, ибо там покрупнее были препятствия для развития разума. Человечество наконец узнало свое место во Вселенной — оно скромно.

И вот тут начинается испытание реальной глубины человека. Мы открыли иные общества — что мы нашли в них? Достигли ли они нашего уровня жизни, превзошли ли его? Удалось ли им овладеть могучими силами, что покорны нам? Нет! Никто не овладел природой, она безраздельно властвует над ними. Они мучительно борются за существование, изнемогают в тяжком труде, жизнь их — сплошное радование о тепле, о свете, о хлебе, добываемом в поте рук своих... В этом месте я прервал Веру:

— Это не распространяется на галактов, у тех развитая машинная цивилизация.

— Мы о них пока что мало знаем. Возможно, когда-нибудь мы заключим с галактами союз для помощи обществам низких ступеней развития. Сейчас же эта задача стоит перед нами одними.

Я вспоминаю, сказала она, как менялись отношения между людьми. Человечество начало со свирепой взаимной ненависти. «Человек человеку — волк!», «Падающего толкни!», «Каждый за себя, один бог за всех» — таковы были жестокие символы веры тех далеких времен. Что заменило их, когда человечество достигло единства? Гордая формула: «Человек человеку — друг, товарищ и брат!». Почти пять столетий жили мы под сенью этой формулы, ибо никого не знали, кроме человека. А теперь пришло время расширить эту формулу: «Человек всему разумному и доброму во Вселенной — друг!». И вот Ромеро объявляет, что она противоречит принципу: «Общество живет для блага человека — каждому по его потребностям», и машина поддерживает его. Но я утверждаю: если примут мою формулу, принцип «Каждому по его потребностям» остается. Старое, из двадцатого века, понятие «потребности», заложенное в программу машин, стало узко. Тогда к потребностям относили создание обеспеченной благами, справедливой жизни человека среди людей, — звездожителей мы не знали. А сейчас человек стал лицом к лицу с иными мирами. Можем ли мы равнодушно пройти мимо разумных существ, томящихся без света, тепла и пищи? Повернется ли у нас язык бросить им: «Вы по себе, мы по себе — прозябайте, коли лучшего не сумели...» А раз появились новые обязанности, то возникли и новые потребности — мы должны стать достойны самих себя! Мы вступаем в следующую стадию нашего развития — выход в широкий мир. А наши государственные машины застыли на уровне, когда человечество знало лишь себя. Они выражают наше младенчество, мы же стали взрослыми. Не подчиниться их решению, а изменить их программу — вот мой план. Сомневаюсь, чтоб Ромеро удалось долго торжествовать!

Как меня ни захватили мысли Веры, я не мог не указать, что аргументация ее не везде сильна. Все опять упиралось в проблему галактов. Не скажут ли ей, что рискованно начинать космические преобразования, когда мы не знаем, что ждет нас завтра?

— Да, безусловно скажут. И уже сказали — Ромеро! Но на их возражения у меня есть ответ. Приложим все силы, но разумаем, какая реальность скрывается в известиях о галактах, — это первое. Второе — только не впадать в панику! Миллионы лет нашу систему не посещали эти таинственные существа, лишь на отдельных звездах о них сохранились предания, — почему мы должны вести себя так, словно завтра ожидаем вторжения? Это же недостойно нас — трястись каждой жилкой при первых же туманных сведениях о чем-то, пока совершенно непонятном! И третье, самое важное, — если где-то в межзвездных просторах бушуют жестокие войны и войны эти могут затронуть нас, почему нам заранее не объединиться со звездными соседями для отражения враждебных нашествий? Разве, объединенные, мы не станем сильнее? Разве тогда уже не одна Солнечная система, но тысячи планетных систем не встанут несокрушимым заслоном на пути неизвестного противника? И кто доказал, что будут одни противники? Галакты, так похожие на нас, неужели они станут нам врагами? Я полностью согласна с Андре, что мы встретим в них, вероятней всего, друзей.

— Ресурсы, Вера, вот в чем вопрос, — человеческие ресурсы не безграничны. Ты понимаешь, я высказываю не свою мысль, но твоих противников...

— Я понимаю, но не принимаю этот аргумент. Наши ресурсы огромны, и в нашей воле значительно их увеличить. Но дело не только в этом. Ты мало интересовался историей, но для меня история человечества всегда будет источником примера и вдохновения. Я тебе напомню о некоторых делах наших предков, уверена, они и сегодня достойны подражания. Вспомни очень важный период в жизни Земли — начало второй половины двадцатого века. В мире тогда существовало несколько социалистических государств, окруженных враждебными капиталистическими гигантами Европы и Америки, а в Африке и Азии нарождались новые государства. Эти молодые государства, недавние колонии, нищие,

неграмотные, часто и полудикие, отчаянно нуждались в срочной помощи — и разве им отказали в ней? Разве социалистические государства не протянули им дружескую руку? И разве этим социалистическим государствам не было много труднее, чем нам сейчас? Над ними нависала не гипотетическая, а вполне реальная угроза военного конфликта, умирающий капитализм грозил им атомным нападением, его можно было сдержать лишь силой, а не уговорами. И им, тогдашним социалистическим государствам, надо было работать для своего народа, заботиться о его подъеме. Ресурсов на все не хватало, приходилось отрывать от необходимого, а не дарить от избытков, — они шли на жертвы, но помогли молодым народам. Думаю, и в те времена находились свои Ромеро, которые вопили, что нужно плюнуть на всех нуждающихся и думать лишь о себе. Но их не послушались, этих древних Ромеро, — и это было счастьем для человечества, что не послушались. Так действовали наши предки в сложных условиях своего времени. Почему мы должны действовать иначе? Разве мы хуже их? Разве наши возможности меньше? Мы продолжаем, а не отрицаем великое дело наших предков. Вот чем я опровергну аргументы о ресурсах!

Я помолчал, прежде чем задать Вере новый вопрос. До сих пор мы никогда не беседовали о ее личных делах.

— А Ромеро, Вера? Неужели твои доказательства на него не подействовали? Мне всегда казалось, что у вас полное духовное единение.

— И мне так казалось, — сказала она с горечью. — Я думала, что нет человека ближе мне, чем он, — кроме тебя, конечно. Это так все для меня неожиданно... Вероятно, я просто закрывала глаза на многие его недостатки. А вчера ночью я поняла, что нас ничто не соединяет. Он кричал, топал ногами, ругался... Павел, ты понимаешь, Эли, он же сдержанней всех нас, вежливей!..

— Ты просила его успокоиться?

— Я прогнала его. Я сказала, что не хочу его видеть, что он мне омерзителен.

— Ты всегда резка, сестра!

— Я права, Эли! Это единственно важное — я права! А когда он ушел, мне показалось, что у меня разваливается голова. Почему Ромеро? Нет, почему он? Ну пусть бы другой, я бы пережила это, мало ли какие люди попадают!.. Но Павел! Я верила в него, как в себя, гордилась им. Ты этого не поймешь, Эли, ты еще никого не любил!..

Воодушевление, охватившее ее, когда она излагала мне свои доказательства и предложения, угасло. Она казалась еще измученней, чем утром. Она печально улыбнулась, поймав мой взгляд. Меня захлестнуло горячее сочувствие и любовь к ней. Я молчал, не зная, что сказать.

Потом я спросил:

— Как ты мыслишь борьбу с Ромеро? У него найдутся сторонники.

— Несомненно, он встретит поддержку. Но справедливость на моей стороне. По возвращении на Землю, мы обратимся к людям с просьбой решить, кто прав. Коллективные человеческие разум и воля будут высшими судьями.

33

Андре, разумеется, не поверил, что альтаирцы улепетывают при упоминании о галактах. Он схватил дешифратор и умчался в гостиницу «Созвездие Орла».

Днем я повстречал его в столовой. Он уныло жевал мясную синтетику.

— Эти чертовы существа трусливее зайцев! — ругался Андре. — От меня они убегали почище, чем от вас. Кое-что я, впрочем, записал.

Оказалось, Андре заранее настроил дешифратор на излучения мозга альтаирцев и получил отпечатки, о чем они размышляли, приближаясь, и что вызвало у них такой ужас. В мозгу альтаирцев творился сумбур. Дешифратор не сумел выразить ясно их размышлений. Пожалуй, ближе всего по смыслу было: «Не о том ли?» — до разговора и смятенный вопль: «То! То!» — во время бегства.

— И картины, что вы обнаружили, уже нет, — добавил Андре. — Альтаирцы начисто стерли ее.

— Что ты думаешь, об этом, Андре?

— Ничего не думаю. Зато я знаю, почему вы не увидели зловредов рядом с закованными галактами.

— Вероятно, мы их не увидели потому же, почему их никто никогда не видел, если судить по записям на Пламенной В.

— Совершенно верно, поэтому. Но можешь ли ты сказать, в чем тут дело?

— Ты, насколько я понимаю, разработал новую ослепительную теорию?

— Во всяком случае, справедливую. Секрет в том, что зловреды — невидимы.

Он хладнокровно стерпел мое изумление. Когда же я сказал, что он пытается разрешить одну загадку придумыванием другой, еще посложней, Андре презрительно бросил:

— Ты педант и консерватор. Всякая новизна претит тебе уже по одному тому, что она — новизна. Подумай над этим на досуге, Эли. Еще не поздно исправиться. Жду перелома.

Он махнул мне рукой и убежал заканчивать подготовку своего концерта. Он любит прерывать споры так, чтобы последнее слово, хоть по видимости, оставалось за ним.

Я посетил Труба. Строптивного ангела днем выпустили наружу, но он устроил на площади очередной скандал.

Спыхальский распорядился водворить его на прежнее место. Мне показалось, что он обрадовался моему приходу, хотя ни одним движением крыльев не показал этого. Он скосил на меня угрюмые глаза и что-то проворчал.

— Как настроение, Труб? Не мучают страшные сны?

— Не хочу здесь больше, — зарычал он. — Отправьте меня домой. Ненавижу низменных двукрылых, которым вы угождаете.

— Не все двукрылы, Труб. Попадают и четырехкрылые.

— Их тоже ненавижу. Всех ненавижу!

— А себя любишь?

Он уставился на меня, как на дурака. Я ожидал ответа с такой серьезностью, что он смутился.

— Не знаю, — сказал он почти вежливо, — Не думал.

Я похлопал его по плечу и приласкал великолепные крылья. Это был чудесный экземпляр настоящего боевого ангела.

— Глупый ты, Труб! — сказал я от души.

Он молчал, возбужденно ероша перья. Когда я поднялся, в глазах у него появилась почти человеческая тоска. Но он заговорил с обычной строптивостью:

— Ты не ответил, человек: когда повезете нас обратно?

— Подготавливается звездная конференция. Поговорим о формах общения, о межзвездных рейсах и прочем. А после конференции — по домам!

Если бы у него были руки, он надменно скрестил бы их на груди. Вместо этого он величественно закутался в крылья.

— Конференции меня не интересуют. Двукрылые пишат о межзвездной торговле. Не терплю торгашей!

Уже в дверях я спросил:

— Меня ты терпишь? Заходить к тебе?

Он хмуро проговорил:

— Заходи! И товарищи твои... тоже...

Вечер я провел у Фиолы. Вегажителю уже не разбегались в страхе, когда я приходил один. Мне становилось с ними все интересней. Интересней всех была Фиола. Она рассказывала, как идет у них жизнь, а я, не вслушиваясь особенно, любовался ею. Она поймала меня на этом.

— Почему ты смотришь на меня, Эли?

— Разве я смотрю?

— Да. И у тебя тускнеют глаза, когда ты задумываешься.

— И этого не знал. Конечно, глазам человека не сравниться с вашими. У нас цвет их один на всю жизнь. Скучноватые, в общем, глаза.

— Зато у вас прекрасная улыбка, Эли. Когда ты улыбаешься, у меня стучит сердце. Почему ты краснеешь?

— Ты очень откровенна. У нас это встречается не так часто.

— Что значит — очень откровенна?

— Как тебе объяснить? Если кто у нас думает, что другой — хороший, он спешит это высказать, чтоб тот порадовался.

— И у нас так.

— Вот видишь! А если видят, что другой плохой — раздражительный, угрюмый, — то помалкивают, чтоб не расстраивать.

— Этого я не понимаю. Он должен радоваться, если ему скажут, что он плохой, — он сделает себя лучше.

— Ну, знаешь! На Земле и машина не радуется, если ее ругают. Впрочем, у нас еще очень много нелогичного.

Она размышляла. Прекрасная, она становилась еще прекраснее, задумываясь. Глаза у нее превращаются в нежно-салатные и разгораются глубже, — когда Фиола поворачивает голову, из тьмы выступают предметы, она освещает их глазами, как огнями. Впрочем, я об этом уже говорил.

— Скоро вас начнут развозить по звездам — и мы расстанемся, — сказал я.

— Тебя это огорчает?

— Да. Я буду вспоминать тебя, Фиола.

— И я. Когда тебя нет, я думаю о тебе. Никому из нас не хочется расставаться с людьми. Вы спустились с неба в наши сердца.

Такие разговоры я мог бы вести часами. Я прижался к ней плечом. Она с удивлением поглядела на меня. Когда же я коснулся губами ее губ, она спросила очень серьезно:

— Зачем тебе это нужно?

Что я мог ответить ей? Я сказал, что такое прикосновение называется поцелуем. .

— Не могу сказать, чтоб поцелуи были приятны, — сказала она. — Но я буду терпеть, если тебе этого хочется.

— Тебе недолго терпеть, — возразил я.

— Мне будет не хватать тебя, Эли, — повторила она.

— Мне и сейчас не хватает тебя, — сказал я. — По земным понятиям, ты есть и тебя нет. Ты желанная и недоступная.

— Раньше ты говорил, что я красивая, — напонила она. — Разве красота недоступна? Ты не отводишь от меня глаз, значит, ты видишь ее?

— Можно быть красивой и желанной, красивой и недоступной — одно другого не исключает. Недоступное бывает порою желаннее.

— Вероятно, потому, что вы, люди, часто жаждете невозможного. У вас есть такая странная особенность.

— У нас много странных особенностей.

— Да. А мы желаем лишь того, что разумно желать. У нас нет недостижимого и недоступного, ибо мы не стремимся к тому, чего невозможно достичь, и не приступаем к неприступному.

— Люди перемерли бы с тоски, если бы были так трезвы, как вы.

— Я и говорю: в вас много странностей.

— Тогда объясни, Фиола, зачем ты сидишь со мной?

— Я беседую с тобой. Ты рассказываешь много интересного.

— Другие люди говорили бы интереснее, чем я, но ты хочешь видеть меня. Почему ты встречаешься со мной, а не с Лусином?

— Ты мне приятней, — призналась она. — Я думаю днем, что вечером увижу тебя, и мне становится от этого тепло. Я не понимаю, что это такое. У нас каждый относится ко всем другим одинаково дружелюбно.

— А у нас отношение к некоторым иное, чем ко всем остальным. Мы называем это особое отношение любовью. И мы не требуем, чтобы любовь была особенно логична.

— Все явления имеют логику. Должна иметь ее и любовь.

— Она имеет ее. Но это особая логика. Тем, кто не знает любви, она покажется сумасбродством. И если мы не замечаем, что любовь странна, то лишь потому, что она широко распространена среди нас. Нет таких, кто не влюблялся бы хоть раз.

— Бедные! Вы, очевидно, проклинаете все на свете, когда на вас сваливается такое несчастье, как любовь?

— Наоборот, благословляем ее, как священный дар. Лучшее в человеке связано с любовью.

— Что именно — лучшее?

— Как бы тебе объяснить?.. Например, рождение новых людей... Без любви оно не происходит.

— Вам надо поучиться у нас. Все это просто и разумно. Яйца с зародышами приносят...

— Фиола, помолчим лучше. На Земле перед расставанием всегда молчат.

Мы молчали. Фиола прижималась ко мне. Может, она хотела сделать мне приятное, может, ей стало нравится так сидеть — я не спрашивал. Я с горечью понимал, что страсть к ней бессмысленна. Можно сотрудничать со звездожителями, можно дружить с ними, помогать им, обучать их нашим наукам и технике, нашему общественному устройству, но влюбляться в них — противоестественно. Любовь — человеческое, слишком человеческое, ее не перенести в иные миры.

От этих мыслей мне стало совсем грустно.

— Прилетай к нам, — сказала Фиола. — Тебе понравится у нас.

— Может, и прилечу.

— Если ты не прилетишь, я попрошусь на Землю. Вы обещали возить нас к себе. Ты будешь меня ждать?

— Да, конечно, — проговорил я со вздохом. — Мне кажется, я только и делаю, что жду тебя.

— Приезжай обязательно. Я хочу тебя видеть больше всех людей.

— В этом мало логики, Фиола.

— Мало, да. Ты заразил меня своими странностями, Эли.

Я держал ее руки в своих, гладил их.

— Поцелуй меня, — сказала она одним светом глаз.

Я поцеловал ее и проговорил печально:

— Желанная и недоступная.

Она напряженно вслушивалась в мои слова. Я знал, что она потом будет повторять их про себя, будет стараться проникнуть в темный их смысл. Мне стало стыдно. Зачем я вношу человеческое смятение в спокойную душу далекого от людей существа? Зачем прививаю ей мучительную культуру наших страстей? Она постигнет лишь наши тревоги и страдания, наслаждение и счастье наше ей узнать не дано. В смятении и тоске она будет кружиться в своих глухих садах, будет призывать меня пением и светом: «Эли! Эли!». Зачем?

— Желанная и недоступная! — шептал я, глядя, как она исчезает в глубине сада.

Конференция звездожителей удалась на славу. Огромный зал Галактических Приемов был разбит на секторы, прикрытые куполами, а внутри каждого сектора созданы свои условия: альдебаранцы находят расплющивающее тяготение, альтаирцы — жесткое излучение своего яростного светила, вегажители — томный полумрак с роскошными

растениями. Лишь для ангелов с Гиад специальных условий не обеспечили: этот народ отлично приспосабливается к любым. Много секторов пустоует. Конструкторы Оры предусмотрели столько разных возможностей существования, что половину их пока не удалось обнаружить.

Я хотел посидеть с Фиолой во время совещания. Но Вера настояла, чтоб я явился в сектор Солнца, где собрались люди.

Я сел между Ромеро и Андре, тут же разместились Аллан, Ольга, Лусин, Леонид, позади и впереди — работники Оры, свободные от дежурств по механизмам. Людей набралось порядочно. Еще больше было гостей, особенно ангелов. Сектора поднимаются амфитеатрами — где креслами, где лужайками, где деревьями, каждому народу по привычкам. Перед креслами видеофоны с переводом любой формы речи в понятную слушателю. Я говорю «слушателю» по привычке, лишь мы да ангелы слушаем, у остальных речи освещают или пронизывают.

За отдельным столиком в центре зала уселись Вера и Спыхальский — председатели сегодняшнего совещания.

Я толкнул локтем хмурого Андре:

— Надо бы выбрать президиум, как любили предки — по одному представителю от созвездия, как по-твоему?

Андре в последние дни, недосыпая и недоедая, возился с ангелами, но нового не узнал. И у трусливых альтаирцев не удалось ничего выпросить, хотя они, несомненно, скрывали важные сведения о небесных путешественниках.

Он буркнул:

— Обратись к Ромеро. Я не специалист по президиумам.

К Ромеро я не обратился. Ромеро поставил трость между ног и скрестил на набалдашнике руки. Он со скучающим презрением оглядывал зал.

Я продолжал выпытывать у Андре:

— Ты после ангелов ходил к жителям Альдебарана и Капеллы, — как там?

— Так же. Никак.

— Ни единого намека?

— Я же сказал — никак! Или поставить дешифратор, чтоб ты мог понимать друзей?

— Ни мысли, ни сновидения?..

— В сотый раз отвечаю — ничего! Альдебаранцы стараются мыслить поменьше, а сны у них лишены образов — какие-то цветные полосы. Возможно, им снится, что тяжесть усилилась настолько, что не хватает дыхания.

— У них сон тяжелый в подлинном смысле...

Без увеличения тяжести они не засыпают.

— Спасибо за разъяснение. Ты забыл, что я тоже слышал лекцию Спыхальского об образе жизни на Альдебаране и Капелле?

Пока мы беседовали с Андре, Спыхальский предложил Вере доложить о цели первого межзвездного совещания. Вера в своей речи объявила начало новой космической эры — периода внутригалактического сотрудничества.

Андре показалось, что Вера старается расписать межзвездное сотрудничество слишком уж розовыми красками.

— Вселенское благотворительное общество, — сказал он, зевнув. — Братство падающих с неба синтетических галушек. Великое объединение звездожителей Губ-не-Дур.

Насмешка Андре задела меня. Я с упреком спросил, не он ли недавно сочинил симфонию о гармонии звездных миров.

— Я, — отозвался Андре равнодушно. — И сейчас я за космическое товарищество. Но пусть и звездные братцы закатывают рукава.

Ромеро, казалось, слушал одну Веру. За час он не повернул головы, не кашлянул — все те же скрещенные на трости руки, надменная скука на лице. Но он уловил, о чем мы тихо препираемся с Андре. Он повернулся к нам:

— Вот первая ваша мысль, дорогой Андре, которая кажется мне основательной. После вчерашней теории я опасался, что на вас надо ставить крест, как на мыслителе.

Я поинтересовался, какую теорию Андре он имеет в виду. Не ту ли забавную гипотезу, что неразгаданные враги галактов — невидимки?

— Следующую за этой. Наш друг Андре — генератор новых идей непрерывного действия. Лишь вчера он доказывал, что человек — нечто вроде искусственного сооружения, придуманного в незапамятные времена галактами, которые, создав нас, бросили на Земле свое творение за полной к чему-либо непригодностью.

Ничего похожего на это я не слышал от Андре.

— Пустяки, — сказал Андре. — Гипотеза как гипотеза — анализ одного из теоретически возможных предположений... У Лусина в институте выводят пегасов и драконов воздействием на генетические нуклеиновые кислоты лошадей и ящериц, почему же не вывести человека нуклеиновой обработкой обезьян? Задача нетрудная для современного уровня знаний, просто ею никто не занимался. И вот я предположил, что некогда на Земле высадились галакты и, немного поэкспериментировав с генетическими кодами обезьян, создали породу подобных себе людей. Согласись, допущение это отлично объясняет многие загадки.

— Допущение или фантазия? — переспросил Ромеро. — Раз уж вы начали, доведите свой рассказ до конца, Андре. Я имею в виду оценку, которую дала МУМ вашей любопытной теории.

— МУМ мою гипотезу отвергла, — с неохотой сказал Андре. — Она объявила ее ненаучной.

— Она назвала ее чепухой, любезный Андре. Она выбрала именно это слово — чепуха — для точной квалификации вашего очередного научного творения.

И что до меня, то я считаю, что выданное ею словечко «чепуха» много содержательнее всех ваших ученых слов о галактах и людях, нуклеиновых кислотах и генетических кодах.

Он сказал это с такой желчью, что меня передернуло. Андре угрюмо молчал. Теперь я понимал, отчего он в плохом настроении.

После речи Веры устроили перерыв, чтоб гости поразмыслили, а в перерыв для желающих была исполнена симфония Андре. Он рассказал о своем творении, потом зазвучала механизированная музыка. Я слушал концерт с Фиолой в их секторе. Музыка привела ее в недоумение. Звуки грубы, а цветовые эффекты примитивны, сказала она. Неужели людей восхищает такое пустое искусство? Я заверил ее, что нормальные люди подобным искусством не восхищаются, а если попадаютсся шукари вроде Андре, то их высмеивают, — кажется, ее удовлетворило мое объяснение.

Я постарался также выяснить мнение других звездожителей.

— Значит, так, — сказал я потом Андре. — Альтаирцы полагают, что симфония мягковата, нужно бы подбавить рентгеновых лучей, альдебаранцам она легковесна, ангелам кажется холодной и разреженной, вегажителям — грубозвучной и однокрасочной... Что еще?

У людей узкий спектр условий существования, для них она по-прежнему убийственна. Кто выиграл?

— Иди к чертям! — сказал Андре без злобы. Подозреваю, что он предвидел провал и хлопотал о концерте единственно, чтоб выполнить условия пари. — У звездожителей эстетические способности еще ниже, чем у людей. Наслаждайтесь своими физиологическими мелодиями, если не понимаете шедевров.

— Ты не сказал, за кем пари?

— За тобой, — признал он нехотя. — Но, пожалуйста, не танцуй и не ори на всю Ору — ты переживаешь радости слишком бурно.

Я пообещал пережить эту радость тихо.

Последние дни пребывания на Оре заполняли совещания — то людей меж собой, то людей с группами звездожителей. На одном из совещаний у Спыхальского, без звездных гостей, было решено, что два самых крупных галактических корабля, «Пожиратель пространства» и «Кормчий», должны продолжать путешествие в глубь Галактики.

Вера объяснила, почему вторжение в звездную глубину не может быть отложено. У экспедиции на Ору было две задачи, из них выполнена лишь первая: заложены организационные основы будущего Межзвездного Союза.

— Однако, — сказала Вера, — где-то в звездной области обитает подобный нам высокоразвитый народ галактов, — нового о нем мы не узнали. У этого народа имеются могущественные враги, — и о них мы ничего не знаем. Вся работа по созданию братства звездожителей станет необеспеченной, если не дознаемся, не грозит ли что-либо проектируемому Межзвездному Союзу. И, наоборот, дело может подвинуться вперед, если заручимся помощью галактов. Куда направить корабли на поиск?

Откуда галакты прилетали в созвездие Гиады и на Альтаир? Вероятней всего, из Плеяд — ближайшего к Гиадам скопления звезд. Итак, прыжок на Плеяды, где люди еще не бывали, — вот очередное задание.

— Я лечу на «Пожирателе пространства», — закончила Вера. — Эвакуация гостей с Оры и отправка кораблей на Землю возлагается на уважаемого Мартына Юлиановича.

Спыхальский печально усмехнулся в седые усы.

— Я надеялся, что прихватите и меня, старика, в дальний рейс. Придется, видно, доживать век сторожем на планетке.

— Нет, представителем человечества на звездном форпосте. А мы продолжим дальше ваши поиски.

Я спросил Ромеро, когда совещание закончилось:

— Вы с нами, Павел, или на Землю?

Он сухо ответил:

— В древности главным достоинством мужчины считалось умение сражаться с врагами. «Пожиратель пространства» имеет специальное задание — разведать врагов. Я потерял бы к себе уважение, если бы уклонился от возможности показать свою мужскую храбрость!

Мне думается, он мог бы высказать ту же мысль и не столь витиевато.

В ближайшие дни улетели корабли на Арктур, на Альдебаран, на Капеллу, на Фомальгаут, настал черед Веги.

Ночь перед отлетом Фиолы я провел в ее саду под грустным светом искусственной луны. В эту ночь мы больше молчали, чем разговаривали. В молчании было что-то до того лирически-земное, что грусть моя превратилась в печаль. Это была первая ночь с Фиолой, когда она не выпрашивала ни о науке, ни о космосе, ни о социальных наших порядках, ни о звездных кораблях, — интимно-глуповатая ночь, подлинная ночь влюбленных.

Под утро она встала.

— Зажигается солнце, Эли. Мне надо уходить. Мы увидимся в звездном порту.

Вечером на базу звездолетов один за другим подъезжали автобусы и из них выплескивались сияющие столбы вегажителей. Сумрачный нарядный свет озарил базу, так их было много, гостей с Веги. Я пришел с Лусином и стоял в стороне. Многие узнавали меня, махали руками, приветственно вспыхивали глазами. Потом показалась Фиола. Я сделал к ней шаг, и она мигом очутилась около меня.

— Ты обещал приехать, — напомнила она.

— А если не смогу, приедешь ты.

— Желанная и недоступная! — повторил я, когда она уносилась в звездолет.

Мы с Лусином потом долго ходили по Оре.

— Ты биолог, Лусин, — сказал я. — Ты знаешь, что любовь — один из стимулов продолжения рода. Может ли она быть, если нет этого стимула — продолжить род?

Если два существа разнородны, потомство у них невозможно... Законна ли их любовь?

Лусин понимал мое состояние больше, чем я ожидал.

— Любовь — продолжение рода, да. Так начиналось. Будет новой. Любовь — единение душ. Высшая связь индивидов.

— Выходит, я случайно попал в пионеры появляющегося чувства — единства родственных душ Вселенной? Мне выпало на долю первому полюбить биологически чуждое существо?

— Да, Эли. Первые шаги. Сегодня — чуждо. Завтра — близко.

— Завтра будет твой ископаемый бог с головой сокола, — сказал я с досадой. — Дальше этого ваша биология не пойдет.

На другой день флотилия из трех звездолетов уходила с ангелами на Гиады. Посадка крылатых на корабли совершалась под крики, хлопанье крыльев и клекот. Знакомые ангелы кидались прощаться, увеличивая беспорядок плачем и причитаниями.

А потом в крылатой толпе появился Труб и разыгрался скандал.

Труб заметил нас и, расшвыривая сородичей мощными крыльями, ринулся наперерез общему потоку. Он ревел, обращаясь почему-то ко мне одному:

— Эли! Эли! Эли!

Обхватив меня крыльями, он страшно заклекотал:

— Не пойду! Хочу с людьми!

Андре пробовал усовестить разбушевавшегося ангела, но тот надрывался все громче:

— Поеду с людьми! Не хочу к себе!

У Лусина в глазах стояли слезы. Он с нежностью гладил глянцевитые перья Труба.

— Хороший, — шептал он. — Замечательный. Лучше всех.

Я разыскал Спыхальского и объяснил, что происходит.

— Хотите взять ангела с собой? — изумился Спыхальский. — А какого вам черта в ангеле?

— Посмотрите на него, — сказал я. — Это же красавец. Привезти такого на Землю, он же всех потрясет. И он привязался к нам не меньше, чем мы к нему.

Спыхальский вызвал Веру. Она появилась в видеостолбе. Он передал желание Труба и наше и от себя добавил, что ходатайствует о том же.

— Можете взять Труба, — сказала Вера, исчезая.

Я помчался к своим, издали крича, что. дело выгорело. У Труба дьявольская сила в крыльях, он так сжал ими, что у меня закружилась голова.

— Я твой раб, — сказал он. — Раб навеки, Эли!

— Ты мой адъютант, — сказал я. — Адъютант — это что-то не ниже друга, что-то близкое, почти братское.

На правах друга я попрошу об одном приятельском одолжении.

— Спрашивай и требуй. Я счастлив, могущественный...

— Прими ванну и смени одежду. На складе заготовлены тюки ангельских рубаш, возьми дюжину в запас.

Он немедленно взмыл вверх. Для такого тяжеловеса летал он великолепно.

Часть вторая

Поход звездного плуга

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Ф. Тютчев

1

Когда я оглядываюсь на пройденный путь, меня охватывает сложное чувство: печаль понесенных утрат и гордость. Мы были участниками самой трудной космической экспедиции из всех, донныне совершенных, и полностью выполнили свой человеческий долг. Дело не в том, конечно, что за два земных года мы преодолели десять тысяч световых лет, и если не вторглись в таинственный центр Галактики, скрытый темными туманностями, то проникли в звездную бездну так далеко, как еще никто до нас. Если бы лишь этим — триллионами оставленных за кормой километров — исчерпывалась заслуга, гордиться было бы нечем. Пустота останется пустотою, большая она или малая. Но мы узнали, как высоко достигнутое иными существами могущество, как огромны добро и несправедливость, схватившиеся меж собою в галактической схватке, и как неизбежно все это заставляет человека, лишь вступившего на звездный путь, втягиваться в не им начатые споры, ибо, кроме него, некому их решать окончательно. «Наш век трагичен», — часто говорил бедняга Андре — и доказал это собственной жизнью. За бортом нашего корабля промелькнули тысячи звездных систем — ни на одной мы не открыли сладенького рая спокойствия и благодати. Зато нам пришлось обрушить тяжкий кулак человеческой мощи на тех, кто строит свое маленькое счастье на большом несчастье других. В сплетение кипящих во Вселенной страстей и сил мы вторглись — величайшей из доселе существовавших — собственной нашей страстью и силой — страстью разума, силою справедливости. Быть злым ко злему — тоже доброта. Мы промчались меж звезд факелом освобождения, ударили в грудь жестоких угнетателей мечом возмездия. Да, конечно, полной победы мы не добились, я далек от такого высокомерного заблуждения, мы были разведчиками, а не армией человечества. Но мы знаем

теперь, за кого мы и кто против нас, мы знаем, что тысячи обитаемых миров, проведая о нашем выходе во Вселенную, с мольбой и надеждой простирают к нам руки. Вот она вьется тонкою нитью, пылевая стежка, след нашего полета. Я надеюсь, я уверен, что недалек тот час, когда проложенная нами в космосе тропка превратится в широкую дорогу, высочайшую трассу Вселенной — от человека к мирам, от миров к человеку!

2

Первым летел «Пожиратель пространства», за ним «Кормчий». Командиром первого звездолета была Ольга, помогали ей Леонид и Осима. Вторым звездолетом командовал Аллан. Вера избрала «Пожиратель пространства», с ней были мы: я имею в виду себя, Лусина, Андре, Ромеро.

Мы каждый день подолгу работали с Верой над ее отчетом Земле, и она разрешила вызывать себя без предупреждения. Как-то, высветив ее комнату, я увидел, что у нее бурное объяснение с Ромеро. Мне надо было тотчас погасить вызов. Растерянный, я забыл об этом. Вера прижималась к стене, ее схватил за плечи Ромеро. У него бело сверкали глаза, дыхание вырывалось со свистом.

— Нет! — не говорил, а шипел он. — Нет, Вера!

Этого не будет!

— Уйди! — требовала она, вырываясь. — Я не хочу тебя видеть. Отпусти руки, мне больно!

Ромеро отошел на середину комнаты. Он запнулся, отходя, и бешено глянул на пол, я хорошо помню его взгляд, полный ярости — он ненавидел даже вещи. Мне надо было отключаться, поступок мой походил на подглядывание. Но мне показалось, что Вера в опасности, и я не погасил их.

Вера поправила кружевной воротничок.

— Вот так лучше. И поставим на этом точку, Павел.

Он молчал, не поднимая лица. Он старался успокоиться.

— Что же стоишь? Повторяю: уходи!

Он взглянул не на нее, а на меня. Он не мог знать, что я незримо присутствую, но повернулся ко мне. Его сведенные брови как бы ударились одна о другую, скулы ходили. Если бы я был с ними, я бы загородил Веру. От человека с таким лицом нельзя ждать доброго.

— В древности существовал неплохой обычай, — заговорил он хрипло — Дамы, бросая поклонников, объясняли, что перестало им нравиться у отвергаемых. Надеюсь, ты не откажешь мне в вежливости твоих легкомысленных предшественниц?

— Ты хочешь сказать, что я легкомысленна?

— Я хочу знать, что случилось? Только одно — что?..

— Ты не знаешь? Странно для такого проницательного человека, каким ты считаешь себя, Павел.

— Вера, клянусь тебе! Крыша обрушится на голову — не так неожиданно!.. Всего я ожидал от поездки на Ору...

— Хорошо, слушай. Я не люблю тебя. Этого хватит?

— Это я знаю. Но почему? По-человечески объясни — почему?

— Я могла бы ответить твоим любимым присловием: неизвестно, почему возникает любовь, неизвестно, почему она пропадает. Вряд ли тебя удовлетворит объяснение в твоём стиле. Так вот, я не люблю тебя, ибо не уважаю. На этот раз достаточно?

Он помолчал, набираясь духу.

— Значит, все дело в звездных недочеловеках? В бегемотах с Альдебарана, пауках с Альтаира, змеях с Веги, сонного студня с Арктура, тупых ангелочков с Гиад?

Они тебе дороже, чем я? Я встал на защиту человека и в результате потерял единственное человеческое чувство, что нас связывало, — нашу любовь?

— Павел, еще раз прошу — уходи! Наш разговор беспредметен. Неужели ты не понимаешь, что каждым словом усиливаешь отвращение к себе?

Гордость боролась в нем со страстью. На миг мне стало жаль его. Еще больше мне было страшно за Веру. В неистовстве он мог поднять на нее руку. Я сжимал кулаки от бессилия. Мне надо было оградить ее грудью, а не подглядывать!

— Я бы ползал перед тобой на коленях, целовал твоё платье, — сказал он горько. — Я гордился бы долей быть твоим слугой, рабом твоим, если бы хоть немного это было нужно тебе.

— Рабов мне не нужно. А слуг у каждого хватает.

— Да, механических! Механических, будьте вы все!.. Восемнадцать миллиардов киловатт на человека, так ведь? Восемнадцать миллиардов киловатт, двести миллиардов египетских рабов! Какой фараон, какой президент мог похвастаться такой армией лакеев? И среди этой бездны киловаттов ни единого горячего, преданного, человеческого сердца! Автоматы вы или люди, вы, апостолы всеобщей помощи? Как я ненавижу, нет, как я ненавижу вас!

Вера подошла к нему вплотную. Теперь я боялся, что она первая ударит его.

— Наконец-то, Павел! Я долго ждала такого признания. Вот он, весь ты — ненависть, одна ненависть! И ты хочешь, чтоб тебя любили, хоть сам всех ненавидишь! Глупец, ты думаешь, ненависть порождает любовь?

Он опомнился. Он опустился на колени и, обхватив Веру, прижался лицом к её платью, — она молча боролась с ним. Он в исступлении целовал её ноги.

— Оставь! — закричала она гневно. — Зачем ты мучаешь себя и меня?

Он медленно поднялся. Он, стоя, пошатывался. Лицо его побледнело.

— Верочка, Верочка! — прошептал он, задыхаясь, и неуверенно, как слепец, протянул к ней руки. У него были мутные глаза, мне показалось, что он и вправду не видит. Она отодвинулась. — Верочка, жить без тебя!..

Пойми, жить без тебя!.. Да будь они трижды прокляты, эти пауки и змеи, из-за них потерять!.. Не хочу, не хочу, — Верочка, не хочу! Все, что потребуешь, ни единого слова против, восхвалять буду... Верочка!

Она руками заслонила от него, отвернула лицо от его отчаянного взгляда. Он подошел ближе, она оттолкнула его:

— Нет, Павел! Нет!

— Еще раз спрошу, тысячу раз буду спрашивать и кричать — почему, почему?

— Отойди и успокойся! Это недостойно — такими средствами действовать... У нас с тобой спор о принципах. Будь честен, Павел, ты не переделаешь себя!

— Переделать себя! — бормотал он глухо. — Переделывать себя!

— Даже сейчас!.. Вспомни, что ты сказал: жизнь без тебя, потерять тебя! Разве я вещь, которую можно потерять? Ты во всем видишь только себя, считаешься лишь со своими чувствами. Мы давно оставили позади мир Коперника, нам открылись тысячи солнц, более ярких, чем наше, а ты еще не выбрался из системы Птолемея:

вся Вселенная вращается вокруг тебя одного.

Он скверно выругался и пошел к двери. Вера устало села на диван и закрыла глаза. Она по-прежнему не догадывалась, что я наблюдаю за ней. Так, с закрытыми глазами, она сидела минуты две. Потом она стала плакать, сперва тихо, почти беззвучно. Рыдания, усиливаясь, трясли её тело, Вера повалилась лицом на диван, вскрикивала, захлебывалась слезами.

Я погасил вызов.

3

Лусин со своим новым любимцем Трубом пропадает в недрах корабля, и мы его почти не видим. Ангел учится говорить по-человечески — без дешифратора. На столе у Андре стоит карточка Жанны. Жанна так походит на Андре, что издали их путаешь. Много тут от

природы, но еще больше от старания — одинаковые, до плеч, локоны, тот же наклон головы, тот же покрой одежды. Не знаю, кто к кому принаравливается, — вероятно, оба стараются, но они больше смахивают на брата и сестру, чем на мужа с женой.

Однажды на столе у Андре появился и его будущий сынишка, три гороскопических фотографии — каким тот будет в год, в два года и в десять лет.

— Иконостас родственников, — сказал я. — Затосковал, милоч?

— Сегодня Олег родился, — торжественно ответил Андре. — В десять часов утра по местному земному времени. Толстенный парень, сероглазый и розовощекий, шестьдесят три сантиметра, пять с половиной килограммов улыбок и веселья — вот он каков!

Я полюбопытствовал, как известие с Земли преодолело разделявшие нас в это время четыреста светолет.

Андре поглядел на меня с возмущением:

— Не думал, что ты забудешь о машинном гороскопе малыша. Мне подарили в дорогу альбом состояний Жанны на все дни беременности.

Он вытащил из стола объемистую книгу. На каждой странице имелась дата, фотография Жанны, синтезированная по формулам этого дня, и запись, как Жанна будет чувствовать себя, а также какой у нее на эти сутки режим сна, еды и прогулок. Я перелистал книгу. Медицинские машинные прогнозы исполняются неточно, особенно у женщин. Кроме того, возможны случайности — упал, сломал ногу, поссорился с приятелем, все это влияет. Но я не стал расстраивать Андре сомнениями.

Андре любовался фотографиями и записями.

— Когда ты наконец обратишь внимание на земных женщин, заведи себе такой же альбом. Будешь далеко от возлюбленной — и рядом с ней! Все знать о ней, ощущать биение ее сердца, тепло ее руки!..

— Надеюсь, скоро это не будет А если случится, я приобрету альбом настроений жены на каждый день года — какого числа нежна, какого встает с левой ноги...

Думаю, к тому времени подобные прогнозы станут обычны. Лишь тогда семейная жизнь обретет прочный фундамент, как по-твоему?

— Ты мастерски портишь хорошее настроение, — сказал он с досадой. — Не понимаю, почему тебя любят друзья?

— По нетребовательности, Андре. Знают, что хорошего от меня не дожидаться, и мирятся на плохом.

Андре спрятал альбом.

— Пойдем в обсервационный зал. Неужели рождение сына мне не удастся отпраздновать хорошим открытием?

Корабли третий месяц шли курсом на Плеяды. Скорость звездолетов равнялась трем тысячам световых, мы основательно вспахивали пространство. Из мироздания был вырван клочок пустоты, достаточный для образования звезды. Если бы нарушенная нами геометрия этого участка мира не восстанавливалась за счет невозмущенной мировой пустоты, изменения от вторжения Звездных Плугов были бы еще значительней. «Зола космического пространства», — сказал как-то Андре, рассматривая образованную нами пыль. С того дня мы иначе не называли ее, как космической золой.

В зале Андре повернулся к оставленному позади Солнцу. Глазам оно уже не было доступно. Солнечный Мешок, еще недавно, на Оре, величественно-огромное созвездие, сжался и потускнел, даже гиганты Вега и Капелла были на пределе — наша звездная отчизна закатывалась в невидимость.

Андре настроил умножитель и подал изображение на экран, чтоб мы видели оба одну картину. Потерянные миры ожили. Сперва замерцал параллелограмм Солнечного Мешка, потом засверкало Солнце. Нам показалось даже, что мы различаем обращающиеся вокруг него планеты, — это был, разумеется, оптический обман.

— Здравствуй, далекая родина! — сказал я. — Здравствуй, человек Олег, появившийся на свет сегодня. Твой отец и твой друг шлют тебе привет из звездных глубин! Андре, как нам

отметить его рождение? В старину в подобных ситуациях напивались. Предлагаю потанцевать и покричать!

Не дожидаясь согласия, я толкнул кресло Андре. Он полетел головой вниз. Я понесся вслед. Звездная Вселенная завертелась, звезды то насакивали, то удирали. Андре в восторге надал ходу, я обогнал его. Мы варварски забавлялись в темноте, пронизанной звездным светом.

Устав, мы вывернули кресла лицом к далекому Солнцу.

— До свидания, сын! — сказал Андре. — Мы чудесно протанцевали в твою честь.

Он занялся Плеядами.

Два месяца, что мы мчались к Плеядам, они не менялись. И с Земли, и с Оры Плеяды казались небесной паутинкой, повисшей меж крупных звезд. А когда до скопления остались считанные парсеки, оно стало расширяться, наливалось светом. Великолепное созвездие, туго набитое ярчайшими светилами, разгоралось в небе.

Гайгета, Астеропа, Целена, Электра, Мереп, Майя, Алциона, Плейона, Атланта — каждое ярче наших Сириусов и Канопусов — играли разноцветными огнями, к ним теснились десятки других светил.

В умножителе скопление распалось на звезды.

— Вижу планетную систему, Эли! — сказал вскоре Андре.

Крайние звезды скопления пусты — одинокие, небольшой светимости. Но эта, Атланта, в сотню раз более яркая, чем Солнце, имела спутников — три темных шара. Мы полюбовались ими и передвинулись к центру. Планетные системы здесь были почти у каждой звезды. Вокруг Алционы и Майи, двух мощно излучающих светил, вращалось по шесть планет, и так близко от звезд, что орбиты их должны были пересекаться.

Я вызвал командирский зал. Ольга уже знала о планетных системах в Плеядах. На некоторых автоматы обнаружили атмосферу с кислородом, умеренные гравитационные поля.

— И, кажется, на Электре имеются существа с высокой цивилизацией, — добавила Ольга. — На второй из четырех ее планет замечено искусственное свечение.

Оно разгорается вскоре после захода Электры, потом ослабевает. Ночное освещение городов дает такой же эффект.

— Но города! — закричал Андре. — Как города?

— Городов отсюда не обнаружить.

Андре навел умножитель на Электру. Четыре планетки вокруг нее мы нашли скоро, но что-либо рассмотреть на планетах не удалось.

Я забросил Плеяды и, отключившись от экрана, перевел умножитель немного в сторону. Передо мной засияли два рассеянных звездных скопления — Хи и Аш Персея. С Земли и Плутона я часто рассматривал эти плотные кучки светил, удаленных от нас на четыре тысячи световых лет. Никогда они не вызывали во мне большого интереса. Но сейчас я не мог оторваться от них. В их рисунке было что-то непонятно знакомое. Я понимал, что это обман восприятия, но не мог отделаться от него. Ощущение было тем нелепым, что отсюда, с Плеяд, далекие скопления Персея видны под другим углом, чем с Земли или Оры. Не только я, но и никто из людей не наблюдал еще этих скоплений в такой проекции, они не могли быть знакомы. Так я мысленно говорил себе, пытаюсь подавить нараставшее волнение.

— Что с тобой? — спросил Андре. — Третий раз окликаю, не отзываешься. Посмотри на Электру. В самом деле, искусственный свет над одной из планеток.

— Отстань! — пробормотал я. — Надоела твоя Электра!

Я все напряженней всматривался в две сияющие кучки звезд. Они были почти равны, но одна казалась концентрированной — многие тысячи светил, натолканные в узкий объем... Она была похожа на сжатый кулак, ударивший в центр другого скопления, — звезды разлетались в стороны, как осколки...

Внезапно я вспомнил, где уже видел эту картину.

Я схватил Андре за плечи, потряс его. Голова его моталась, он безвольно щелкал челюстями.

— Они из Персея! — орал я. — Мы не туда летим — они из Персея!
— Отпусти! — молил он. — Ты вытрясешь из меня зубы. Кто они? При чем Персей?
— Зловреды! — сказал я торжественно. — Я знаю теперь, где гнездятся эти чертовы создания. Андре так разволновался, что потерял голос.

— Вспомни картины, показанные в Оранжевом зале, — говорил я. — Вспомни, как ты убеждал нас, что слышал вопль, исторгнутый звездным скоплением при ударе... Разве это не те звезды? Я спрашиваю тебя, разве это не в точности та картина?

Андре наконец оторвался от умножителя.

— Эли, друг мой, ты совершил открытие, — сказал он торжественно. — Я всегда был уверен, что ты предназначен природою для чего-то более серьезного, чем скучное зубоскальство. Я рад за тебя, Эли. А теперь бегом к Вере.

— Зачем? Успеется.

— Ничего не успеется. Нам надо срочно менять курс. Зачем нам Плеяды, если те, кого мы ищем, в Персее?

Теперь он тянул и толкал меня. Я уже хотел подняться, но в это мгновение вспыхнули аварийные сигналы, завизжали сирены. Небесную сферу затянуло дымкой, звезды закачались и погасли. Мы услышали спокойный голос Ольги:

— Справа впереди по курсу космическое тело с околосветовой скоростью. Это не метеорит. Объявляю общую тревогу. Мы выходим из сверхсветовой области.

Мы с Андре схватились за умножители, в последующие минуты на свободных креслах обсервационного зала непрерывно появлялись пассажиры. Рядом со мной уселась Вера. Я торопливо рассказал ей, что увидел в Персее.

— Это важно, Эли, — сказала она. — Мы поручим автоматам проверить твоё наблюдение. Но сейчас меня интересует, что за тело несется с такой скоростью? Что если это звездолет?

Через некоторое время анализаторы доложили:

— Впереди корабль на фотонной тяге с бездействующими двигателями. Двигается по инерции.

4

Чужой космический корабль предстал в умножителе светящейся точкой, потом удлинился до стручка. Это была металлическая ракета. Мы различали кормовые джозы, не экранированные броневыми плитами окна. «Пожиратель пространства» подал сигналы, незнакомый корабль не откликнулся.

Андре стал доказывать, что перед нами «Менделеев» Роберта Листа, затерявшийся в мировом пространстве четыреста лет назад. Мне показалось невероятным, чтоб корабль с мертвым экипажем мог сохраниться за четыре века блуждания.

— Я тоже что-то не верю в мертвых летучих голландцев космоса, — сказала Вера.

Когда до корабля оставалось с миллион километров, на нем заработала радиостанция небольшой мощности. Андре запустил дешифратор на все радиодиапазоны.

Незнакомые звездоплаватели, применяя старинную азбуку Морзе, пытались заговорить с нами на русском и английском языках. Отчетливо различались фразы: «Земля... Лишен управления. Камагин, Громан... Земля... Звездолет «Менделеев»...»

— На этот раз ты угадал, — сказал я Андре. — Первый успех после многих провалов.

В пространство понеслись радиоволны нашего корабля. «Слышу вас хорошо, — диктовала Ольга. — Я звездолет с Земли, типа Звездный Плуг. Отсутствие у вас управления значения не имеет. Заторможу и поведу на посадку своими полями. Дверей без команды не открывать».

А затем «Пожиратель пространства» повис над фотонным звездолетом, осветив его прожекторами. Рядом со Звездным Плугом ракета казалась крохотной. Выброшенное поле плавно втягивало «Менделеева» в недра нашего корабля, потом вывело на причальную

площадь, где стояли оперативные звездолеты, планетолеты и авиетки.

На площади встретить негданных гостей собрался весь экипаж.

Дверь ракеты распахнулась, из нее высунулась лесенка. На лесенку выбрались два низеньких молодых человека. Они сорвали с себя шлемы и замахали ими, мы закричали и зааплодировали.

Потом, словно по соглашению, наступила на миг тишина, и мы услышали первые слова космонавтов с ракеты.

— Боже, какие они высокие! — сказал один по-русски. — Это же не люди, а великаны!

А второй восторженно воскликнул:

— Эдуард, у них нормальная тяжесть! Здесь наши магнитные башмаки ни к чему!

К ним подошел Ромеро. Он единственный среди нас владеет древними языками. Ромеро пожал каждому руку и поздравил с благополучным причаливанием.

— Надеюсь, вы здоровы? На борту имеются средства от любой хвори.

— Мы здоровы, — ответил первый. — Нас двое: я — Эдуард Камагин, помощник командира, и Василий Громан — штурман. Товарищи наши... они недавно погибли в катастрофе. — Он добавил с волнением: — Почему вы не появились на месяц, всего на месяц раньше?

Ромеро продолжал с тем же радушием:

— Давно стартовали с Земли, дорогие друзья?

На это ответил Громан:

— Не так давно: три года назад.

По площади пронесся гул, мы переглядывались. Ракеты вроде той, что мы приняли, в наше время можно увидеть лишь в музеях.

— Вы забываете, земляки, об эйнштейновом замедлении времени, — весело сказал Камагин. — Чем больше торопилась наша ракета, тем тише плелось бортовое время. Когда мы покидали Землю, шел сорок первый год новой эры. — Он посмотрел на Ромеро. — Не откажите в любезности сообщить, какое сегодня столетие на дворе?

Ромеро ответил:

— Сегодня десятое апреля пятьсот шестьдесят третьего года новой эры!

5

Их все изумляло, этих славных парней, четыреста двадцать лет назад стартовавших в космос и вскоре затерявшихся в его просторах. Они восхищались всем, что видели и о чем слышали. О корабле они сказали: «Летающий остров, вот что это такое!». Их поражало, что внутри звездолета имеются не только машины, но и городок с парком и бассейнами. И они чуть ли не со страхом глядели на нас: наш рост поражал их, пожалуй, больше, чем размеры корабля. А когда они узнали, что мы движемся в сверхсветовой области и превращаем пространство в вещество, в материальные тела, как говорили в их времена, и столь же легко создаем гигантские пустоты из уничтожаемых материальных тел, то решили, что мы шутим. Физика двадцатого века старой эры с ее непониманием вещественности пространства, с преклонением перед необъяснимо предельной для всех тел скоростью света, засела у них в мозгах как гвоздь, мы не могли ее оттуда выдернуть. Громан пробовал даже спорить. Круглолицый, черноволосый, быстрый в словах и движениях, он сильно отличается от медлительного, длинноголового, белокурого Камагина, а оба они еще больше отличаются от любого из нас.

— Мы знали, что вы, наши потомки, далеко уйдете вперед, — сказал Громан, когда ему разъяснили, что такое эффект Танева. — Но такой скачок!..

После того как молодые «предки» отдохнули, они рассказали подробности своего затянувшегося путешествия.

Звездолет «Менделеев», сконструированный для галактических экспедиций, самое совершенное человеческое творение того времени, отчалил от Земли в пятницу 13 августа 41

года новой эры, имея на борту четырнадцать инженеров и двух капитанов — Роберта Листа и Эдуарда Камагина, — всего шестнадцать человек. Съестных припасов и ракетного горючего, включая антивещество, было взято с расчетом пятидесяти лет путешествия. В первые месяцы рейса миновали Солнечную систему, углубились в межзвездные просторы — шли курсом на Сириус. Цель экспедиции состояла в исследовании этой двойной звезды, в частности меньшей, белого карлика с плотностью, в сорок тысяч раз превышающей плотность воды. Рейс должен был занять двадцать пять земных лет. Вскоре после выхода за Солнечную систему, звездолет разогнали до световых величин. Лишь три тысячи километров в секунду отделяли их от светового барьера. Начали действовать околосветовые эффекты — увеличение массы звездолета, замедление бортового времени. А затем произошла катастрофа — удар шального метеорита и взрыв. Та часть звездолета, где хранились запасы антивещества, была уничтожена.

К счастью, корабль разделен на отсеки, и люди не пострадали. Места разрушения были блокированы. Корабль, получивший от взрыва дополнительное ускорение, продолжал мчаться, но уже не в сторону Сириуса, а в созвездие Тельца, к рассеянному скоплению Плеяд. И выправить курс было невозможно, у них не осталось фотонного горючего, не действовали тяговые механизмы.

После первого отчаяния Роберт Лист потребовал от космонавтов, чтоб они взяли себя в руки. Плохо, говорил он, но мы еще не погибли, а это уже хорошо. Времени достаточно — вся их жизнь, имеются механизмы, материалы, лаборатории, будем заделывать повреждения, попытаемся произвести некоторое количество горючего, пусть не фотонного, а простенького, на каком летали первые космонавты. Скорость у нас гигантская, убеждал он, нужно лишь изменить ее направление, может, и удастся вывернуть звездолет назад. Мы еще вернемся на Землю, твердил он, давайте закатывать рукава!

И вот они приступили к труду, продолжавшемуся, по их бортовому времени, около трех лет, а по земному — свыше четырех столетий. Повреждения были заделаны, и тяговые механизмы, ослабленные, но работоспособные, ожидали лишь топлива. Космонавты уже считали дни до пуска двигателей в ход, когда разразилась вторая катастрофа. Камагин и Громан в тот день дежурили в штурманской рубке — лишь они уцелели... Эдуард Камагин, вспоминая появление светящегося шара, весь побелел, и нам передалось его волнение. Шар возник внезапно, именно возник, а не приблизился, он словно выпрыгнул из небытия, «по щучьему велению», — это было первое загадочное, что принес он с собою. В пространстве, откуда они уходили и где давно закатилось в невидимость Солнце, нужно было каждый день фотографировать созвездия, чтоб найти к ним курс, когда удастся вывернуть звездолет. Камагин фиксировал внимание на Альдебаране, и вдруг Альдебаран замутился и заплясал, и в поле зрения выпрыгнул пронзительно излучающий зеленоватый шар. Камагин закричал. Весь экипаж кинулся к иллюминаторам.

«Менделеев» неся вплотную у светового барьера, и тем не менее шар настигал звездолет. Он был огромен — светящаяся планетка.

«Эдуард, дай наши позывные! — приказал Лист. — Интересно, корабль это или космическое тело?»

Это были последние слова Листа. Камагин запустил передатчик и фотографирующий автомат обзора. Он не успел отнять пальцев от пульта, как страшная тяжесть вдавила его в приборный щит. Теряя сознание от перегрузки, он слышал вопли товарищей.

Когда Камагин очнулся, шара не было. Проявленные впоследствии снимки также показали его внезапное исчезновение — не удаление, а скачок в небытие. Шар пропал, как будто и не появлялся!

Около Камагина лежал стонущий Громан. Камагин влил ему в рот воды и подтащил к креслу. Немного оправившись, они спустились в лабораторию. На полу лежали окровавленные, изуродованные товарищи: кто погиб от перегрузки, кого придавило рухнувшими предметами. Оживить никого не удалось.

— Мы уложили их в холодильник, — закончил Камагин свое печальное повествование.

— Пленки со снимками шара хранятся в сейфе.

На другой день останки космонавтов перенесли на наше кладбище в парке — склеп с прозрачными саркофагами, где в нейтральной атмосфере трупы, нетленные, сохраняются вечно. Гремела траурная музыка двадцатого века, над погибшими склонялось знамя Освобожденного Человечества, найденное на звездолете «Менделеев».

После похорон мы рассматривали на стереоэкране фотографии катастрофы. Шар и вправду возникал и исчезал внезапно. Анализаторы установили, что форма его идеально сферична, диаметр — восемнадцать и шесть десятых километра, материал — неизвестная пластмасса, свечение монохроматично в волне 560 миллимикрон, поверхность без выемок и наростов.

Андре порывался высказаться первый. Мы так ожидали чего-то необыкновенного, что не удивились, когда он отверг предположение о космическом теле, случайно появившемся около звездолета. Естественные тела с неестественным свойством — чудо, а чудес не бывает. Шар — механизм, боевой крейсер, и в недрах его сидели таинственные разрушители, или зловреды. Все указывает на них, все подводит к ним. Гравитационные волны, потрясшие звездолет, свидетельствуют, что разрушители овладели механикой гравитационных полей, что, впрочем, было известно и раньше. Их неожиданное появление «из ничего» и внезапный провал «в ничто» вполне объяснимы, если допустить, что они, как и мы, движутся со сверхсветовыми скоростями. За световым барьером тела невидимы, ибо обгоняют свет, а начиная тормозить, внезапно возникают, словно из небытия. Разумеется, то, что нам представляется ныне элементарным, должно было казаться сверхъестественным для космонавтов первого столетия...

Андре так говорил о боевых кораблях, словно видел разрушителей за рулями и у гравитационных орудий. Меня он убедил, Ольгу тоже.

— Факт, что шар передвигался с регулируемой скоростью и нанес гравитационный удар, — сказала она. — Вывод Андре логичен: регулировали скорости и стреляли разумные существа. Зловреды они или другие, мы не знаем. Важно, что они существуют и что они не обладают даже плохонькой добротой сварливых ангелов с Гиад. Это технически развитой, свирепый народ.

Вера поставила перед нами вопрос:

— Гравитационный удар обрушился тотчас же, как звездолет послал данные о себе. Допустим, что в шаре зловреды. Они не могли не расшифровать радиосообщения. Они ответили на него смертоносным залпом. Почему?

— Война! — откликнулся Андре. — Установив, что перед ними люди, они тут же объявили человечеству войну и пытались уничтожить его первых посланцев.

Мы вступили в область космических побоищ и, сами того не желая, стали воюющей стороной.

Это было то, что Ромеро предрекал нам на Земле. Тогда с ним не согласился никто. Сейчас никто не осмелился бы возражать ему. Я поглядел на Ромеро. Ромеро был молчалив и мрачен.

— Мы по-прежнему ничего не знаем ни о природе, ни об общественном устройстве этих существ, — продолжала Вера. — Но что они существуют и что они агрессивны — это, к сожалению, почти достоверно.

Надо быть начеку. Еще одно нужно решить. Анализаторы подтвердили, что звездное скопление в сновидениях ангелов совпадает с тем, какое мы видим отсюда в Персее. До скоплений Персея свыше четырех тысяч светолет. По-моему, менять курса не надо. Раз в окрестностях Плеяд обнаружены разрушители, будем продолжать исследование Плеяд.

С ней согласились все.

После совещания я взял Андре под руку.

— Второй раз ты сегодня оказался прав. Я подсмеивался над твоей теорией, что зловреды — невидимки, но, кажется, они сами подтверждают ее.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Почему ты так хмур, Эли?

— Будешь хмур! Идем словно слепые. Кругом на триллионы километров прозрачность, а в мнимой прозрачности, может, рядом — невидимые враги! И ничем их не обнаружить, пока сами они не обнаружатся!

Мои опасения, кажется, дошли до него. Он надолго задумался, потом сказал:

— Между прочим, ты напрасно меня похвалил. Я имел в виду личную невидимость зловредов, а не исчезновение их крейсеров в сверхсветовой области. В этом смысле мы тоже невидимы, но, согласись, смешно называть нас невидимками. Нет, они как живые существа реально невидимы — вот была моя мысль.

— Ты продолжаешь настаивать на ее правоте?

— Не знаю. Хотел бы ошибиться. Страшно, Эли, если я прав!

Он сказал это с таким волнением, что мне стало не по себе. Увлекающегося, суматошного, вспыльчивого Андре я видел каждодневно. Но Андре, чего-то страшась, я не знал. После того что произошло в Плеядах, я не могу отделаться от мысли, что Андре уже тогда томили смутные предчувствия катастрофы.

6

Позади остался рассеянный звездный шлейф Стожар, мы приближаемся к центру скопления. Вокруг нас множество ярких звезд. Однако космической пустоты хватает — одна звезда от другой отстоит если не в десятках светолет, как у нас, то и не ближе светогода. Наш курс — по-прежнему на Электру.

На звездолете образована исследовательская группа. Космонавты Камагин и Громан включены в нее. Руководит Андре, я — первый помощник.

Я спросил Лусина:

— Как Труб? Не рвется наружу?

Лицо Лусина осветилось, ответ был ясен без слов.

— Готовь ангела в полет. Будет разведчиком.

На подходе к Электре звездолет перешел на субсветовые скорости. Теперь на нас снова распространились законы релятивистской механики. Замедления бортового времени мы избежали, отделив себя от светового барьера достаточным уменьшением скорости, но невидимыми остаться не могли. Мы вынырнули наружу из иного мира, как перед космонавтами вынырнул крейсер зловредов, — вооруженный хорошими инструментами наблюдатель мог нас теперь засечь. Из осторожности Ольга не приближалась ни к одному светилу, поджидая «Кормчего». Тот шел в сверхсветовой области, пока невидимый, но сами мы были ему уже видны. Мы пробирались к Электре, обходя звезды стороною, лавировали по сложной кривой. Одни автоматы выискивали в пространстве чужеродные тела, другие нацеливались на Электру. Было ясно, что вторая планета населена разумными существами. Андре хвастался, что различает города и каналы, я видел лишь ночное свечение, разгоравшееся с наступлением сумерек. Мы назвали планету Сигмой.

Вскоре стали поступать сигналы от «Кормчего». Ему передали о встрече с «Менделеевым» и о таинственном шаре.

Встреча звездолетов произошла недалеко от Электры. «Кормчий» лег с нами на параллельный курс. Из него вынесся планетолет. Аллан, сдав корабль помощникам, отправился к нам. С ним был его вечный походный чемоданчик.

— Где предки? — гремел он. — Дайте-ка расцеловать их!

Он так стиснул Камагина и Громана, одновременно обоих, что они заохали. Ни тот, ни другой не доставали Аллану до плеча.

— Вот вы какие! — грохотал Аллан. — Точь-в-точь как на фотографии, ну ни капельки не переменялись за четыре столетия. Можете сами полюбоваться — здорово, правда?

Он вытащил из чемоданчика книги, журналы и монографии первого столетия. Со страниц на гостей глядели они сами и их погибшие товарищи: репортажи с космодрома,

сообщения об утрате связи с звездолетом и изменении его курса. В последних журналах грустная правительственная сводка поисков извещала о неудаче попыток наладить связь с пропавшим звездолетом. Там же похоронными колонками выстраивались статьи друзей и ученых: да, погиб великолепный корабль, и все они погибли, наши дорогие товарищи, отважные разведчики галактических бездн. Было что-то трогательное и странное, что родные и друзья космонавтов, горевавшие о их гибели, сами давно, четыре века назад, простились с жизнью, даже памяти о них не сохранилось, кроме как на пожелтевших бумажных страницах. А те, кончину кого они оплакивали, стояли рядом с нами — молодые, здоровые, красивые, далекие предки наши, живущие с нами предки, с которыми еще предстояло работать, спорить, сражаться, плечом к плечу, против общих врагов.

Камагин со слезами обнял улыбающегося Аллана. Громан тоже заплакал, разглядывая фотографии давно умерших товарищей и родных.

— Это подарок — да! — сказал потом Камагин. — Самый дорогой, самый неожиданный — взгляд в неизвестное нам будущее, которое давно стало прошлым.

— Именно ваше будущее! — захохотал Аллан. — Самый свежий журналец — через двадцать лет после старта «Менделеева», а ведь по вашему календарю с того часа прошло всего три года, так что события еще предстоят: Покажите теперь, братья-звздопроходцы, на какой космической галоше вас унесло с Земли на Плеяды.

Он отправился с космонавтами осматривать их звездолет, а я стал готовиться к высадке на Сигму. Дело это возложили на меня.

7

Мы высадились на планету 8 мая 563 года. День этот отмечен в календаре моего сердца черной краской. В школе я знакомился с подлостями прошлых веков человечества. По космическому масштабу, они были мелки: войны между крохотными государствами, людские свары, эксплуатация одними людьми труда и способностей других. Здесь я увидел подлость такую космически огромную, что путались мысли. И здесь — верю, верю, что временно, — я потерял самого близкого мне человека.

На Сигме имелись города. Именно имелись, их уже не было, когда мы высадились. Я забегаю вперед. Мне надо начать с того, как мы исследовали издали четыре спутника Электры. Первая, ближняя планета нас не заинтересовала. Это был огненно-дымный шар — океаны лавы и тучи сернистого газа над океанами. Никакие формы жизни не могли существовать в этом адском пекле. Две крайние планеты тоже не привлекали. Расположенные от Электры дальше, чем Плутон от Солнца, они были покрыты толщами ископаемого льда. Но вторая, Сигма, вспыхивавшая вечерами розоватым сиянием, была похожа на Землю: океаны, горы, леса и реки. Одно поразило нас: приближаясь, мы сигнализировали радиоволнами и светом, но ответа не получили. Побеиваются неожиданных пришельцев, думали мы.

Оба звездолета повисли над планетой, а к ней направился планетолет: Андре, я и Лусин с Трубом. Из осторожности много людей решили в разведку не посылать.

Сперва мы облетели Сигму. Это была хорошо устроенная планета. Главное ее отличие от Земли составляли горные цепи, тянущиеся среди океанов, суша образовывала гладкую равнину, лесистую и луговую.

Во время облета мы обнаружили четыре города и десяток поселений, но ни жителей, ни машин не увидели. Внизу лежали четко распланированные ящики глухих зданий, они складывались в улицы, улицы вливались в площади — и улицы, и площади были пусты.

Андре выбрал лужайку в леске недалеко от города и вылез первый. Когда я стал выбираться, меня обогнал Труб. Ангел с шумом вырвался наружу. Как ни просторно на звездолете, но здесь ему было вольготней. Он стонал от восторга и кувыркался в воздухе незнакомой планеты, как мальчишка на авиетке.

— Отправимся на поиски жителей, — сказал Андре.

Труб понесся вперед, стараясь обогнать авиетки, но вскоре отстал. Лусин посадил к себе пристыженного ангела. Мы не торопясь продвигались к городу.

А еще через некоторое время, покинув закрытые авиетки, мы зашагали пешком по улицам. После пещерных жилищ альдебаранцев и защитных роц вегажителей город нас не поразил. Здесь все же были здания — ящики без окон и дверей, с какими-то отверстиями у крыш, приземистые, угрюмые, непомерно длинные — иные простирались на километр и больше. Если бы не исполинские размеры помещений, я сказал бы, что они напоминают дома альтаирцев.

— Ручаюсь, что жители здесь крылаты, — сказал Андре. — Что-нибудь вроде нашего Труба.

Но они были скорей похожи на кузнечиков, чем на ангелов. Мы вскоре увидели группу таких кузнечиков, ростом с наших десятилетних детей, зеленых, чешуйчатых, прозрачнокрылых, с четырьмя гибкими конечностями, с прямо поставленной, узкой, почти человеческой головой, — мертвых... Они лежали у стены, окровавленные, расплюснутые, ни у одного не билось сердце, ни один не дышал. Мы молча стояли перед ними, лишь Труб со свистом рассекал воздух крылами.

— Нет мира под звездами, — хмуро сказал Андре. Он поманил Труба. — А ну, приятель, просунь голову в дырку и доложи, что видишь.

Труб пролез в одно из верхних отверстий и пропадал минуты две. Потом он камнем рухнул вниз.

— Смерть! — хрипел он в волнении. — Все убиты!

Я подозвал Труба. Он с готовностью подставил спину. Этот крылатый парень силен как бык. и легко доставил меня к отверстию. Я просунул внутрь ноги и сел, ухватившись руками за края отверстия.

— Внутрь и побыстрее, Труб! — сказал я.

Он мигом проник в другое отверстие и подлетел ко мне изнутри. Я шире его в плечах и не мог так легко пролезть. Труб дернул меня за ноги и подхватил на лету. Я обнял его за шею и засветил карманным прожектором. Зрелище было ужасное. В гигантском каменном сарае были навалены штабелями мертвые кузнечики с человеческими головами. Труб, тяжело махая крыльями, пролетел в конец сарая и возвратился обратно, везде лежали мертвецы, одни мертвецы — никто не приподнял головы, никто не шевельнул крыльями.

— Мор или побоище? — спросил Андре, когда мы с Трубом вернулись.

— Вероятней, что побоище. Жители города прятались под защитой стен, смерть настигла их в укритии.

И произошло это недавно, может, несколько дней или часов назад.

— Трупы так же раздавлены, как эти? — Андре показал на мертвецов у стены.

— Расплюсены. Очевидно, удар из гравитационных орудий.

Впереди тянулась стена здания, перегородившего улицу, мы свернули налево. Лусин вдруг побежал, крича:

— Человек! Мы. Такой же.

Мы поспешили за ним, нас опередил с клекотом Труб.

На крохотной площади, образованной торцами трех зданий-сараяв, стояла скульптурная группа из трех фигур. Высокий человек обнимал двух человекоголовых кузнечиков. Все трое смеялись, поднимая лица вверх, они чему-то одинаково радовались. Желтый, нарядный камень, непохожий на холодный мрамор наших статуй, дополнял впечатление радости.

— Галакт, — сказал Андре, показывая на изогнувшиеся в разные стороны пальцы центральной фигуры.

— Встреча друзей, — сказал Лусин. — Сошел с неба.

Ждет других.

Я не мог оторваться от галакта. Скульпторы Земли не умеют с такой живостью передать лица, в изображениях всегда остается что-то безжизненное, показывающее, что

перед тобой камень, а не тело. Здесь было живое лицо, до того живое, что хотелось улыбнуться в ответ на его улыбку. И снова меня поразили огромные глаза галакта. Почти четырехугольные, они захватывают такую большую часть лица, что вначале видишь лишь их. И у них было свое выражение — сквозь веселье проступала тревога, художник мастерски передал ее в камне: кузнечики с умными человеческими лицами только радовались, обнимая галакта, он и радовался и тревожился, был счастлив и насторожен, он, казалось, не одних веселых известий ожидал, вглядываясь в небо.

Я мысленно вызвал Веру. Во вспыхнувшем видеостолбе я увидел командирский зал, в креслах сидели Вера, Ольга и Леонид.

— Не беспокойся, — сказала Вера. — Мы следим за вами.

— Значит, вы видели ужасы этого города мертвецов? И понимаете, что это значит?

— Да, Эли. Вы защищены мощными полями, пользуйтесь ими.

Вокруг нас летал Труб, то взмывая, то падая вниз. Внезапно он унесся в сторону, и вскоре раздался его призывный клекот. Он кричал так страшно, что мы со всех ног кинулись к нему. Я вспомнил, что он не обучен пользоваться защитными полями, и огородил его своим. Труба отбросило от глыбы, на которую он с яростью кидался. Я поспешно снял поле. Труб так и не понял, что с ним произошло. Он потом рассказывал, что невероятная сила схватила его за волосы и метнула прочь.

— Враг! — надрывался Труб, снова бросаясь на глыбу. — Подлый!

Но это было не живое существо, как показалось Трубу, а снова камень. На отполированном пьедестале возвышалось нечто странное, ни на что не похожее: не то ком земли, не то раздувшаяся черепаха, не то рыцарский шлем из земных музеев. А из середины каменной опухоли вздымалась гибкая — змеиным телом — трубка, и на конце ее был нарост, вроде большого огурца или ананаса. Он сверкал, этот нарост, от него отбрасывались лучи, но не как от лампочки — сплошным сиянием, а словно от тысячи колюче-ярких остриев, как если бы он был инкрустирован драгоценными камнями и каждая грань блистала особо, — он пронзал, а не освещал лучами. В облике удивительного сооружения ощущалось что-то зловещее, и я понимал Труба, набросившегося на него с таким неистовством.

В молчании мы стояли у монумента. Мы знали, что на звездолетах его тоже наблюдают — нашими глазами — и так же, как мы, стараются понять, что это за штука.

— Не зловед ли это? — сказал Андре без обычной уверенности.

— Зловед, — подтвердил Лусин. Его убедил не Андре, а бешенство Труба.

— Скорей, боевая машина зловеда, — высказался я. — А огурец на шее — глаза или перископ. Во всем этом имеется одна большая загадка, Андре.

— Одна? Я насчитал бы не меньше тысячи, Эли.

— Одна, — повторил я. — И вот какая: если жители Сигмы так радуются галактам, что явствует из первой скульптуры, то зачем они возводят памятники врагам своих друзей? К чему оказывать недоброжелателям почести?

— Надо еще доказать, что памятники ставятся для почета. Может, это предупреждение — не забывайте, что нависло над нами.

— Третья! — крикнул Лусин, бросаясь в проход между зданиями. — Зловед первоклассный! И галакт — тоже!..

Третья скульптурная группа, в самом деле, была великолепна. Слово «великолепна» относится к мастерству, а не к содержанию. На краю постамента громоздилась такая же каменная туша со сверкающим наростом, а в центре и с другого края располагались два галакта и восемь жителей Сигмы. Притихшие, мы замерли перед скульптурой. Вторично, после уничтоженной картины альтаирцев, мы видели ужасную сцену неволи. На шее галактов висели цепи, такие же цепи были у жителей Сигмы. Это была процессия невольников, и первыми невольниками шли галакты, а сверкавший перископом или глазом зловед был, очевидно, надсмотрщиком.

— И все-таки кое-чему я во всем этом безобразии радуюсь, — сказал я через некоторое время. — И знаешь чему, Андре? Теперь мы можем спокойно закрыть одно твоё открытие. Я

имею в виду твою грозную теорию невидимок.

— Не могу передать, как сам я рад! — воскликнул Андре с облегчением. — Вид у этой бронированной опухоли отвратителен, но все же это тело, а не привидение.

— И я думаю... — начал я, но не закончил.

— На помощь! — отчаянно крикнул Андре.

Ошеломляюще острый свет ударил нас по глазам и непоборимая тяжесть швырнула на стену здания. Мне показалось, что я попал под пресс и раздавлен.

8

Это продолжалось, очевидно, сотые доли секунды — стремительный, тотчас же отраженный удар. Теперь я понимаю, что если бы друзья на звездолетах не следили за нами, мы были бы уничтожены первым же гравитационным выстрелом зловреда. Наши индивидуальные поля, как потом выяснилось, слишком слабы, чтоб противостоять мощи создаваемых ими в коротких ударах перегрузок тяжести. И когда разрушитель послал свой убийственный импульс, защитные наши поля были смяты в гармошку, лишь ослабив навалившийся на нас тысячетонный груз. Зато на помощь пришли автоматы звездолетов, их встречный импульс нейтрализовал удар.

Несмотря на потрясение, я удержался на ногах. В секунды больших напряжений мысль и чувства убыстряются в сотни раз. Во мне одновременно принималась и перерабатывалась информация с разных сторон, я слушал, видел, воспринимал десятки важных образов, давал на них ответы, отвергал, принимал — всё сразу. Во мне кричал яростный голос Леонида: «Кинжальное поле, Эли, кинжальное поле!», я видел перекошенное лицо самого Леонида, он, отдаленный от нас тысячами километров, сражался вместе с нами. И тут же я увидел посиневших, задыхавшихся Андре и Лусина, главная волна перегрузок обрушилась на них, и, вдавленные -в стену, почти расплюснутые, они боролись с самими собой, чтоб не потерять сознания и не стать добычей напавшего на нас разбойника. И еще я увидел зловреда — огромную землистую опухоль с длинной шеей и сверкающим на шее страшным глазом. Он выполз из-за стены и быстро приближался, готовя новый, в десятки раз усиленный удар, который, возможно, уже не смогли бы отразить далекие автоматы звездолетов. Все это запечатлелось в моей памяти единой картиной, оно, вероятно, и было единой картиной, ибо совершилось в десятые доли секунды — появление зловреда, стремительная атака Труба, мой бешеный выпад.

Я не знаю сейчас, что тогда поразило меня больше: вид погибающих Андре и Лусина, свирепый облик наступающего зловреда или глыбой упавший с высоты Труб. Отважный ангел с ревом низринулся на врага, выбросив свои грозные когти. Он нацелился на его глаз, и нападение, видимо, было так неожиданно для зловреда, что Трубу удалось полоснуть когтями по глазу. Зловред мотнул шеей, выбросил свое поле вверх, Труб, не вскрикнув, отлетел в сторону, крылья его были сломаны, смятые перья облаком рассеивались в воздухе. И в это мгновение я поразил зловреда насмерть.

Я хорошо помню свое собственное состояние в тот миг битвы. Я зарычал от непереносимого бешенства. Все мои помыслы были сконцентрированы в точечном фокусе одной мысли: «Пронзить! Пронзить!». И, до нестерпимости сжав свое охранное поле в узкий, как луч, пучок, я ударил им зловреда, как шпагой.

Он не упал, обливаясь кровью, но лопнул, как мыльный пузырь, по которому хлопнули палкой. Взрыв, взвившийся столб огня и дыма, падающие куски и капли — вот и все. Существо, напавшее на нас, было превращено в осколки — не повержено, но разбрызгано. Я тогда не знал, что это — единственная форма смерти зловреда.

Я кинулся к Андре и Лусину. Андре, бледный, пошатывался, глаза его были закрыты. Лусин пришел в себя быстрее.

— Труб, кажется, погиб! — крикнул я. — Посмотри Труба, Лусин.

Лусин, держась за стены, направился нетвердым шагом к Трубу. Поверженный ангел

лежал у стены, Лусин пытался поднять его и не смог. Он со слезами позвал меня. Я в это время возился с Андре. Тот открыл глаза, но еще не мог говорить. Я выкликнул авиетки, но они не появились, Я выругался и вызвал планетолет. Он тоже не отозвался.

Вспыхнул видеостолб. Никогда не забуду страха на лице Веры. Она глядела на меня, словно я уже был мертв.

— Эли! — простонала она. — Вас окружают, Эли!

Ее сменил Леонид. Его резкое лицо пылало гневом.

— Авиетки уничтожены зловредами! — крикнул он. — Планетолет поврежден. К вам ползет не меньше полусотни этих тварей. Мы усилили ваши поля до предела, идем на помощь. Держитесь, братья!

— Сколько у нас времени? — спросил я. — Минуты?

Секунды?

— Минуты три! Прячьтесь за экранирующие укрытия!

Оставив Андре у стены, я помчался к Лусину. Вместе мы перетащили Труба к Андре. Бедный ангел был так помят, что не мог пошевелить пальцами. Голова его бессильно заваливалась. Но в нем еще бушевал задор битвы, он хрипло заклекотал, когда его пронесли мимо места, где стоял зловред, остатки перьев на сломанных крыльях злобно взъерошились. Положительно я испытывал нежность к этому молодцу!

Я оглянулся. Ничего экранирующего от гравитационных полей вблизи не было. Я потряс Андре:

— Приходи в себя, слышишь! Нас окружают зловреды. Надо максимально концентрировать поля.

Андре вздрогнул и сел. В его глазах появилась мысль. Я оставил его и обратился к Трубу. Я был теперь спокоен за Андре. Сознание опасности и необходимость присоединить свои усилия к общим усилиям — лучшее лекарство для таких, как он.

С ангелом было хуже. Он хорошо сражался крыльями и когтями, умело наваливался массой тела, но плохо оперировал полем. Поле приводится в действие мыслью и ощущением, Труб никак не мог постигнуть, что одно желание обороняться есть уже оборона. Для него существует лишь мир видимый и осязаемый. Того, чего нельзя потрогать, того попросту нет — вот его отношение к действительности: храбрый, но наивный парень.

— Появятся зловреды, сам не шевелись, а кричи на них: назад! назад! Про себя кричи, понимаешь? — убеждал я его. — А если не можешь про себя, ори вслух, это тоже подействует.

— Их надо рвать зубами, бить телом! — твердил он в волнении и пытался встать, помогая себе обломками крыльев, но они не держали, и он охал и морщился от боли.

И тут показались зловреды. Они ползли сразу со всех сторон, выкатывались из-за стен, неуклюже шествовали по улице, предваряемые сумрачным сиянием своих глагоголов. Багровые пламена металась меж стен зданий, становились ярче, мы словно попали в центр гонимого ветром пожара, до того мощно и зловеще было выбрасываемое ими красноватое сияние. Чтоб не ослепнуть, мы опустили шлемы и включили на скафандрах светофильтры. Андре, окончательно придя в себя, раскрыл чемоданчик дешифратора и пустил его на все диапазоны.

— Сумасшедший, зачем? — прошептал я.

— Не помешает. Я уверен, что они переговариваются между собою и сияние их голов связано с этим.

Я человек другого толка, чем Андре. Я весь был поглощен ощущением предстоящего боя. Уверенности, что мы отразим нападение, у меня не было, но что дешево мы не отдадим жизни, я знал твердо. Во мне зазвучал взволнованный голос Ольги: «Эли, держись, помощь послана!», возможно, рядом где-нибудь вспыхнул и видеостолб с нею и Верой, я не имел возможности оглянуться — я смотрел на зловредов.

Их собиралось все больше, они подползали и накапливались, выстраивались полукругом, неторопливо приближались. Я понимал их план, в основе его лежал нехитрый

расчет. Сила их гравитационных полей обратно пропорциональна квадрату расстояния — вдвое сокращая его, они усиливали свой удар в четыре раза. Судя по всему, они намеревались, не атакуя издали, методично сжимать кольцо, сколько позволит сопротивление наших полей, а там, внезапно суммировав усилия, нанести короткий уничтожающий удар.

Я понял, что, если не расстроить их план, они превратят нас в раздавленное яйцо. Во мне пылала злоба против этих бестий, без причин и повода напавших на нас, я должен был выплеснуть ее в хорошем выпаде. У нас было огромное личное преимущество перед ними — скорость нашего бега, — я надумал использовать это преимущество.

— Концентрируйте на мне свои поля, когда я рванусь! — приказал я. — Сейчас я покажу этим светящимся черепахам, что им далеко до людей!

— Зли! — сказал Лусин. — Берегись! Сконцентрируем!

И тогда я ринулся на ближайшего зловреда. Он выполз из ряда немного дальше других и поплатился за неосторожность жизнью. Защищенный с боков усилиями друзей, я развалил зловреда полем, как мечом. Брызги его еще сыпались на землю, когда мое кинжальное поле прошло насквозь его соседа. Зловреды попятились, головы их тревожно усилили и без того мощный свет, теперь они пылали, как прожектора, даже сквозь густые светофильтры зрачкам стало больно. Тело мое сжало, словно тисками, я стал задыхаться от боли. Сжатие налетело мгновенно, тут же ослабло, снова усилилось и спало — зловреды рубили меня гравитационными импульсами, а друзья отражали удары своими полями. Я зашатался, теряя сознание и, перед тем как рухнул, успел разбрызгать в воздухе еще одного зловреда. Андре и Лусин подбежали, и я упал им на руки. Они проворно оттащили меня под прикрытие стены.

Лусин хохотал и топал ногами, ангел свирепо рычал, обнажая клыки, даже Андре смеялся. Нам — не говорю об ангеле, конечно, — еще не приходилось драться насмерть с врагами, и первая удача хмелем бросилась в голову. В каждом проснулся, казалось бы, много поколений назад преодоленный инстинкт бойца.

— На атомы! — орал Лусин. — В брызги! Так их!

Андре первый успокоился.

— Они повторяют натиск, — сказал он.

Зловреды снова шли на нас полукругом. Не знаю почему, но у меня явилась уверенность, что они изменили план нападения. Центр их надвигался осторожнее, чем крылья, они старались охватить нас с боков и отсюда, поле на поле, смять двумя встречными ударами. А если бы я опять вырвался вперед, они, отступив в центре, спокойно расправились бы с моими друзьями, лишенными защиты с флангов. Расчет их был на такого недалёковидного противника, что я почувствовал к ним презрение. Я еще не знал тогда, что не следует считать врага глупее себя, если не хочешь, чтоб он тебя перехитрил.

— Мы тоже повторим нападение, но уже по-иному, — сказал я. Мой план держался на быстроте и согласованности наших действий.

И когда они приблизились на достаточное расстояние, мы, собранные в кулак — трое людей впереди, прихрамывающий ангел сзади, — ударили по их левому крылу. Все было рассчитано до мелочей и удалось даже в мелочах. Нападая на одно крыло, мы удалялись от другого и тем ослабляли его удар, а с центром во время короткой схватки можно было не считаться: раз проученный, он не спешил попасть под кинжальные поля.

На этот раз, разя уже не одним, а четырьмя сжатыми полями, мы разбрызгали шесть зловредов, обратив в бегство весь их левый край. Преследовать мы не могли, пришлось поворачиваться к центру и второму крылу. Коротким выпадом мы заставили и их попятиться. Поле боя было усыпано останками уничтоженных врагов и залито темной жидкостью — их кровью.

Мы опять укрылись под защиту стены и перевели дух.

Эти дьявольские создания, однако, хорошо учились на неудачах. Они поняли, что, атакуя цепью, лишь подставляют себя под клинки наших силовых шпаг. Сейчас они шли тремя компактными группами, голов на двадцать каждая, туша к туше, глаз к глазу. То

самое, чем мы разметали их во второй атаке, они обращали против нас — многократно усиленное, собранное в кулак поле. Никаким выпадом, как бы он ни был быстр, мы не смогли бы разметать столь многократно суммированный силовой поток. Теперь время, отведенное нам на жизнь, определялось лишь скоростью нашего сближения.

Андре, еще не совсем оправившийся после нападения первого зловреда, был спокоен. Я понимал, о чем он думает.

— Ты успеешь вызвать звездолет и записать прощание, — сказал я и отвернулся.

Зловреды не торопились. Они знали, что мы у них в полях. Они наступали осмотрительно. Андре вызвал звездолет. Никогда еще порывистый Андре не говорил так ровно и ясно.

— Жанна! Олег! — диктовал он. — Через две минуты меня не станет. Я люблю вас. Будьте счастливы!

— Обнимемся, друзья! — сказал я. — И потом ударим на них в последний разок. Не стоит тянуть эту волынку.

Мы обнялись и расцеловались. Труб припал к моему плечу и всхлипывал, как человек. Оказанная этому чудаку человеческая ласка почти примирила его с гибелью. Я подал сигнал, и мы бросились на центральную группу зловредов.

Как я и опасался, нам не удалось ее разметать. Мы даже не смогли собрать остриями поля, — так непреодолимы были охватившие нас силовые цепи. Лишь Лусин пронзил одного зловреда и тут же сам упал. Я не хотел ни кричать, ни звать на помощь, но отчаянный вопль непроизвольно исторгнулся из меня. Рядом закричал Андре. И не успели наши крики оборваться, срезанные смертельным обливом вражеских полей, как сверху что-то обрушилось и все волшебным образом переменялось: внезапно ослабили тиски, погасло нестерпимое жжение головоглаз, а зловред, на которого я перед тем нацелился, но не достал, взвился облаком брызг и пыли.

— Концентрируйтесь на мне! — грянул дикий голос Леонида. — Вперед! Вперед!

Я пошатнулся, и меня поддержал Ромеро.

— Не правда ли, неплохой удар, храбрый Эли? — сказал он, усмехаясь. — Кажется, мне удалось разложить вашего противника на молекулы. Соберитесь с полем и поспешим за нашим боевым вождем!

9

Леонид рвался вперед, и перед ним, словно сметаемые вихрем, разлетались и распадалась зловреды. С двух боков его охраняли Аллан и Андре, сзади торопились, поддерживая друг друга, Лусин и ангел.

Я сделал шаг и почувствовал, что у меня нет сил двигаться.

— Смелее, смелее! — подбадривал Ромеро. — Вам, конечно, досталось побольше, они собирались раньше всего покончить с вами, но нельзя же так распускаться. Говорю вам, соберитесь с полем, сразу станет легче.

— Не отставай, Эли! — весело орал Аллан. — Покажи им, чего ты стоишь, Эли!

Уговоры и крики, а также то, что я увидел низкорослых Громана и Камагина, бежавших на помощь передовой группе, придали мне бодрости. Я двигался все уверенней, и через несколько минут мы догнали Леонида.

— Вперед! — крикнул он, кивнув мне головой. — Тут еще штук десять этих уродцев!

Я схватил его за руку.

— Подожди! — прошептал я. — Их не надо истреблять.

— Это еще что! Мы не уйдем отсюда, пока хоть один ползает!

Меня поддержал Андре:

— Угомонись, Леонид! Надо хоть одного заполучить живьем.

— Правильно! — сказал Аллан и захохотал. — Притащить такое чудовище на Землю! Раньше это называлось — добыть языка, — Он повернулся к Камагину и Громану: — Так,

что ли, предки?

Те подтвердили, что добывание языков и скальпов — важная операция в любой цивилизованной войне. В их времена войн уже не было, но предания о них сохранялись. Кроме того, они читали о войнах в книгах. Писатели, хоть никто на Земле давно не сражался и не умирал насильственной смертью, с охотой изображали ужасы: кражи, убийства, погоню за прибылью и славой, измены жен и мужей, коварные продвижения по так называемой службе и прочие дикие действия, требовавшие хитрости и крови. Так как мы в этом далеком созвездии столкнулись с жестоким народом, то и нам следовало кое-что знать из обычаев тех воинственных времен.

Андре поднял кусок тела одного из разлетевшихся зловредов:

— Посмотрите-ка! Они не существа, а машины!

На его ладони лежал смоченный темной жидкостью набор элементов электрической схемы — полупроводников, сопротивлений, емкостей, соединительных каналов. Это было, несомненно, искусственное приспособление.

— Похоже на правду, — согласился я. — Все, что мы знаем о зловредах, свидетельствует о их необыкновенной свирепости, — разве не странна она для нормального существа?

— Нет, — сказал Лусин, поднимая с камня другую часть тела зловреда. — Организм. Вот!

Второй кусок был живой тканью — в нем переплетались нервы и сухожилия, виднелся обломок кости, приставшее к кости мясо. Андре вертел находку, обмазывая пальцы в неприятной клейкой жидкости.

— Да, — признался он. — Не механизмы.

Наши спасители ушли, прихватив Труба, а мы втроем обшаривали арену недавней битвы. И снова я поразился, до чего велики силы, взрывающие сраженных врагов. Термин «разбрызган» был не образным выражением, а точно описывал гибель зловреда.

— Мне кажется, странная форма уничтожения есть ключ к тайне их существования, — сказал я, после того как, повозившись полчаса, мы раздобыли десяток кусочков.

Андре разложил кусочки в ряд.

— Посмотрите, шесть — живые ткани, четыре — искусственные элементы. Вам это ничего не говорит?

— Понимаю, — сказал Лусин. — Наполовину — организм, наполовину — механизм. Полуживой, полуискусственный. Нет?

— Да, — сказал Андре. — Именно это.

— Вы забываете еще об одной возможности: живой зловред сидит в машине, — возразил я. — При распаде ткани тела перемешиваются с частями механизма — вот и разгадка.

— Тогда полюбуйся вот этим кусочком.

Кусочек и вправду был поразительный: живая ткань переплеталась с искусственной, одно продолжало другое: из кости вытягивался провод и пластмассовое сопротивление, на конденсаторе виднелись нервы и крохи мяса. Это было органическое соединение, а не механическое соседствование живого и мертвого.

— Две возможности, — сказал Андре. — Или живые существа открыли способ мастерски заменять свои несовершенные органы искусственными и стали наполовину механизмами из организмов. Или, наоборот, кем-то созданные автоматы научились вмонтировать в себя органические ткани и поднялись до степени полуорганизмов. В том и другом случае мы имеем дело с объектами высокой культуры.

Для меня сложная природа зловредов объясняла самое важное: их жестокость. Существа, деградировавшие до механизмов, не могли не потерять доброты и отзывчивости. Но если они и вправду, автоматы, смонтированные из органических элементов, то откуда они берут живые ткани? Может быть, они охотятся за всеми живыми существами в космосе, чтоб их тканями обеспечить свое существование?

— Зовут, — сказал Лусин. — Поспешим.

10

Леонид мрачно прохаживался у одного из зданий. Он так взглянул на нас, словно мы тоже принадлежали к породе головоглазов. Было ясно, что заполучить зловреда живьем не удалось.

— Распадаются, как мыльные пузыри. Остались в живых три.

В углу, образованном поворотом двух стен, сидели головоглазы, сжатые нашими полями. Зловреды были обессилены — глаз светился тускло, временами исторгаемые гравитационные импульсы утеряти прежнюю мощь. Андре запустил дешифратор Ромеро, блокировавший врагов вместе с Алланом, Камагиным, Громаном и Трубом, поманил меня к себе.

— Знаете, почему мы ни одного не взяли живьем?

Вам покажется невероятным! Они кончают с собой, когда положение безвыходно!

— Бац башкой по телу и — на разлет! — сказал Аллан. — Самовзрывающаяся конструкция — таковы наши противники.

В это время Камагин, сконцентрировав в себе три поля, методично отрывал одного зловреда от двух других. Когда между ним и остальными образовался просвет, зловред ударил глазом по телу. Раздался взрыв, и зловред разлетелся кучкою мокрого праха. Два оставшихся еще теснее прижались один к другому. Их головы сумрачно мерцали.

— Так все они! — сказал Леонид, топнув ногой. — Хоть руками хватай их за проклятую голову!

— Как у тебя? — спросил я Андре. — У них, кажется, световая речь, а это штука нехитрая.

— В том-то и дело, что нет. — Андре озадаченно пожал плечами. — От них исходят слабые гравитационные импульсы, похожие на речевые, а свечение лишь сопутствует им. С такой формой речи я сталкиваюсь впервые.

Андре вздохнул.

— Ключ, ключ! Один бы сигнал расшифровать.

— Сейчас дам тебе ключ, Я кое-что сделаю — следи за их реакцией.

Я выдвинулся вперед, ударил — не очень сильно — полем и снова отошел. Операцию эту я повторял раза три, потом стал осторожно раздвигать зловредов. И опять, бросив это занятие, я перешел к ударам. Удары были несильны, оплеухи, а не рапиры. Раз два я наставлял на головоглазов растопыренные пальцы.

— Хватит! — сказал Андре радостно. — Теперь, кажется, мы расшифруем их речь. Слушайте, это поразительно!

Впоследствии выяснилось, что в деталях расшифровка была неточна, но суть передавала правильно: «Тот же, убийца первого... Опять тот же... Опять... Он раздвигает... Прикажете экранированным... Только они... На планете двое, все погибли. Шестьдесят третий самоумертвился. Я слабею. Мне не хватает гравитации. Отвечаю: они каменнопалые, они другие... Экранированных... Почему только к вечеру, они же ближе?... До вечера не удержусь... Не удержусь... Отправлено все, напрасно остались... Ударю головой... Планета больше не нужна... Планета...»

Несколько секунд мы вдумывались в расшифровку. Очевидно, где-то неподалеку была их база, и они переговаривались с ней. Нам надо было ждать нового нападения. Потом каждый из нас заговорил о том, что ему представлялось самым важным.

— Помощь к ним придет не раньше ночи, — сказал Леонид. — Значит, надо справиться с ними к ночи.

— Что это за экранированные? От чего экранированные? От наших полей? — спросил я. — На за нами наши звездолеты, вот о чем они забывают.

— Гравитация у них слабеет, — сказал Андре. — Что таится в этой странной фразе? И

почему не обнаружены импульсы их собеседника?

— Собеседник далеко, — возразил я. — Дешифратор не принял его слабых импульсов.

— Планета, — выговорил Лусин, — не нужна. Уничтожат?

— Практически сейчас важна лишь угроза: «Ударю головой», — сказал Камагин. — Несомненно, это извещение о готовящемся самоубийстве. Надо предотвратить его, но — как?

— Лишить этих молодчиков возможности двигать головой, — загремел Аллан. — Отрубить ее мечевым полем — и всё!

— Нет, — возразил я. — Тогда они развалятся. Андре прав: что-то важное связано с тем, что слабеет гравитация. Давайте сожмем их полями и перетащим в барокамеру сдавленными.

Лишенные возможности пошевелиться, они вскоре были растащены друг от друга. И тут один все же ухитрился ударить себя головой. Тем тщательнее мы оперировали с последним. Мы несли его к планетолету, на котором прибыла помощь, отдельно сжимая полями туловище и отдельно голову. Он явственно ослабевал. Импульсы его становились невнятные, голова перестала шевелиться и погасла.

— Умер, кажется, — сказал Андре, когда мы помещали зловреда в барокамеру планетолета. — Дешифратор не улавливает излучений.

Мы усилили давление в камере, запустили бортовой гравитатор. Если зловреду нравилась большая тяжесть, то он мог пользоваться ею и после смерти. Закрепив голову, чтоб она случайно не упала на тело, мы надежно устроили зловреда в его временной усыпальнице.

— Я останусь здесь, — сказал Андре, — и постараюсь изучить строение тела и физиологию наших противников.

— А мы поищем жителей планеты, — сказал Леонид. — Может, удастся кого живого найти.

Планета казалась мертвой по-прежнему. Мы облетели город, направились к другим городам. Они казались копиями друг друга. Везде были ужасные следы разгрома, зеленые утром леса и луга сохли и поникали, опадая. Зелень на планете была полностью истреблена, как и насадившие ее умные кузнечики с почти человеческими головами.

Я настроил дешифратор на любые излучения еще работающего мозга. После часа поисков мы приняли слабые импульсы и полетели в их сторону.

Пеленг излучений привел нас к подземному каналу или трубе, затерянной среди леса. Вход в нее был прикрыт травой и кустарниками. Дешифратор показывал, что в трубе трое живых.

Я пытался пролезть в отверстие трубы, но оно было узко для меня, и полез Камагин. Он попросил подмоги, и вслед отправился такой же щуплый Громан. Вдвоем они вытащили умиравшего шестикрылого. Тот не отвечал на вопросы, не шевелился, дыхание почти не улавливалось, но мозг еще работал с бредовой быстротой.

— Их там сотни, — сказал Камагин, — но все мертвы.

— Двое еще живы, — ответил я. — Прибор ловит работу их мозга. Возьмите биоскоп.

С приборчиком для улавливания следов неугасшей жизни они возвратились в трубу. Два извлеченных жителя планеты были в худшем состоянии, чем первый. Один скончался, когда его вызволяли наружу, другой жил несколько минут, и я записал работу его умирающего мозга.

Возвратившись к первому, я убедился, что он еще живет. Надежды на выздоровление не существовало, однако некоторое время поддерживать угасающую жизнь в его измолотом теле было возможно. Уже шло к вечеру, когда мы убедились, что на планете нет больше живых существ.

— Заберем скульптурные группы, — предложил Леонид.

Автоматы сняли с постаментов три скульптуры, потом перенесли в планетолет и постаменты.

— От корабля, идущего на помощь зловредам, импульсов по-прежнему нет, — сказал Андре. — Его молчание действует мне на нервы.

— Садиться! — скомандовал Леонид. — Возвращаемся на звездолет.

Я посмотрел на небо. Электра закатилась, наступали сумерки. Над городом загорались тысячи светильников, они одни продолжали действовать. Было грустно созерцать эту великолепную иллюминацию в царстве смерти и хаоса.

11

Теперь я перехожу к трагедии Андре, и у меня путаются мысли. Даже сейчас, отдаленный от того страшного дня годами и событиями еще пострашнее, я не понимаю до конца всего, что произошло. И прежде всего, я не понимаю себя. Как я мог оказаться таким легкомысленным? Почему все мы вели себя как несмышленики? Уже и тогда мы знали, что боремся с коварным, технически очень развитым врагом, мы знали и тогда, что во многом враг этот превосходит нас, — почему, нет, почему, самодовольные глупцы, мы не подумали о простейших, элементарно неизбежных мерах защиты? Враг сам указал, чем собирается одолеть нас. Почему мы пренебрегли его угрозой? Я снова перечитываю гравиграмму переговоров зловреда со своей базой и вижу, что из всех толкований загадочного слова «экранированные» выбрал самое далекое от истины — не только ошибся, но и убедил всех, что прав. И Андре, бедный Андре, так прозорливо угадавший невидимость наших противников, он разве с облегчением не отказался от своего провидения? Я снова спрашиваю себя: почему глаза наши затмил слепотой в тот решающий миг, когда требовалась вся острота зрения? Или, узнав, как уродливы и неуклюжи первые увиденные противники и как легко мы расправляемся с ними слабыми нашими полями, мы сразу преисполнились к ним неумного презрения, даже не попытавшись узнать, все ли они такие? «Почему раньше ночи не успеете?» — надрывно гравитировал своим последний зловред. Над Сигмой опускалась ночь. Посланная врагами подмога уже приближалась к планете. До жестокого удара оставались считанные минуты. А мы болтали, радуясь вырванной легко победе!

— Здесь хорошие ночи! — сказал я Андре. — Даже эта автоматическая иллюминация не забивает блеска звезд.

Андре поднял голову. С минуту мы любовались небом. Воздух был удивительно прозрачен. Экранированные враги уже висели над нами, выбирая момент для прыжка, а мы безмятежно восхищались светилами Плеяд.

— Торопитесь! — сердито крикнул Леонид. — Одних вас ждем.

Я сделал шаг к планетолету и тут услышал крик Андре. Он хрипел, голос его обрывался — его душили, он отчаянно бился. Я чувствовал пульсацию его поля, никогда ни до, ни после того я не испытывал такого ощущения — поле Андре взрывало меня, вздымалось во мне собственной моей дико убыстренной кровью.

— Эли, помоги! — кричал Андре. — Эли! Эли!

Я кинулся к нему. Я не увидел его. Над черной землей густо сверкали звезды, воздух был тих и прозрачен. Где-то рядом со мной, в трех шагах, хрипел и звал на помощь Андре, я слышал его с безмерной отчетливостью, разбирал все слова, я знал, что ему затыкают рот, что он захлебывается собственным криком и, выворачивая шею, на секунды освобождая лицо, снова кричит, все снова кричит о помощи, — и я не видел его!

— Эли! Эли! — слышал я вопль. — Эли! Эли!

— Невидимки! — крикнул я в неистовстве и бросил свое поле на крик, не соображая уже, что оно так же опасно для Андре, как и для напавших на него.

И тут я в последний раз увидел Андре. Мой удар отбросил кого-то из насевших на него невидимок. В воздух вдруг вырвались ноги Андре — они бешено боролись, ударяли во что-то, брыкались, словно их пытались сдавить, а они не давались. И только ноги были видны, одни ноги! На том месте, где должны были быть туловище и голова, мирно светили

звезды. С тех пор прошло много лет, но до сих пор передо мной во всех подробностях встает эта картина — одни сражающиеся в воздухе ноги Андре.

Я не успел собраться с полем, но нанес второй удар. Я знал, что товарищи спешат на помощь и самое главное в эту первую минуту битвы — не дать утащить Андре в полную невидимость, пока они не подоспеют.

Я нанес второй удар, чтоб полностью раскрыть Андре, но промахнулся. Какая-то новая сила подбросила меня в воздух. Я оглянулся и понял, что стал невидим. Я не нашел своего туловища и ног. Я видел сквозь свое тело камешки и травку на земле — они отдалялись и быстро пропадали в черноте опускавшейся ночи. Какие-то гибкие путы вязали и скручивали мне руки, тащили вверх. Захваченный врасплох, я все же до предела напряг свое поле и задержал подъем. Теперь я колебался метрах в пяти над землей. Андре по-прежнему кричал, но крик его прерывался чаще и становился глуше. Он уже слышался не рядом, а с высоты. Андре, медленно, но непреодолимо утаскивали наверх. Он снова стал полностью невидим.

Внизу я увидел бежавших друзей. Они мчались на крик Андре, сам я, напрягая поле, чтоб не дать одолеть себя, был охвачен молчаливым ожесточением борьбы. Леонид остановился подо мной и поднял вверх голову.

— Где вы? — кричал он в тревоге. — Я вас не вижу!

Где вы?

Что-то отвратительно жесткое и холодное закрыло мне рот. Я вывернулся и крикнул вниз:

— Концентрируйте на мне поля! Андре утаскивают нав...

На этот раз рычаги сдавили мою голову и шею так основательно, что легким не хватило дыхания. Перед глазами заматались красные полосы. Вместе с тем я сразу почувствовал, как наливается мощью мое ослабевшее поле. Я уже почти терял сознание от удушья, но ясность мысли не потерял. Я не пустил поле в ход немедленно. Я еще поупирался немного, не давая тащить себя, а потом рванулся изо всех сил, когда дольше уже тянуть стало невозможно.

Напавшие на меня противники, очевидно, не ожидали такого удара. Их разметало как пушинки. Один, сраженный, выпал в видимость и рухнул рядом со мной на землю. Я не стал разглядывать его. Я вскочил на ноги и выкрикнул авиетку. Было не до поверженных врагов. Рядом со мной взмыла авиетка Ромеро.

— Берегитесь, они невидимки! — успел я крикнуть.

Я услышал лишь, как Леонид приказал запустить локаторы на планетовете.

Вырвавшись вверх, я остановился. Ромеро тоже замер в воздухе. Мы вслушивались, не услышим ли еще крики Андре. Криков я не слышал, но мне показалось, будто сбоку доносятся хрип и прерывистое дыхание. Я устремился на эти звуки борьбы, прощупывая силовыми линиями прозрачный воздух. Как слепой, протягивающий вперед руки в поисках предметов, я протягивал свое поле, стараясь уцепить сражающуюся в воздухе невидимую группу. Но ни я, ни Ромеро ничего не обнаружили.

— Надо как-то рационализировать наши поиски, — сказал Ромеро, подлетая ко мне. — Согласитесь, это метание вслепую...

— Они утащат его! — твердил я, не слушая. — Поймите, они утащат его!..

— Они уже утащили Андре. Вопрос, куда они скрылись? Мы их ищем над полем боя, а они, может быть, давно уже покинули планету. Надо вызвать звездолеты.

На звездолетах уже знали о несчастье с Андре. Локаторы кораблей обрыскивали пространство вокруг планеты. Чувствительность их такова, что они засекают пуговицу на расстоянии в сто тысяч километров. Андре и его похитители были больше пуговицы, а звездолеты держались к планете ближе ста тысяч километров, но даже следов зловредов не было. Мы еще не знали тогда, что все типы наших локаторов бессильны перед их экранирующими устройствами. Действенные средства борьбы против невидимок нам еще лишь предстояло изобрести. Сейчас каждому ясно, что мы опрометчиво ввязались в борьбу, хоть и грозно, как мы и доказали впоследствии, вооруженные, но совершенно не представляя

себе, какие технические средства потребуются для борьбы. Мы были подобны слепому гиганту, яростно бросившемуся на зрячих врагов. Тем, конечно, не поздоровится, если они попадут ему в руки — если они попадут!.. Несчастье — похищение Андре — уже разразилось над нами, но еще никто не отдавал себе отчета в размерах несчастья. Возможно, впрочем, что это к лучшему. Если бы мы точно знали, что нам грозит, мы почти наверняка побоялись бы так рисковать, как мы рисковали — и не добились бы того успеха, какой нам достался.

Меньше всех понимал тщету наших тогдашних поисков я. Меня трясло отчаяние, я знал лишь то, что Андре перед гибелью звал одного меня на помощь, а я помощи не оказал. Я не мог оправдывать себя неожиданностью нападения невидимок. Среди прочих вариантов мы рассматривали и этот — что зловреды невидимы, он не был неожидан. Я проклинал себя, впивался глазами в прозрачную темноту — авиетка черной молнией пронеслась над опустевшей ночной Сигмой. Я не помню, сколько времени продолжались наши метания над планетой. Мы с Ромеро взмывали и рушились вниз, бросались в стороны. К нам присоединились Лусин и Аллан. Четыре силовых поля, перекрещиваясь, ощупывали каждую молекулу воздуха. На них накладывались гигантские локаторные поля звездолетов, широкие силовые конусы планетолета. Все было напрасно.

Ко мне снова подлетел Ромеро.

— Со звездолета передали, чтоб мы прекратили поиски. Нам дают четверть часа на возвращение. Что-то еще случилось важное.

К этому времени я был обессилен и опустошен. Я опустил около планетолета и поплелся к входу. Меня встретил подавленный Леонид.

— Посмотри, кто боролся с тобой, Эли, — сказал он, показывая на ящик около планетолета.

В ящике лежали останки моего врага. Я тупо смотрел на него, не отдавая себе отчета в том, что вижу. Я так уверовал, что умирающие зловреды разлетаются в брызги и пыль, что уже не допускал для них другой кончины. Я не сомневался, что ставший видимым невидимка давно рассеян по поверхности планеты. Потом я сообразил, что если это и зловред, то мало похожий на тех, с какими мы боролись раньше. Это было нечто среднее между прежней бронированной опухолью и настоящим человеком.

— Знаете, кого напоминает мне этот уродец? — прошептал изумленный Ромеро. — Тех человечков из арматуры и железного лома, которыми пугали зрителей скульпторы-абстракционисты последних лет капитализма.

Я молча обернулся к Ромеро. Я понятия не имел, что когда-то жили такие скульпторы, никогда не видел их изделий. Существо, лежавшее в ящике, было собрано из одних костей или прутьев — центральный столб, две ноги, две руки, два кольца толщиной с нашу шею на том месте, где у нас бедра, а взамен головы — тот же сверкающий, теперь потухший, нарост, похожий на ананас. Это был скелет существа, а не существо, так мне тогда показалось, члены скелета, прочные и гибкие, изгибались легче человеческих. Лишь в бредовом видении могли примерещиться такие чудища, подобные выходцам с того света.

Лусин больше моего возился с живыми существами, выводя своих диковинных зверей и птицеголовых богов. Он поднял сломанную при выходе из невидимости и падении на землю кость ноги.

— Смотри, Эли. Мясо и нервы — тоже. Только внутри. И кровеносные сосуды. У нас кости опора. У них оболочка. Очень толстая кость. Надежная конструкция тела. Природа поработала. Экономней человека... Интересно, сколько миллиардов лет? За сто миллионов не создать...

— Звездолеты опять торопят нас! — сказал Леонид. — Внесем ящик в планетолет и отправляемся.

Пока автоматы возились с ящиком, я, не думая об опасности нового нападения невидимок, отошел к месту, где был похищен Андре. Терзавшее меня отчаяние разрешилось диким приступом. Я упал на землю и рыдал, и кусал ее в бессильной ярости, и бил ее

кулаками. Я проклинал и этот отвратительный скелет, на создание которого природа затратила миллиарды лет, и эту мягкую, еще теплую, еще живую, хотя и опустошенную чужую землю, которая тоже существовала, наверно, не меньше миллиарда лет, и особенно себя за свою нерадивость и нерасторопность, — в неистовстве требовал для всех нас кары. Но невидимка, уже погибший, лежал в ящике, а чужой земле, насчитывающей миллиард лет существования, осталось существовать меньше часа, — она была обречена независимо от моих проклятий. А мне еще многое предстояло испытать, такое же горькое, как гибель Андре.

Меня обнял Лусин. Он лег рядом и плакал, как я.

— Пойдем! — шептал он, тихонько плача. — Пойдем, Эли. Больше нельзя! Последнее сообщение — приближается крейсер зловредов.

12

Нам понадобилось несколько минут, чтоб добраться до звездолета. Когда планетолет исчез в недрах «Пожирателя пространства», оба корабля быстро удалились от Сигмы. Лицо Веры опухло от слез, она ни о чем не расспрашивала: они видели на экране нашу борьбу с невидимками. Я спросил, почему нам запретили продолжать поиски? Мы бросили Андре на «Пожирателе» врагам, — вероятно, произошло что-то ужасное, раз решились на такой приказ!

— Пространство полно гравитационных возмущений, — ответила Вера. — Дешифраторы перехватили депешу невидимок. К счастью, вам удалось распутать правильно их код, и мы ее прочли. Судя по сообщению, Андре на планете уже нет. «Взяли одного каменнопалого, — было в перехваченной гравиграмме. — Разрушитель номер сто тридцать погиб. Уходим на свою базу. Возможны всякие случайности. Немедленно выходите забрать нас. Пора кончать с планетой».

Все свободные от вахты были в обсервационном зале. Рядом со мной села Вера. Мы молчали, ожидая новых событий. Потом к нам подседа Ольга. Она сдала командование Леониду, была его вахта.

— Эли, дорогой, — сказала Ольга, — мы все страдаем. Такая страшная гибель...

— Исчезновение, — сказал я. — Андре не погиб, а похищен. Запомни это, Ольга.

Ольга не отозвалась. Я тоже не хотел говорить. Слова не могли ни помочь, ни утешить. Мы не знали самого главного: где Андре? Он, может, неподалеку, невидимый и недоступный. Я готов был бить себя кулаками по лицу, кричать от боли и ярости. Я стиснул зубы и молчал, молчаливо задыхаясь.

— Успокойся, Эли, — сказала Вера. — Не надо так терзать себя.

— Я не терзаю себя, — сказал я. — Откуда ты взяла, что я терзаю себя?

В этот момент появился шар зловредов. Он воистину словно выпрыгнул из небытия, точь-в-точь, как описывали космонавты с «Менделеева». Он возник сразу, неистово несущийся, огромный. Он шел на Сигму, притормаживая.

Мы не отрывали от него глаз, почти не дышали.

— Что он делает! Нет, что он делает! — воскликнула через минуту Вера. — Мы обязаны ему помешать, это чудовищно!

Шар летел теперь над поверхностью Сигмы. Никто не заметил, как его облет превратился в гравитационный удар по планете. Все, что было на ней — города, леса, равнины, — вдруг взметнулось вверх, словно вырванное гигантским плугом. На Сигме бурно вздымалась исполинская приливная волна, с той разницей, что это была волна не воды в океане, а твердых планетных масс, вал, камней и грунта. Тяжелые облака пыли затянули взорванную планету, она вся представляла теперь лишь прах и дым. Никакое извержение вулкана, никакой атомный взрыв не причинил бы такие гигантские разрушения, как облет этого грозного шара вокруг планеты. Многие тысячелетия, может, миллионы лет должны будут пройти, пока Сигма станет вновь удобной для жизни.

Крейсер зловредов завернул за край Сигмы, теперь он вздымал ее обратную поверхность.

— Леонид! — кричала Вера. — Я требую вмешательства!.. Останови его силой!

— Нет! — воскликнул я. — Нет, Вера! На Сигме жизни больше нет, а на шаре или где-то неподалеку — Андре, Мы еще не все сделали, чтобы спасти его.

— Да и поздно выручать Сигму, — сказал Леонид. — Мы не ожидали, что он способен на такое... Не исключено, что он и с нами попытается проделать эту штуку.

— Вы готовы к отражению нападения? — спросила Вера. Она с усилием взяла себя в руки.

— Готовы. Аллан радирует, что его аннигиляторы ждут лишь команды. Разбойнику не поздоровится, если он нападет на нас.

— Если придется принять с ним бой, помните, что на нем Андре.

Корабль зловредов, вынырнув с другой стороны, уже лег на обратный курс, когда заметил нас. Он завернул и пошел на сближение. Леонид и Аллан запустили аннигиляторы вещества, реакционная масса, сгорая в топках аннигиляторов, вырывалась наружу пространством. Из осторожности ни Аллан, ни Леонид не вовлекали окружающие космические тела в реакцию аннигиляции. В этом пока не было нужды — вражеский крейсер, летя почти со световой скоростью, не приближался ни на километр, навстречу ему мчались такие объемы космической пустоты, что продрасться сквозь нее он не сумел. Со стороны казалось, будто наши корабли, обладая преимуществом в скорости, ударили от преследователя. Если зловреды сами не владели техникой аннигиляции вещества, то им трудно было догадаться, что в действительности мы и не думали никуда двигаться.

МУМ расшифровала гравиграмму крейсера: «Вижу чужой корабль. Сближение не удастся. Атаковать на большом расстоянии не могу. Перехожу на сверхсветовую, чтобы вырваться в конус удара».

— Они переходят на сверхсветовую! — крикнула Вера Леониду.

— Пусть переходят, — отозвался Леонид. — Чем он быстрее рвется к нам, тем энергичней мы его отбрасываем. Пока большой опасности нет.

Я не разделял оптимизма Леонида. Уйдя в сверхсветовую область, крейсер стал не только невидим, но и неконтролируем. Не зная, на сколько он обгоняет свет, мы не могли быть уверены в действенности аннигиляционной защиты. Он мог прорваться и сквозь заслоны непрерывно генерируемой пустоты.

Леонид успокоил меня:

— Говорю тебе, мы его отбросим, хотя и не знаем, где он. А если он все же приблизится, мы успеем реально кинуться наутек, не принимая сражения.

Вскоре зловреды поняли, что им ничего не добиться, и, затормозив, снова появились в оптике. МУМ расшифровала их очередную передачу: «Атака не удалась. Забираю базу экранированных. Возвращаюсь к эскадре».

После этого крейсер зловредов пропал так же внезапно, как появился. И вместе с ним пропала последняя надежда выручить Андре. Он мчался пленником на корабле космических разбойников куда-то в недра Плеяд, где размещалась их эскадра. Если, конечно, уже не погиб...

13

Усталый, я заснул в кресле. Во сне мне привиделся Андре, и я с криком проснулся. Оба звездолета шли в сверхсветовой области по курсу исчезнувшего шара зловредов. Я узнал, что принято решение разыскивать таинственную эскадру врагов, а при встрече действовать по обстоятельствам. Обдумывая все, что произошло, я с тяжелым сердцем понял, что шансов на спасение Андре почти нет. Я никому не сказал о своих мыслях, и никто не говорил со мною. Отступать было нельзя.

В связи с исчезновением Андре вся его работа упала на меня. Мы с Лусином все утро

возились с останками обоих врагов и расшифровывали записанные излучения мозга шестикрылых. В полдень последний житель многострадальной Сигмы скончался. Мы положили его останки в консервирующую среду, чтоб привезти нетленным на Землю. Я работал усердно, но временами деревенел, теряя мысли и понимание окружающего. В эти минуты Лусин тихонько дергал меня за руку или касался плеча. Его молчаливо-дружеское участие поддерживало меня.

В перерыв мы посетили Труба. Ангел всхлипывал и вытирал глаза обломками крыльев.

Он переживал наше общее горе, не сдерживаясь, как мы.

— Похожи наши вчерашние противники на тех, что преследовали галактов, некогда высадившихся на вашей планете? — спросил я.

— Я сразу понял, что это они, сразу, сразу...

Он весь встопорчился. С трудом передвигаясь, он, похоже, готов был хоть сейчас ринуться в новую битву.

— Битвы еще будут, — утешил его я. — Сомневаюсь, чтоб человечество могло ужиться со зловредами. Твоя задача: пройти курс лечения. По прогнозу, крылья у тебя отрастут лучше прежних.

— Мы стоим? — спросил он. — Где мы?

— Идем курсом на Майю, в центр Плеяд.

— Слепые, — проговорил Лусин сумрачно. — Не видим. Идем — только. А они?

Я теперь, почти не переставая, думал об этом же. Еще Андре поразила загадка: когда зловред беседовал своим крейсером, несущимся в сверхсветовой области гравиграммы его мы расшифровали, но ответные импульсы крейсера не улавливали. Лишь когда крейсер вытормозился в досветовое пространство, гравитационные его депеши стали до нас доходить. И это было естественно, ибо он обгонял свои гравитационные волны несущиеся со скоростью света. Гравитационные волны лишь сопутствуют их дальним передачам, думал я, но сама передача идет каким-то иным, более действенным способом. Мне становилось нехорошо, когда я додумывал следствия этой мысли.

— Да, — сказал я со вздохом. — Они не слепые. Похоже, что у них есть какой-то свой способ общения в сверхсветовой области.

Вечером мы с Лусином показали экипажу расшифрованные бредовые видения умершего жителя Сигмы. Картина составлялась из хаотически возникавших и пропадавших обрывков действий, фигур, городов, неба планеты — все, что мог ухватить глаз, присутствовало в этих видениях и складывалось в обвинение против захватчиков. На стереозэкране пылало белесое небо Сигмы, широкая Электра стояла в зените. И вот, истемня великолепный день, над планетой повис зеленоватый шар. По невидимой гравитационной лестнице на планету посыпались флибустьеры космоса — унифицированные, механически-безжалостные. Беззащитных существ настигали гравитационные удары, стягивали гравитационные цепи, тащили гравитационные крючья, гравитационный эскалатор всасывал их с планеты в нависший над нею шар. Тысячи слабеньких милых созданий Сигмы обреченно взмахивали крылышками, лили слезы. Какая участь им уготована в трюмах проклятого крейсера? Пищи для ненасытных ртов? Источника рабской силы? Питомника ремонтных тканей для дряхлеющего механизма мучителей? Этого никто не знал. Зато мы видели, как расправляются с теми, кто пытался скрыться. Гравитационные удары настигали упрятавшихся, пощады не было никому, никто не спасался!

Подавленные, мы молчали, когда стереозэкран погас. Было страшно и стыдно, что это совершается во Вселенной, где мы, люди, живем и благоденствуем.

Глубинное просвечивание захваченных зловредов подтвердило, что анатомия их двойственна: живые ткани соседствовали с искусственными, провода наращивались на нервы, сопротивления и емкости вмонтировались в кости. Жидкость особого состава, мало напоминавшая кровь, текла по искусственным трубкам и капиллярам. Зато мозг у обоих был биологического происхождения и размещался у первого в центре тела, а у невидимки в верхнем кольце. Самым же странным органом в их «живом механизме» было сердце —

крохотный, но мощный гравитатор. У невидимки он находился во втором кольце, у захваченного живьем зловреда — в верхней части «опухоли». Этот приборчик возбуждал короткодействующее местное тяготение, эквивалентное притяжению сотен таких планет, как Земля на поверхности. Что-то в них требовало для жизнедеятельности мощных гравитационных толчков. Сердце зловреда работало с лихорадочной скоростью — несколько тысяч тактов за секунду. Но это было не все. Гравитационное сердце зловреда генерировало в пространство направленные волны — оно было боевым оружием. И, наоборот, единственным способом поразить зловреда мог быть удар в сердце. Что же до глаза, то в нем обнаружено радиоактивное вещество, вызывавшее свечение. Нарост на шее одновременно и высвечивал, и высматривал, и поражал добычу. При удачном выпаде зловред мог и острым пучком света пронзить, как кинжалом, и уж в любом случае — легко ослеплял.

— Выяснен также механизм самоубийства, — сказал я, заканчивая сообщение об исследовании тел противников. — Когда глаз ударяет по телу, сердце на время парализуется. Силы стяжения уже не противостоят господствующим в теле высоким давлениям, и его разрывает в куски. В барокамере мы держим восемь тысяч атмосфер, чтоб не дать этим силам разбрызгать мертвого зловреда. Между прочим, отсюда следует, что зловредов лучше поражать не силовыми полями, а потоками жестких лучей и корпускул. Мощный источник гамма-лучей или протонов будет для них убийственным. Теперь посмотрите записи излучений их мозга.

Предусмотрительность Андре, перед битвой пустившего дешифратор на все диапазоны, принесла пользу. Мы увидели себя, прижатых к стене, бледных, но мужественно сражающихся. Я вновь бежал, яростно перекосив рот, на центр вражеского отряда. С неба падали Леонид и Аллан, Ромеро наносил удары. Не могу сказать чтоб глаза зловредов увидели в нас что-либо красивое, им, пораженным ужасом и погибающим, мы представлялись скорее чудищами. В общем, это было повторение того, что мы знали и без них. Но запись мыслей зловреда, захваченного живьем и умершего в тисках наших полей, дала кое-что новое.

Когда-то верили, что перед умирающим проходит вся его жизнь. Исследование работы мозга умирающих показало, что мысли их смутны и лишены логики. Но этот перед кончиной вспомнил если и не всю жизнь, то немалый ее кусок. Перед нами вспыхнула дикая планета, словно бы вся созданная из свинца и золота: металлические горы сменялись металлическими полями, в металлических садах росли кристаллы металлических трав и кустов. Под ветвями металлических деревьев раскидывались металлические сооружения. И везде были зловреды, бездны и тьмы зловредов — пылающих головами, ползущих, роящихся и роющих, до тошноты одинаковых... А над жутким их миром нависало огромное, раз в тридцать больше Солнца, тусклое светило. И еще одно поражало воображение — на планете не было горизонта. Сколько хватало глаза, везде тянулись металлические поля, горы и сооружения, — планета была куда крупнее Земли.

Вера спросила меня, когда демонстрация видений была закончена:

— Ты обратил внимание, что второй зловред не запечатлен в мозгу ни у сородичей, ни у жителей Сигмы?

— Это естественно, ибо в нормальных условиях он — невидимка. Нам лишь в тяжелой борьбе удалось выбросить его из невидимости.

— А каков механизм невидимости, вы не расшифровали?

— Нет, Вера, не расшифровали.

— Мне кажется, воинами у них являются как раз невидимки, — сказала Вера. — В Гиадах, где разыгрывались битвы со зловредами, об их внешнем облике данных не сохранилось. Это не случайно. А эти, чашкообразные, скорей всего рабочие особи и надсмотрщики над пленными. Сколько их напало на вас, и ни один не ушел живым! А невидимки сражались по-иному — одна их жизнь отдана за одну нашу жизнь.

— Андре не погиб, а исчез, — сказал я сухо. — Это не одно и то же, Вера. Не надо хоронить его раньше времени.

— Кое-что в загадочных поступках и свойствах зловредов поддается физическому истолкованию, — заметила Ольга. — В частности, их невидимость объясняется довольно просто. Я хотела бы познакомить вас с некоторыми своими соображениями. Все дело в том, что наши противники глубже, чем мы, проникли в природу тяготения.

Она начала с древнейших ученых — Ньютона, Эйнштейна и Нгоро. Их формулы охватывали лишь стационарные гравитационные поля, то есть установившееся тяготение. Между тем, реальные процессы природы чаще всего неравновесны. Зловреды блестяще оперируют переменными полями, которых не описать ни формулами Ньютона и Эйнштейна, ни даже обобщенными рядами Нгоро. Умение владеть быстро меняющимися полями тяготения — большое преимущество наших противников перед нами. Если бы гравитационный удар по Сигме принял характер равновесного поля, одинаково притягивающего планету к крейсеру и крейсер к планете, то дело кончилось бы тем, что крейсер упал бы на планету, ибо у нее несравнимо большая масса. А в действительности он превратил поверхность планеты в океан пыли и обломков, и спокойно умчался дальше, даже не ощутив, что она тоже притягивала его. В ближнем бою корабли зловредов всегда возьмут верх над нами, — следовательно, ближний бой с ними недопустим — вот первый вывод.

Второй вывод дополняет первый. Зловреды тоже знают превращение пространства в вещество, но совсем не пользуются обратной реакцией — превращения вещества в пространство. Очевидно, они ее не открыли. Это по-своему понятно, ибо появление новых объемов пространства приводит к ослаблению полей тяготения, а зловреды стремятся к их усилению.

— Образование пространства есть верная защита от них, — сказала Ольга. — Но у нас не так уж велики запасы способного к аннигиляции вещества: многократных космических сражений мы не выдержим. Теперь о природе их невидимости. Разгадка, по-моему, и здесь в их умении создавать особые поля большой интенсивности — условно назовем их микрогравитационными. Я видела труп невидимки. Конструкция тела блестяще приспособлена к функции невидимого бойца. Сердце-гравитатор создает вокруг тела конус искривленного пространства. Луч света, падая на конус, не пронзает его и не отражается, но загибается вокруг, выходя затем точно на продолжение своего первоначального пути. Все, что находится внутри конуса — и зловред, и его добыча, — естественно, невидимы для глаза и недоступны для обычных локаторов. Я спросил ее:

— Не кажется ли тебе, Ольга, что средства связи у зловредов совершеннее наших? По-моему, они нашли какого-то мгновенно распространяющегося агента и при его помощи отлично сообщаются друг с другом на сверхсветовых скоростях.

— Да, такая возможность имеется, — признала Ольга. — Отсюда надо сделать еще один вывод: в сверхсветовой области со зловредами лучше не связываться, если их много. Вряд ли флотилии их движутся вслепую, как мы, к сожалению. Во всех этих обстоятельствах есть одно, благоприятствующее нам: так как гравитационные волны распространяются со скоростью света, то атаковать зловреды могут лишь в оптическом пространстве, чтоб не обогнать собственные свои удары. Иначе говоря, перед атакой мы их обязательно увидим.

Я заговорил с Ромеро. Мне показалось, что картины на стереоэкране произвели на него впечатление. Он хмурился, гневно сжимал набалдашник трости.

— Теперь вы видите, Павел, что мы не можем стоять в стороне? Преступления зловредов вопиют об отмщении...

Он высокомерно взглянул на меня:

— Мое ухо не слышит воплей — они слишком далеки от нашей Солнечной системы. И кто вопит? За кого вы встаете горой? К прежним паукам и змеям вы добавляете кузнечиков — ради них готовы пожертвовать существованием человечества! Неужели вы не соображаете, с каким могущественным противником сознательно нас сталкиваете? Андре уже погиб неизвестно почему и для чего, — вам этого мало?

— Андре похищен, — сказал я. У меня сильно забилося сердце. Я боялся, что голос мой задрожит. — Я уверен, Андре жив.

Ромеро продолжал с желчью:

— Наши великие предки, создавшие коммунизм на Земле, сражались и победили ради счастья людей, ради того, чтоб создать нам, своим потомкам, справедливое, обеспеченное бытие. Почему мы должны изменять их завету, оставляя заботу о людях, чтоб совать нос в чужие дела? Я понимаю, стоило бы потрудиться, если бы мы могли навсегда истребить все зло и несправедливость во Вселенной. Но это же невозможно! Мы не облетали и тысячной доли одной нашей маленькой Галактики — поручитесь ли вы, что в неисследованных звездных районах нет своего горя? Почему вы берете на себя роль всеобщего наставника и исправителя? Мы не боги, в самом деле, чтобы страдать всеми страданиями мира, печалиться всеми его печальями!..

Я слушал Ромеро и думал, как и он, о наших великих предках. Да, правильно, они боролись, нередко погибали, чтоб создать на Земле справедливый общественный строй — для нас, для тех, кто придет после, не для себя. Сколько их, безвестных людей, отдавших жизни свои за счастье потомков? Разве они оправдали бы нас, наслаждающихся счастьем, созданным для нас трудом и муками многих поколений, и свысока отворачивающихся от страданий и несовершенства жизни подобных нам существ? Да, конечно, всю несправедливость во Вселенной мне не вычерпать, я просто не знаю пока всей Вселенной. Но как пройти спокойно мимо подлостей? Я способен прекратить их, неужели же я не воспользуюсь своей силой? Что это за рассуждение — вопли угнетенных и истребляемых доносятся издалека, я не хочу к ним прислушиваться! Не есть ли оно само одной из форм подлости? Примирились бы с таким эгоизмом наши предки-революционеры, обрекавшие себя на муки, чтоб нам было легко? Почему мы должны быть хуже их? Я хочу быть лучше, а не хуже предков, они жили и боролись и ради того, чтоб я был лучше их, а не хуже! Человечество всегда вела вперед великие, а не низменные идеи! Время подвигов не прошло, нет, подвиги и ныне так же свойственны человеку, как и пятьсот лет назад. И еще одно: разве можно измерять социальную справедливость в километрах? Если над кем-то измываются рядом со мной, это возмутительно я должен вмешаться. А если издевательства в ста километрах от меня? В тысяче? В миллионе? В триллионе? Силовые поля ослабевают на отдалении — таков закон физических явлений, но подлость, отдаляясь, не становится меньше, она не знает обратной пропорциональности к расстоянию. Близо или далеко угнетают беззащитных существ — мое сердце одинаково обливается кровью!

Ромеро с вызовом ждал моего ответа. Я молчал. Спорить с ним было бессмысленно. Тогда он сказал:

— Кстати, о несчастном нашем друге Андре. Вы всё повторяете, что он не погиб, а исчез. Думаю, никто не усомнится, что я с охотой отдал бы собственную жизнь ради его спасения. Но если уж с полной откровенностью, то лучше и для нас, и для всего человечества, и даже для опекаемых вами полуразумных звездных животных, если Андре погиб в борьбе с невидимкой.

— Вы отдаете себе отчет в своих словах, Павел?

— Полностью отдаю. Андре слишком много знает о достижениях человечества. Зато он не знает, что такое пытки — физические и нравственные. Если злореды владеют хотя бы той техникой допроса, которую применяли в темницах древних властителей Земли... Вы меня понимаете?

И на это я не ответил. Я уже думал о судьбе, ожидавшей Андре, если он жив. Милый и гениальный, взбалмошный и добрый, он меньше любого из нас был способен вынести насилие и муку. «Эли! Эли!» — кричал он, исчезая. Почему он? Почему не я? Если бы мне предложили поменяться с ним судьбою, с каким облегчением и радостью я бы согласился!

По звездолету разнесся сигнал боевой тревоги, зазвучал властный голос Леонида:

— Все по местам! В оптике корабли противника.

К бою!

— К бою! — гремело на корабле. — К бою!

По боевому расписанию, мое место около больших дешифраторов МУМ. Я кинулся из клуба, где мы совещались, в наблюдательный зал: отсюда с дешифраторами отличная связь. Рядом со мною, кто отставая, кто обгоняя, бежали к своим предписанным местам другие. Шум продолжался еще минуты две, а потом глубокая тишина оковала звездолет, наполненная великим напряжением тишина!

Мы были к бою готовы.

К бою! Почти пятьсот лет человечество не знало истинного значения этого призыва. Он еще существовал в языке — как диковинное слово из словаря, как звук, как предание, как тема для ученого разговора о прошлом, за ним не стояло единственно важного — действий. Люди моего поколения, пятнадцатого поколения мира на Земле, утратили воинственность. Мы рождались мирными и должны были умереть в вечном мире, — так нам самим казалось. О нет, мы не были изнеженными, духовная расслабленность не источила наши души, — мы просто давно не знали, что такое война. Сила уже не была аргументом на Земле. И мы искренне думали о себе, что из нас вытравлен даже боевой инстинкт.

Но вот жестокие обстоятельства навязали нам бой, и в каждом из нас мгновенно проснулся воин. Собранные и грозные, мы на своих заранее указанных местах молча ожидали нападения. Враг безрассудно ринулся на нас, он должен быть сурово наказан, — так чувствовал каждый из нас. МУМ непрерывно суммировала наши ощущения и мысли, непрерывно докладывала их командиру корабля: нас наполняли одинаковые чувства, мы думали одинаковыми мыслями. Нас было почти сто — женщины и мужчины, старые и молодые, сдержанные и порывистые, серьезные и веселые, — в тот миг, перед первым после четырех с половиной столетий мира человеческим сражением, мы внезапно стали одним огромным человеком — одной несгибаемой волей, одним мощным разумом. Исполинская тишина, полная страсти и напряжения, оковывала звездолет.

Мы были полностью готовы к бою!

И тут мы увидели крейсеры противника.

Вытормозившись из сверхсветовой области в обычную, они выпрыгнули как бы из небытия в мир нормальных тел и масштабов. Что бы Ольга ни говорила об опасности близких гравитационных ударов, главная опасность таится в неожиданности появления врагов.

В данном случае они просчитались. Если бы они скрытно подлетели достаточно близко, нам пришлось бы труднее. Но они обрисовались в десятке миллионов километров. Просчет их тем страннее, что, летя в невидимости для нас, сами они отлично нас видели, как и мы видим те космические тела, к которым идем на сверхсветовых скоростях. Лишь убежденность в собственном могуществе, до сих пор не встречавшем достойного противодействия в их глухом уголке Вселенной, могла привести к такому промаху.

Я насчитал шестнадцать шаров, несущихся к нам со всех направлений на звездную сферу, потом прибавилось еще два, отставших от общего строя. Восемнадцать крейсеров против двух — они могли надеяться на победу! И полностью уверенные в победе, они больше всего заботились, чтоб мы не сбежали. Они замкнули нас в сферу — в кольцо, как говорили наши предки, воевавшие лишь в двух измерениях. И, как принято у всех флибустьеров, злодействуют ли они в крохотном земном море или безграничных просторах космоса, злореды не собирались вступать в переговоры, чтоб выяснить наши намерения, — они обрисовались и немедленно атаковали. И навстречу им снова грянули аннигиляторы Танева, превращенные в защитные батареи.

Если бы я мог рассматривать все эти сцены взглядом стороннего, равнодушного к событиям наблюдателя, они, вероятно, показались бы мне даже забавными. Стремительно наставшие шары вдруг унесло. Генерируемое двумя звездолетами пространство образовало провал в космосе, исполинскую яму в его метрике, и шары барахтались где-то на границе неожиданно разверзшейся бездны, отлетая от нас все дальше. Они по-прежнему

рвались к нам со всех осей на звездную сферу, и на всех осях расстояние между ними и нами увеличивалось. Теперь даже самые тупые из них должны были сообразить, что мы не убегаем, а не подпускаем их к себе: если бы мы убегали, то, удаляясь от одних, сближались бы с другими.

Дешифраторы молчали. В бешеном вихре исторгаемого пространства путались и разрывались любые гравитационные волны.

Когда первая атака крейсеров была отражена и их самих отбросило так далеко, что они почти перестали улавливаться в умножителе, Леонид и Аллан остановили боевые аннигиляторы, чтоб не расходовать активное вещество.

Через некоторое время шары опять появились в зоне видимости, а дешифратор наконец уловил гравитационные волны передач между кораблями противника. Один из крейсеров являлся флагманом. Флагмана одолевали вопросами, он отдавал приказания. Разрушителей ошеломило наше умение генерировать пространство, и способов борьбы с ним они пока найти не сумели. Их флагман намеревался прорваться сквозь толщи разлетающейся пустоты на сверхсветовых скоростях, раз не удались обычные. Я знал, что Леонид получает все данные от машин самостоятельно, но продублировал ему расшифровку.

— Один разок уже прорывались на сверхсветовых, да не вышло, — ответил Леонид. — И сейчас добьются не большего.

Приблизившись на достаточную, по их мнению, дистанцию, шары один за другим ныряли в невидимость. Я не мог подавить чувства беспомощности, когда корабли зловредов стали исчезать. Я снова и снова спрашивал себя все о том же, пытался разрешить все ту же загадку. Вокруг нас на триллионы километров простиралась сияющая звездами пустота, в пустоте, невидимые, бешено неслись к нам восемнадцать смертоносных шаров, — что, если Леонид и Аллан ошибутся и скорость сближения превысит скорость растекания пространства? Что, если вражеские машины, пожирающие пустоту, возьмут верх над нашими, сеющими пустоту вокруг себя? Решение может дать лишь опыт, но опыт — палка о двух концах. Если он повернется против нас, ошибка будет непоправимой.

И когда умножитель зафиксировал появление шаров на пределе видимости, словно гора свалилась с моей души. Но я рано торжествовал. Разрушители оказались пронизательнее, чем я о них думал. Они нашли единственно возможный способ борьбы — навязать нам многократные космические сражения, каких мы долго выдержать не могли. Приборы расшифровали команду флагмана: «Атаковать на обычных скоростях, пока не истощится их способность , создавать пространство». Они хорошо понимали, что генерирование пространства идет за счет ресурсов заранее подготовленного вещества, а не по велению высшей воли, никакие же материальные ресурсы не безграничны. Правда, они не знали, как вскоре показали события, что мы умеем вовлекать в реакцию уничтожения вещества и внешние тела, в том числе и их корабли.

Так продолжалось несколько раз: мы отбрасывали их, генерируя пространство, они ныряли в невидимость и прорывались в сверхсветовой области. С каждым разом их прорывы становились опасней. Теперь они тормозили так близко, что только форсирование всей мощности аннигиляторов спасало нас от гравитационного залпа. Враги не сомневались, что рано или поздно мы станем мишенью для их орудий.

Леонид обратился ко всем на обоих звездолетах с просьбой высказаться через МУМ.

— Имеются две возможности выйти из боя. Первая — прорваться сквозь их окружение и, оставив Плеяды врагу, бежать к Солнцу. Гарантии, что мы прорвемся без боя на уничтожение, дать не могу. Возможно также, что враг пустится вдогонку и навяжет решительное сражение. Вторая — перейти от обороны к нападению. Не сомневаюсь, что нам удастся аннигилировать несколько крейсеров врага. Я знаю, что на одном из них может оказаться наш исчезнувший товарищ. И все-таки мое мнение — атаковать.

Каждый из нас думал в эту грозную минуту об Андре. Мы не торопились принимать решение. На нас лежала ответственность перед человечеством — мы обязаны были вернуться на Землю и рассказать о том, что открыли в далеких районах Галактики. Но и

ответственность за возможную гибель друга, попавшего в беду, мы снять с себя не хотели — мы просто не могли ее снять! Мы понимали, какой сделаем вывод, было только одно решение, но не торопились его высказывать. Мы не перебарывали себя — нам надо было перемучиться.

А затем МУМ объявила, что ни возражающих, ни воздерживающихся нет. Раз нам навязывают сражение, надо его принять.

И снова, уже в последний раз, на всех направлениях небесной сферы вспыхнули восемнадцать быстробегущих звезд. Сражение разыгралось в самом центре Плеяд, под лихорадочным блеском ярчайших светил. Небо пылало и переливалось, звезды исторгались в сиянии. А в неподвижности великолепных реальных светил мчались искусственные светила, стремительные, пронзительно-зеленые. Восемнадцать факелов рушились на нас со всех сторон, они с каждой секундой нарастали. Крейсера противника поняли, что мы готовы принять бой, и стали притормаживать. Они выстраивались по сфере, центром которой были наши звездолеты. Теперь они двигались компактно и с одинаковой скоростью. В зловещем сиянии кораблей вражеской эскадры тускнели и пропадали звезды. От одновременного залпа всех гравитационных орудий эскадры нас отделяли считанные минуты. Все решало теперь, кто сможет ударить раньше — мы или они?

И когда восемнадцать кораблей врага, еще не выйдя в сферу своего прицельного удара, оказались в зоне нашего действия, Леонид и Аллан разом пустили в ход аннигиляторы. Пока это были еще рейсовые, а не боевые аннигиляторы, они лишь уничтожали пространство, врагу могло показаться, что мы сами ринулись на сближение. Но они не дали обмануть себя. Они сразу увидели, что сближаются с нами не в одном, а во всех направлениях. Ими овладела паника. Четыре из восемнадцати звездолетов противника, захваченные конусами исчезающего пространства, быстро оторвались от своих. Их всасывало к нам, мы расшифровали их отчаянные призывы: «Помогите, потеряли управление!» и панические приказы флагмана: «Дайте задний ход! Дайте задний ход!». А затем мы приняли новую команду адмирала вражеского флота: «Бейте из гравитационных орудий! Бейте, бейте — иначе столкнетесь с ними!». Безмерное ликование охватило меня, когда я услышал этот приказ. И перед гибелью они не понимали того, что было им уготовано.

Ни Леонид, ни Аллан не стали дожидаться предсмертного залпа гибнущих флибустьеров. То, что мы увидели и что, несомненно, увидели оставшиеся в живых враги, было грандиозно. Теперь они познали полностью человеческое могущество. В звездном небе ослепительно вспыхнули четыре багровых солнца и тут же погасли, образовав туманные облака. Облака крутились, рассеивались, становились невидимыми — мировая пустота обогатилась четырьмя новыми провалами, зловещие крейсера стали километрами, просто километрами, не газом, не молекулами, не атомами, одной лишенной телесного содержания протяженностью — миллионами километров пустого «ничто»!

Остальные крейсера противника ринулись наутек. Леонид пустил было наш звездолет в погоню за ними, но они унеслись в сверхсветовую область. Перед тем как крейсера зловредов пропали в невидимости, мы приняли гравиграмму их флагмана. «Всем покинуть звездное скопление! Всем покинуть звездное скопление!» — повторялось в приказе.

Я побежал к Ромеро. Я должен был жгучим упреком бросить ему в лицо свою радость.

— Андре ничего не выдал, Павел! Из приказа адмирала ясно, что до последней минуты они опасались простого столкновения с нами, а не аннигиляции.

Ромеро долго смотрел на меня, не отвечая. Я вдруг заметил, что он осунулся и постарел.

— Поверьте, я радуюсь вместе с вами, — сказал он устало. — Хотя, если вдуматься, — чему радоваться?

Я ненавидел его. Он не верил, что Андре мог остаться в живых и не выдать секретов. Для него было одно объяснение — Андре давно мертв.

Плеяды остались за нами.

Это было печальное приобретение.

День за днем, неделю за неделей мы облетали одну звездную систему за другой. На тех планетах, где имелись условия для жизни и где еще недавно жизнь цвела, жизни не было.

Мы явились в Плеяды слишком поздно.

Я удивился, когда БАМ перевела название странных существ инфантильным словом «зловреды». С глухой яростью сердца я убеждался все больше, до чего точен перевод. Там, где они появлялись, появлялось зло. На следы их присутствия невозможно было смотреть. Даже мысль о том, что они существуют в одном мире с нами, становилась нестерпимой. Речь уже не шла о том, чтоб остановить завоевателей. Их надо было уничтожить, найти и уничтожить!

День за днем, неделя за неделей в биноклях умножителя, на стереоэкранах вспыхивали одни и те же картины: густые облака пепла и праха, клубящиеся над планетами, суша, перемешанная с океанами в одно топкое месиво...

Мы попытались высадиться на одной из разрушенных зловредами планет. Это было в звездной системе Алционы — великолепной, празднично-яркой звезды. В недалеком прошлом здесь, вероятно, всего хватало: света и тепла, воды и зелени, воздуха и простора, минералов и еды. В печальном настоящем здесь была пыль, ничего, кроме пыли... Над планетой клубились черные облака тончайшей взвеси. Мы рассматривали планету в приборы, угадывали по горам праха уничтоженные города. Причалив к поверхности, мы едва не утонули в пыли. Пыль текла, как вода, она походила на порошкообразный графит. Нам пришлось возвратиться.

Однажды вечером в клубе звездолета Вера попросила нас высказаться: что делать дальше? Теперь мы знаем, что в Галактике свирепствуют странные полусущества-полумеханизмы, воинственный, технически высокоразвитый народ, говорила она. Мы выбрались на галактические просторы и обнаружили, что они захвачены пиратами. Но еще не все ясно. Где они обитают? Для чего совершают свои нападения? И где похожие на нас существа? Мы видели их в видениях ангелов, на картинах альтаирцев, на скульптурах жителей Сигмы, но не живыми. Может, этого народа, наших потенциальных друзей, больше не существует? Не исключено, что мы оказались зрителями последней фазы космической войны разрушителей с мирными звездожителями, и в ней погибли все противники зловредов. Это еще предстоит выяснить. Вместе с тем пора -возвращаться на Землю. Нужно ознакомить людей с собранными фактами, чтоб решения были объективны.

Вера предложила разделить флотилию. Один звездолет берет курс на Землю, другой продолжает поиски звездных гнездовий раскрытых противников и неведомых друзей. За несколько месяцев мы удалились от Солнца на пятьсот светолет и проникли в Плеяды. Следующий объект разведки, по-видимому, — скопление в Персее, до него четыре тысячи светолет. Экспедиция туда займет не один год, однако она необходима. Пока мы не узнаем, куда исчезла флотилия зловредов, никто на Земле не вправе пребывать в спокойствии.

— Я возвращаюсь на Землю, — закончила Вера. — И вы понимаете почему: предстоят споры.

— Я готова лететь дальше, — объявила Ольга. — «Пожиратель пространства» лучше приспособлен для дальних рейсов, чем «Кормчий». Мы перегрузим к себе часть активного вещества с «Кормчего». Экипаж скомплектуем из тех, кто вызовется в экспедицию.

Она сказала это так просто, словно о путешествии с Земли на Сириус или Альфу Центавра. Другие не торопились с ответом.

Я думал о Земле и Оре, и о звездах, рассыпанных вокруг Земли и Оры. Ничто не тянуло меня особенно на Землю, скорее уж манил Плутон, но и без Плутона я мог бы прожить. Правда, на далекой Веге, на сине-белой Веге, где никогда я не был и вряд ли буду, осталось то, что хоть немного влекло меня назад. Но что переменится, если я поверну вспять? Нас с Фиолой соединяет лишь пустое желание соединиться — у нас нет, дороги друг к другу.

Любовь наша бессмысленна — преждевременна, как по-ученому формулирует Лусин. Зато туда, в далекий Персей, я рвусь всей страстью души, всеми помыслами ума. Где-то там мой друг, он звал меня в последнюю минуту своего существования среди людей. И, может, мне удастся распутать некоторые загадки зловредов, — где же их распутывать, если не у самих противников?

— Я лечу в Персей, — сказал я.

Ромеро и Лусин решили возвращаться на Землю. Труба Лусин брал с собою.

А потом наступил день расставания. Расставание было невесело. Вера обняла меня, я поцеловал ее. Я не был уверен, что увижу ее. И с ней я мог не скрывать печали.

— Вера, все может быть в такой дальней дороге, — сказал я. — Запомни мое последнее желание — Ромеро нужно опровергнуть. Если люди не выйдут на помощь звездожилителям, грош цена человечеству.

Она с нежностью смотрела на меня сквозь слезы.

— Люди помогут всему доброму и разумному, что нуждается в помощи. Нет, Эли, человечеству не грош цена.

Последними, с кем я попрощался, были Камагин и Громан. Отважные маленькие космонавты, наши предки, были взволнованны, как и мы.

— Три года назад, четыреста двадцать земных лет, мы расстались с Землей, — сказал Камагин. — Сами мы мало с той поры переменились, Земля и люди неузнаваемы. От души желаю вам в межзвездных странствиях большей удачи, чем выпала на долю нам.

— А вам доброй встречи на Земле, — ответил я. — И доброй новой жизни на ласковой зеленой старушке, на вечно молодой Земле!

— Прими подарок в дорогу, — сказал мне Аллан.

Он протянул связку старинных книг, главное свое сокровище — журналы двадцатого века.

Мы с Ольгой сидели в обсервационном зале. Очертания «Кормчего» быстро уменьшались на фоне звездного неба, вскоре без приборов его нельзя уже было разглядеть, хотя Аллан включил все прожекторы.

— Вот мы остались в одиночестве, — сказал я. — И сколько, продлится наше одиночество?

— Я не боюсь одиночества, — сказала Ольга. — Я могу летать хоть на тот свет, только я не знаю, где он находится — тот свет.

Изумленный, я повернулся к ней. Она с улыбкой смотрела на меня. У меня было ощущение, словно я сделал что-то нехорошее. Я снова стал всматриваться в звезды.

— Эли! — позвала она тихо. — Эли!

— Да! — отозвался я, не отрываясь от неба. — Вспорем Звездным Плугом Вселенную, Ольга! И кто знает, может, нам удастся что-нибудь разузнать об Андре.

16

По графику, разработанному МУМ, путешествие до звездных скоплений в Персее должно было продлиться свыше года при скорости в пять тысяч раз превышающей световую. Подобных скоростей еще не достигали, но Леонид с Осимой не сомневались, что рекорд удастся.

— Один Аллан наполовину уменьшал нам ход, — доказывал Леонид. — Его звездолет — тихоня.

Унесясь из досветовой области, Леонид дал волю страсти к быстроте. Если бы уничтожаемая пустота издавала звуки, по всей Галактике разнесся бы треск разрываемого пространства. Но мы летели в великом молчании космоса. Впереди сероватой дымкой чуть проступало двойное скопление в Персее, много, много месяцев должно было пройти, пока оно из тусклой дымки превратится в скопище светил.

Все знают, что галактические просторы пусты. Одно — знать, другое — ощущать. При

перелете с Земли на Ору я не почувствовал пустоты, звезды удалялись и приближались, рисунок созвездий менялся. Исполинскою пустотой дохнуло на нас лишь в полете на Плеяды, день уходил за днем, неделя за неделей, мы тысячекратно обгоняли свет — за бортом все оставалось тем же. Но, лишь удаляясь от Плеяд, я полностью понял, как бездонно пуста Вселенная! Уже через неделю великолепное скопление, три сотни звезд, собранных в кучу, превратились в такой же моточек сияющей шерсти, каким оно видно с Земли. Теперь, когда за моей спиной остались многие тысячи светолет пути, я понимаю, что мироздание не то, каким оно представляется на школьной парте. Звезды, как и люди, — коллективисты, они теснятся друг к другу. А вне этих звездных коллективов — безмерная «пустейшая пустота», как называет ее Леонид. И если в пустоте попадает одинокая звезда — это событие. Мы иногда встречали такие шальные звезды, чаще темные карлики, ни одного гиганта и сверхгиганта — звезда вылетала из мрака, неизвестная, мы пронеслись мимо, зная о ней уже все важное и неважное. Ни на одном из таких светил не было признаков жизни. Жизнь в Галактике дар более редкий, чем тепло и свет.

Теперь я имел свое кресло в командирском зале, рядом с дежурным командиром. Дешифраторы ловили каждую волну и вспышку, протоны и нейтроны, гравитационные и электрические поля. Их информация поступала в МУМ, та отдавала команды автоматам, а я вслушивался в эту неустанную исследовательскую работу, ставил механизмам дополнительные задания. Обычно я дежурил с Ольгой, мы часами молчали, вглядываясь в звездное небо, мысленно переговаривались с подчиненными нам машинами. Я все более узнавал другую Ольгу, не ту, что порядком надоедала мне в школе, не ту, что вела ученые разговоры в веселой компании, — спокойного, решительного, проницательного командира, Я учился у нее. Сейчас все это в прошлом, но я с радостью вспоминаю дни совместных дежурств.

Каждый день я уходил в гравитационную лабораторию. Я запускал механизмы, дешифраторы ловили их импульсы, МУМ рассчитывала результаты. Излучения мозга зловредов, записанные Андре, гравиграммы напавших на нас крейсеров. просматривались все снова и снова.

Я считал эту работу главным своим делом. Раньше Андре делал все сам, мы лишь помогали ему. Мы подсмеивались над его скоропалительными теориями, снисходительно одобряли его прозрения, а про себя были спокойны. Рядом с нами бушевал огромный разум, он непрерывно порождает и выбрасывает наружу ослепительные идеи. Он жадно ухватывал каждую загадку, бился, пока не разрешал ее, — зачем нам было тревожиться? Все, что возможно сделать, сделает он, и сделает лучше, чем любой из нас, — так чувствовал каждый. Теперь Андре не было. Исчез гениальный генератор новых идей. Его надо было заменять, хотя бы частично. У меня и в помине не было вдохновенной легкости Андре. Но я неустанно, непрерывно размышлял — я хотел заменить трудом его интуицию. Там, где он одолевал простор неизвестности двумя-тремя исполинскими прыжками, я пробирался ползком, петлял, возвращался обратно и снова полз вперед. Во всяком случае, я был настойчив.

Я садился на диван, закрывал глаза, тысячи раз возвращался мысленно все к одной картине. Мы сжали полями слабеющего головоглаза, он отчаянно гравитировал своим: «Помогите! Помогите!». Его гравитационные призывы уходили с нормальной световой скоростью, с той же скоростью возвращались ответы. Можно вычислить по времени, разделявшему призыв и ответ, расстояние от Сигмы до крейсера, вышедшего им на помощь. Но крейсер, летя в сверхсветовой области, раньше ночи добраться не мог, — так он сообщал. Сколько дней или недель светового пути разделяло их? А зловред беседовал с крейсером так, словно тот стоял рядом.

«Что же это такое? — спрашивал я себя. — Что может двигаться в пространстве, не уничтожая его, со сверхсветовой скоростью?»

Я пытался разрешить эту загадку даже во сне. Как-то я запустил дешифратор на излучения своего мозга, и он записал, что, и сонный, я бьюсь мыслью все над тем же. Все во

мне без перерыва работало над проблемой, весь я, бодрствующий и отдыхающий, был заведен, как автомат, на ее решение, а если и приходилось отвлекаться, то я слушал и отвечал, а про себя продолжал рвать тенета грозной загадки.

И мало-помалу, еще смутное, стало вырисовываться решение. Оно было до того просто, что я вначале в него не поверил. Но все пути вели в одну точку, все логические нити завязывались в один узел. Я передал найденную гипотезу МУМ. МУМ известила, что гипотеза непротиворечива и может быть принята за исходную посылку. Я вышел наконец на верную дорогу. Путь до точного результата был еще нескор — я знал, что пройду его до конца.

Я попросил к себе Ольгу. Она пришла в лабораторию, долго слушала, не прерывая, потом сказала:

— Итак, ты считаешь, что этот загадочный агент связи, мгновенно проносящийся сквозь пространство, — само пространство?

— Да, само пространство. Вернее, колебания плотности пространства. Только изменения пространства могут распространяться в пространстве со сверхсветовыми скоростями — вот моя мысль.

Ольга продолжила дальше мою гипотезу: — Мы научились превращать вещество в пространство и получать из пространства опять вещество. Короче, мы оперируем крайними точками — создавать и уничтожать... А между ними спектр разнообразных состояний, возможно, не менее важных, чем крайние точки... Надо искать, Эли, надо искать — всем нам, не тебе одному.

От восторга я расцеловал Ольгу в обе щеки. Это было лишнее, конечно. Она растерялась, как девчонка, пойманная на шалости, хотя виноват был я, а не она.

— Не сердись, — сказал я с раскаянием. — Я от души, Ольга.

— Я не сержусь, — ответила она. грустно. — Разве ты не заметил, что я не умею на тебя сердиться?

17

В этот вечер я долго не засыпал. Я думал об Андре. Он похвалил бы меня за открытие волн пространства. Я редко достаивался его похвал, когда мы были вместе, но сейчас он похвалил бы меня, я в этом не сомневался. Он лучше любого другого, лучше меня и Ольги, мог оценить значение открытия.

Андре стоял передо мной. Я слышал его голос. Я закрывал глаза, чтоб лучше видеть и слышать его. Он ходил по комнате, взмахивал вычурными локонами и спорил со мною. Он был, как всегда, немного смешон и очень мил. Я говорил с ним и, стискивая зубы, плакал. Он был в беде, а я не мог помочь ему.

«Ты тяжелодум, Эли, — говорил он сердито. — Насмешливый ум сочетается в тебе с изрядной тупостью. Если бы я высказал то, к чему ты с таким трудом добрался, ты, для начала, поиздевался бы надо мною. Ты встречал усмешкою любую мою идею, — разве не так?»

«Не так, — защищался я. — Будь справедлив, Андре, не так! Я многое принимал сразу».

Он безжалостно опроверг меня. В жизни он не был таким жестоким, как в моих мечтах о нем. Он не мог быть сейчас добрым — он был теперь вечным упреком мне.

«А невидимки? — говорил он. — Невидимки, Эли? Разве ты не расхохотался, когда услышал о них?»

«Да, невидимки, — отвечал я. — Это правда, я изумился и рассмеялся. И я жестоко наказан, что не поверил в твоё прозрение и не позаботился сразу о защите. Мы все наказаны, Андре, все!»

«Другие мои идеи ты высмеивал тоже, — заметил он. — Вспомни получше, Эли».

Я стал вспоминать его идеи и теории. Их было много, час бежал за часом, бессонная

ночь плелась, как старуха. Я больше не спорил с Андре, я вникал в его мысли. Я был готов принять любую из них по одному тому, что ее высказывал он. Я подводил под них фундамент, подбирал убедительные доказательства — я запоздало оправдывался перед Андре. Я вспоминал, как он блестяще обосновал удаление Гиад от всех звезд мира. Спыхальский, наверно, уже послал экспедицию проверить его гипотезу, и экспедиция безусловно доказала, что Гиады рушатся в искусственно созданный провал в мировом пространстве. Как могло быть иначе? Андре так запальчиво отстаивал эту мысль, он не мог ошибиться!

А потом я припомнил его гипотезу происхождения людей, так жестоко раскритикованную Ромеро. Она стала мне дорога также и тем, что Ромеро на нее ополчился. Я хотел, обдумать ее в деталях, по-серьезному обосновать. Но доказательства не подбирались, вместо, мыслей возникали картины, они становились сложнее и ярче. Я тешил себя придуманными историями, разыгрывал фантастические вариации на заданную Андре тему и упивался ими, как некогда, на Земле, индивидуальной музыкой.

Я опять закрывал глаза, чтоб видеть отчетливее, мной овладела, полудрема, полубред. Я возвратился на Землю, в далекое прошлое Земли. Я вижу дикие леса, каких давно не существует. У подножья холма лежит на боку старинный космический корабль. Из разорванного его чрева вываливаются лестницы, бочки, ящики, незнакомые механизмы. По небу мчатся растрепанные тучи. Дико кричат обезьяны. Я кожей ощущаю влажную жару, тяжело повисшую в воздухе придуманного мною уголка Земли.

Навершину холма взбирается старик, я точно такого же видел на стереоэкране в Оранжевом зале. Он высок, строен, сед, у него лучистые глаза, не по-человечески большие, — хороший, ладный старик. Он осматривается и мрачнеет. Ему не нравится место, куда угодил корабль.

К нему приближаются двое молодых. Первый тоже из тех, кого я видел в Оранжевом зале. Второго я не знаю, я его придумал. Впрочем, он похож на того, убитого, с картины альтаирцев.

«Ну и попали! — говорит первый из молодых. — Надо же было так удариться! Ремонт займет тысячи две местных лет. Лаборатории мы захватили, но заводы остались дома».

«Нужны помощники, — говорит второй. — Нас двадцать, на все не хватит рук. А здешние живые существа, кажется, доросли лишь до того, чтоб прыгать с ветки на ветку. Они добывают пищу, поедая один другого, работают клыками, а не мозгами».

Старик успокаивает их. В общем, получилось неплохо. Удалось выбрать планету, похожую на их собственные: здесь сносные температуры, умеренная гравитация, имеется кислород в атмосфере, много воды и зелени. Уже одно то, что можно ходить без защитных костюмов, чего-нибудь да стоит! А заводы — что ж, и заводы можно построить — примитивные, конечно.

«Без помощников?» — прерывает первый. Он удивлен спокойствием старика.

«Будут помощники. Посмотрите на этих хвостатых существ, орущих в листве деревьев. Когда-то и мы начинали развиваться с подобных таким же. Миллионов через пятьсот здешних лет и они самостоятельно разовьются в подобных нам. Почему бы, нам не подтолкнуть процесс эволюции?»

«Сколько на это требуется лет, подумай! — говорит второй. — Мы не бессмертны. Половина из нас перемерет здесь». Он, конечно, не догадывается, что ему суждено погибнуть в другом месте.

«Будем торопиться. Я, наверно, не доживу до отлета, но вы покинете эту планету».

И вот они берутся за дело. Одни ищут руды, другие заделывают пробойны и налаживают механизмы, третьи отлавливают обезьян и экспериментируют с их зародышевыми клетками, меняют их генетические коды. Сразу вывести подобных себе не удастся, обезьяны не тот народ, что в одно поколение вырастают в богов, — засучив рукава небесные путешественники трудятся, творя из животного человека по своему образу и подобию. Кое-что получается, еще больше провалов. Удалось убрать хвост, выпрямить

спину, укоротить руки — вот он, угрюмый питекантроп, получеловек, полузверь, нет, не подойдет, у него мала способность к усовершенствованию, кибернетический анализатор показывает это ясно. Наконец появляется настоящий человек, сразу все варианты — черные и белые, курчавые и прямоволосые, пигмеи и гиганты. На этот раз, кажется, вышло, нет, и на этот раз не выходит! Я слышу спор галактов. У них производственное совещание — обсуждают творение человека. Я мысленно разглядываю их. Как они все похожи на нас!

«Разве это человек? — возмущается один. — Поглядите на чертеж — что общего между замыслом и осуществлением? На бумаге — человек, а за той загородкой — зверь! Я протестую против такой работы!»

«Ближе к делу! — требует председательствующий. — Какие у вас конкретные возражения? Так мы проболтаем до рассвета!»

«Тысячи возражений! Первое — абсолютная неприспособленность к жизни. Он без шерсти, без когтей, без клыков, без рогов. Как ему добывать пищу, как передвигаться, как защищаться? Поглядите на его пальцы, это же сучки, а не пальцы, разве они похожи на наши? А глаза? Какие-то щелки, а не глаза. Мне страшно глядеть на него, а вы твердите — по образу и подобию!»

«Все же он подобен нам, — говорит старик. — Подобен, но не тождествен. Вы забываете о главном — в человеке осуществлена поистине грандиозная возможность к усовершенствованию. Посмотрите таблицу способностей, рассчитанную машиной. Если у собаки принять способности к усовершенствованию за единицу, то не найдется ни одного животного, у кого она поднялась бы выше десяти. А у человека она равна 1595660800! Вы это понимаете? В миллиарды раз выше, чем у любого животного! Я скажу больше — в сотни раз выше, чем у нас с вами! Я считаю, что мы создали чудо разума, а не человека».

«Пока это чудо глупости и неприспособленности, — зло кричит кто-то. — Ваш разумный человек — дурак. Я пытался внушить этому голому дикарю понятие о некоторых матрицах тяготения и аффинных преобразованиях пространства, он хлопал зенками и скулил. Тогда я подвел его к корыту с жратвой — и вы посмотрели бы, как он кинулся. Тут он не хлопал глазами. Пройдут миллионы лет, прежде чем ваше чудо природы сообразит, что у него есть кое-какие способности. Предлагаю отклонить предъявленную нам модель человека и продолжать поиски.

«Голосую предложение — человека не утверждать, — говорит председательствующий. — Другие предложения имеются? Вроде нет. Кто за? Против? Воздержался? Итак, человек отвергается всеми голосами при одном воздержавшемся. Какие будут пожелания к новой модели, которую предстоит запустить в работу?»

Снова поднимается первый:

«Мне думается, не следует гоняться за внешним подобием, практически оно не выдерживается и превращается в уродство. Нам нужны не сверхъестественные способности, а реальная жизнеспособность, быстрая сметка, цепкая хватка! Предлагаю новую модель сотворить с максимальной приспособленностью к любым условиям жизни».

«Возражений нет? Принято, — говорит председательствующий. — Секретарь, пишите: снабдить следующую модель шерстью, когтями, клыками, рогами, копытами... что бы еще там? Хвостом, чтоб цепляться за ветки... Как назовем модель? Там, в углу, — я слушаю вас».

«Свободна буква «д», — доносится голос. — Может, так — дурень, дурман, дьявол...»

«Дьявол звучит неплохо, — решает председатель. — Итак, запускаем в производство дьявола на базе неудавшегося человека. Остается решить последнее — что делать с сотворенными людьми?»

«Истребить! — слышатся голоса. — В землю! К чему плодить незащищенных уродцев?»

Против этого опять протестует старик. Он напоминает разбушевавшемуся собранию, как много благородных начал вконструировано в человеческий мозг. Пусть люди живут, пусть проходят нескорый путь усовершенствования. Им много дано, с них много получится.

«Не нами! — шумят в зале. — Нам они ни к чему!» «Резон тут есть, — говорит

председательствующий. — Истреблять людей не стоит. Если добрая основа, заложенная в них, разовьется, человек устоит в жестокой борьбе за существование. А возьмут верх неудачи и недоработки, что же, жалеть о гибели этой модели не придется».

И вот людей изгоняют из аварийного лагеря небесных инженеров и ученых, из рая, где обезьяну переконструировали в человека. Отныне он будет рождаться в муках, трудиться в поте лица своего, изнемогать под бременем забот и болезней. А взамен появляется усовершенствованная модель — умный, ловкий, работающий дьявол. Тут уж нет сомнений — модель удалась. Хвостатое и рогатое существо мастер на все руки: и скачет, и пляшет, и прыгает с ветки на ветку, и ныряет в воду, и проползает в земные расщелины. Его можно видеть лесу и в поле, у моря и у кратера вулкана, он особенно любит эти местечки с их серным дымом и пламенем, ему там тепло и ароматно. Старательный и услужливый, истинный черт своего бога, он насмехается над неудачами изгнанных в самостоятельное существование людей, а те мстят ответной ненавистью — не дай бог черту попасть в человечесьи лапы: мигом разорвут в клочья! И когда галакты наконец выправляют поломки корабля, они прихватывают с собой и созданных ими дьяволов; у тех встает дыбом шерстка при мысли, что придется остаться один на один с неудавшейся людской породой.

«Прощай, неустроенная планета! — торжественно говорит старик. — Я верю, что зароненное нами зерно даст плоды. Хотя я и дожил до возвращения, но до яркого твоего расцвета, человек, не доживу. Живи и совершенствуйся».

Он машет мне рукой, этот добрый старик, а я в ответ смеюсь и раскрываю глаза, до того забавны придуманные мною картины. И тут меня охватил стыд. Я намеревался обосновать мысли Андре, доказать самому себе их правдивость, а вместо того иронизировал над ними. Не может быть, чтоб все здесь было неправильным, сказал я себе с раскаянием, у Андре не бывало такого, чтоб все неправильно, он преувеличивал, но не заблуждался.

Я вызвал МУМ.

— Проанализируйте мысли о галактах, некогда переконструировавших обезьяну в человека. Проверьте все картины, возникшие в моем мозгу, и дайте им оценку. Только, пожалуйста, одним словом, не люблю ваших — с одной стороны, с другой стороны...

МУМ ответила одним словом:

— Чепуха.

— Ну, хорошо, пусть не одним словом, — сказал я. — Может, годится хоть для грубой гипотезы?

На этот раз МУМ ответила так:

— Годится лишь для фантастической повести.

Я вспомнил, что другая МУМ, на Оре, точно так же оценила эту идею Андре. С моей стороны не было никакого издевательства над памятью Андре.

Успокоенный, я заснул.

18

Весь тот год, что мы летели к двойному скоплению Персея, я был погружен в исследования свойств пространства. Переоборудованная лаборатория вскоре мало чем отличалась от завода. От рейсовых и боевых аннигиляторов лабораторные механизмы разнились лишь мощностью, те измерялись миллионами альбертов, эти, маленькие, порознь не развивали и миллиарда киловатт. Я сам настаивал на такой крохотной мощности. Я не хотел, чтоб в результате моей неосторожности наш звездолет превратился сам в один из тех провалов в пространстве, какие мы устраивали с другими телами. Мои механизмы не уничтожали пространство, но меняли его плотность, далеко не добираясь до границ, где пространство концентрируется в вещество и вещество распадается на пространство.

Я не буду описывать подробности опытов. Неудачи и успехи зафиксированы в памяти МУМ, пусть обратятся к ней, кто интересуется. Важно одно: бесчисленные эксперименты установили, что колебания плотности пространства подчиняются волнообразным законам.

Мы получали сферические волны, конические, цилиндрические — кинжальный луч, пронзающий простор. И лишь один из законов колебательных движений не оправдывался для волн плотности пространства — они распространялись всегда со сверхсветовой скоростью. Световой барьер был для них низшей границей. Мы получали волны пространства, в миллионы раз более быстрые, чем свет, а можно было идти и выше. Сам свет являлся предельным случаем волн пространства, этим объяснялось его загадочное постоянство в движущихся системах. Мы вступили в удивительный, никому на Земле не ведомый, мир!

А когда открытие было изучено, мы смонтировали цех новых машин — генераторы волн пространства, приемники и дешифраторы депеш, передаваемых этими волнами. Теперь мы могли принять любое возмущение — от околосветовых, когда пространственная волна шла на низком уровне, готовая превратиться во вспышку света, и до высоких, распространявшихся со скоростями, в миллиарды раз превышающими световую. Отныне злореды незамеченными подкрасться к нам не могли. Они оставались невидимыми в оптике, но не в пространственных волнах. Борьба слепого со зрячим перестала нам грозить. И теперь я снова удивился, до чего высокая организация у этих чудовищных существ, что были названы разрушителями, или злоредами. По анатомическим снимкам их тел мы определили, что сердце у каждого было не только гравитатором и гравитационным орудием, но и совершенной станцией волн пространства.

Ольга мечтала об организации диспетчерской службы звездоплавания.

— Ныне звездолет отчалил и — пропал, ибо он движется быстрее света. Вскоре эти трудности отпадут, словно их и не было. Как на Земле Справочная знает о каждом, где он и что с ним, так и диспетчер на Оре будет знать состояние любого звездолета, сколько бы тысяч светолет ни разделяло их. Отдавать команды кораблям в другой край Вселенной, немедленно получать ответы, — голова кружится — так это грандиозно!

А я вспоминал Андре, тосковавшего о Жанне и не увиденном им Олеге. Нет, сколь радостней была бы его жизнь, умей он сноситься с дорогими ему людьми. Нигде не чувствовать себя непреодолимо отрезанным от близких, быть здесь, в новом мире, и мгновенно переноситься туда, в мир старый, — разве не осуществляется в этом мечта о вездесущности?

— Слушать Землю! — сказал я. — Видеть Землю!

Везде быть с Землей!

19

А затем произошло то, что уже не раз происходило в нашей галактической одиссее и что должно было стать привычной и скучной картиной, но вместо этого каждый раз представляло неожиданным, грандиозно-прекрасным явлением.

Двойное скопление звезд Хи и Аш Персея, тусклая дымка, долгий год не менявшая ни формы, ни размеров, ни яркости, вдруг ожила и пошла в рост. Скопление менялось на глазах и на диаграммах, менялось ежедневно, потом ежечасно, росло, раскидывалось, звезды в нем укрупнялись, наливались сиянием, горячели. Наступил час, когда передняя полусфера была вся заполнена светилами Персея, лишь позади оставались посторонние звезды. А потом наступил и их черед исчезать, скопление, расширяясь на вторую полусферу, расступалось перед нами.

Дежуривший в этот знаменательный час Осима стал сбрасывать скорость.

Мы вторглись в пределы одного из величайших звездных скоплений Галактики. Оно явственно распадалось на два коллектива звезд. Небо по экватору сферы прорезала темная полоса, делившая эти коллективы, — светил и в темной полосе было, однако, больше, чем на любом участке земного неба. Направо разворачивалось скопление Аш, налево — скопление Хи, тысячи гигантских и мощных звезд. Небо скоплений не светило точками, но пылало кострами — я различал буквы в формулах в сиянии сверкающего неба Персея. Здесь никогда

не бывает глухих земных ночей с тускло мерцающими льдинками наверху, даже в затемненных залах предметы становились отчетливыми, когда на экранах вспыхивали звездные прожектора скоплений.

Для осторожности мы мчались по экватору, в полосе темноты, разделявшей скопления, и не выходили из сверхсветовой области.

Несколько дней прошли без новостей, никто на звездах не показывал, что мы замечены, ничего присутствия мы не открыли. Вокруг многих светил имелись планеты, но они были далеко от нас.

А затем приемники волн пространства уловили слабые импульсы. Периодически налетавшие сгущения и разрежения пространства складывались в одну и ту же, сызнова повторяющуюся фразу. Мы предположили, что это вопрос: «Кто вы такие?», именно об этом в первую очередь должны спросить неизвестные корреспонденты. Дешифраторы, приняв за основу такое чтение, дали набросок кода. Код мало отличался от тех, что вводились в наши машины. Стало ясно, что мы сумеем объясняться с незнакомцами, колеблющими пространство сигналами.

Я уже хотел налаживать связь, но Ольгу страшило, не провоцируют ли нас противники на откровенность. Может случиться, что мы передадим в руки врага тайны защиты от них. Ее поддержало большинство экипажа.

— Чепуха! — сказал я, и со мной согласился Леонид. Вместе мы переубедили несогласных. Зловредам невыгодно раньше времени показывать, что мы замечены, их орудия действуют на ближней дистанции — они постараются подпустить нас поближе. Кто бы ни искал с нами связи, это не враги.

В качестве основы нашего кода мы, как и наши предшественники при встречах с разумными существами, взяли таблицу элементов. В последующие дни генераторы пространственных волн передавали ее по всем направлениям, откуда приходили сигналы. Я не сомневался, что, когда мы закончим сообщения, начнут они.

И сразу же после наших передач в пространстве понеслись новые волны плотности, но не речь к нам, а, скорее, переговоры между собою. Неизвестные существа запрашивали и отвечали, в чем-то убеждали друг друга, — так, во всяком случае, мне представилось, и МУМ меня не опровергла. Звезда разговаривает со звездой, существа, обитающие на звездах, согласовывают отношение к нам, думал я, разглядывая записи возмущений плотности. Мы углублялись в скопление, стократно обгоняя свет, а вокруг тревожно пульсировало пространство, споря, кто мы такие.

— Мы поворачиваем влево, — сказала в один из дней Ольга, когда мы вместе вышли на дежурство. — Будем исследовать скопление Хи, оно вроде плотнее звездами, чем скопление Аш. Есть что новое, Эли?

— Пока нет. Таинственные переговоры продолжаются. Но мы записываем все возмущения пространства и, когда расшифруем язык передач, сможем прочесть, о чем шли беседы.

В этот день звездожители снова непосредственно обратились к нам. Я понял это, взглянув на запись. Они перечисляли элементы таблицы Менделеева, повторяя, что недавно генерировали мы, но уже на своем языке. Дешифраторы превратили первый набросок кода в ясную расшифровку. Теперь у нас был общий язык.

А затем я продиктовал одобренную экипажем телеграмму: «Мы идем издалека. В созвездии Плеяд нас атаковало восемнадцать космических кораблей. Видели ужасные разрушения на планетных системах, где имелаась развитая жизнь».

Ольга и я находились в лаборатории волн пространства, когда была принята новая депеша. Дешифраторы звездожителей работали не хуже наших. Корреспонденты, пытавшиеся наладить с нами связь, передали ответ: «Вас поняли. Немедленно поворачивайте обратно. Вам грозит гибель. Вырывайтесь на полной мощности».

Потрясенный, я молча глядел на Ольгу. Она побледнела, у нее перехватило дыхание.

— Как это понимать?.. — начал я, но не кончил.

По кораблю разнесся сигнал боевой тревоги. Леонид и Осима требовали Ольгу и меня в командирский зал.

20

Когда объявляется боевая тревога, полная информация о положении, в спокойное время доставляемая лишь в командирский зал, передается каждому члену экипажа, и МУМ непрерывно суммирует и обобщает все мнения. В эти часы командиром становится коллектив, и номинальный командир корабля обладает властью лишь в той мере, в какой выполняет коллективную волю экипажа, в ней же собственная его воля имеет важное, но не окончательное значение.

Леонид был мрачен, но спокоен. Осима казался расстроенным. Мы с Ольгой заняли свои места, и Осима объявил:

— Мы шли на скорости в сто десять единиц. Я приказал автоматам затормозить на двадцать процентов.

Когда они выполнили программу, оказалось, что скорость не восемьдесят девять, как следовало бы, но девяносто шесть. Вокруг нас само по себе исчезает пространство, примерно на семь световых единиц.

Ольга раздумывала. Непонятное исчезновение пространства, возможно, имело отношение к полученному), грозному предупреждению. Но зачем кому-то ускорять наш полет, когда и так мы летим со сверхсветовыми скоростями?

— Сейчас нам нужно срочно решать, что делать дальше, — сказала Ольга. — Продолжать углубление в звездную гущу или вырываться назад, как советуют неведомые друзья?

— Или враги, — возразил Леонид. — Я не уверен, что депеша от друзей. Я предлагаю продолжить рейс.

МУМ передала, что экипаж поддерживает Леонида. Было обидно после долгого путешествия бежать неизвестно отчего. На Земле не поняли бы такого поступка. Даже новая депеша наших загадочных корреспондентов: «У вас еще есть время спастись! Вы катитесь к гибели!» — не поколебала нас. Я передал наш ответ: «Продолжаю рейс. Объясните, в чем усматриваете опасность?».

— А пока они соберутся с мыслями, мы постараемся сами дознаться, что происходит, — сказала Ольга. — Придется варьировать скорость. Для начала добавим единиц тридцать.

Когда автоматы завершили заданную программу, мы шли на ста двадцати единицах. Дополнительного исчезновения пространства не наблюдалось. Если раньше кто-то стремился убыстрить наш полет, то нынешняя скорость звездолета его удовлетворяла.

— Снова сбросим эти тридцать единиц, но по этапам, — скомандовала Ольга.

На перевале через стократную световую скорость появились признаки постороннего воздействия. По мере того как мы тормозили, постороннее воздействие увеличивалось. Собственная скорость звездолета уменьшилась до шестидесяти единиц, суммарная скорость равнялась семидесяти пяти, на пятнадцать дополнительных единиц нас что-то прищипывало. Некоторое время мы неслись с этой сложной скоростью — не сбрасывали собственной, нам не увеличивали дополнительной. «Зловреды сжимают мир», — вспомнил я сообщение, переданное Спыхальским на Землю. Вот оно, их сжатие мира, думал я. Они вычерпывают собственное звездное пространство, чтоб подтянуть нас на дистанцию гравитационного удара. Они рискуют нарушением космического равновесия своего мирка, лишь бы расправиться с противником.

— Полностью заглушить аннигиляторы хода, — скомандовала Ольга. — Погасить инерцию полета тормозными устройствами.

Вскоре ни одного альберта не расходовалось не движение. Но звездолет продолжал лететь со скоростью в двадцать пять световых единиц. Кто-то энергично пожирал разделявшее нас пространство.

Приемники уловили новое сообщение. На этот раз оно было расшифровано с трудом. Появились помехи, одна волна плотности перебивалась другою. «Попали конус сжатия... опасность... стяжение до тридцати двух световых... есть еще время... окраина... всей мощностью выброситесь... беспощадные... к сожалению, бессильны... возвращайтесь...»

— Совет их ясен, — задумчиво сказала Ольга. — Они рекомендуют выбираться, пока еще есть время и мощностей хватает.

— И враг, притягивающий нас к себе, забивает их передачи, чтоб до нас не дошли советы друзей, — добавил я.

— Лично я считаю, что надо делать обратное тому, чего добивается враг, — продолжала Ольга. — Я бы все-таки выбралась пока из скопления. Возвратиться мы всегда сумеем.

Леонид с раздражением заговорил:

— Не понимаю, что тебя страшит? В депеше сказано, что предел стяжения пространства — тридцать две световых единицы. Мы же развиваем пять тысяч единиц! Если понадобится, мы прорвемся сквозь их тридцатикратный заслон, как носорог сквозь парусину.

Я по-прежнему настаиваю на продолжении экспедиции!

Ни одно из ее заданий пока не выполнено!

Леонид, когда с ним спорят, легко впадает в неистовство. Его черная кожа сереет, глаза становятся белыми, рот хищно раскрывается. И если имеется много возможностей, он выберет ту, что всего ближе к драке. В древности он был бы полководцем воинственного племени. В битве его охватывает вдохновение. Но пока до битв не дошло, к советам его следует относиться с осторожностью. Впрочем, в данном случае я был на его стороне.

Ольга повернулась ко мне:

— Эли, а волны пространства?

Я понимал, что ее тревожит. Если мы погибнем, то погибнет и наше открытие, так нужное человечеству. Сколько времени пройдет, пока до него доберутся другие? Человечество станет выше на голову, когда воспользуется тем, чем мы у себя уже свободно пользуемся, — имеем ли мы право безрассудно рисковать его благом? Но кто доказал, что риск наш безрассуден?

— Я за продолжение экспедиции. Поводов для паники пока не вижу.

— Пусть снова решает МУМ, — сказала Ольга.

МУМ сосчитала, что один командир звездолета за возвращение назад, все остальные члены экипажа требуют продолжения рейса.

— Мне остается подчиниться, — хмуро проговорила Ольга.

Леонид приказал запускать аннигиляторы. Мы бурно устремились в центр звездного скопления Хи.

21

Я хорошо помню свое состояние во время вторжения в гущу гигантской звездной кучи. Я и понятия не имел тогда, что рискованная наша экспедиция едва не закончится трагически для звездолета, а сам я на долгие месяцы превращусь в инвалида. Но у меня было невесело на душе. Я оглядывал пылающую звездную сферу, и все у меня внутри ныло — это я хорошо помню.

Я сидел с краю, рядом Леонид, за ним Ольга и Осима. Скорость корабля нарастала, и все вокруг плавно менялось. Звезды казались уже не точками, а горошинками, сверкали, как маленькие луны. У особенно ярких светил можно было наблюдать корону. Плотность звездного населения в скоплении в сотни, если не в тысячи раз превышает ту, к какой мы привыкли в районе Солнца. Но все это великолепие было грозно: таинственной опасностью несло от величественной картины.

Мои размышления прервал Осима:

— Траектория звездолета направлена на светило, видимое под углом сорок пять

градусов.

Он указал на звезду, сверкавшую впереди и сбоку. До нее было несколько светолет, но яркостью она превышала все известные мне до того звезды, абсолютная ее светимость была выше, чем у наших Антареса и Бетельгейзе. Это был типичный красный сверхгигант. А рядом виднелись другие звезды, послабее, — вместе они составляли компактную группку.

— Уважаемая МУМ наврала, — откликнулся Леонид. — Я и не думал прокладывать курса к той звезде.

Она останется в стороне.

Я рассматривал звезду в умножитель. У нее имелось три планеты. Все три показались мне странными. Они слишком интенсивно блистали. Анализаторы определили, что планеты не каменные, а металлические.

В пространстве разыгрывалась свистопляска возмущений плотности. Кто-то без устали генерировал волны, кто-то с энергией забивал их. Дешифраторы не смогли разобраться в путанице сообщений и помех. Одно лишь многократно повторенное слово: «Нельзя! Нельзя!» — удалось выудить из хаоса.

— Неведомые друзья отчаянно пытаются донести до нас какое-то сообщение, неведомые враги бешено противодействуют, — сказал я.

— Несомненно, сообщение их связано с той звездой, — откликнулась Ольга. — Она уже под углом в тридцать пять, а не сорок пять градусов. Нас сносит на нее, а кто-то предупреждает, что идти к ней нельзя.

— Назовем ее Угрожающей. Название ей соответствует.

Леонид, убедившись, что МУМ не ошибается, выправил курс. Теперь Угрожающая убегала назад. Я задремал в кресле.

Когда я проснулся, раздраженный Леонид препирался с Осимой. Оказалось, впереди раскрылась кучка звезд, белые и красные гиганты такой же неистойвой светимости, что и Угрожающая. Нас сносит к ним при полностью выключенных аннигиляторах, пространство между нами интенсивно уничтожается. МУМ установила, что мы попали в область высокой кривизны и движемся по геодезической линии в неизвестную точку. Кривизна пространства непостоянна, похоже, таинственные наши враги свободно меняют ее, то увеличивая, то уменьшая.

— Надо повернуть и прорваться сквозь кривизну, — настаивал Леонид. — Когда мы разнесем в прах созданную ими криволинейную метрику, они прекратят попытки диктовать нам направление полета.

— Я более высокого мнения о их возможностях и упорстве, — возразила Ольга. — Но у нас нет другого выхода, как круто отвернуть в сторону.

Пока Леонид с Осимой отдавали команды, Ольга продолжала разговор со мной:

— Боюсь, мы попали в затруднительное положение, Эли. Что зловреды глубже нас проникли в природу тяготения, я знала. Но что они меняют метрику мирового пространства — для меня неожиданность. Мы пока и мечтать не можем о чем-либо подобном.

— Ну, не мирового, а пока лишь своего межзвездного, — возразил я. — В их красочном скоплении так много вещества и так мало пространства, что не составит большого труда устроить любую кривизну в любом месте.

Я и сам понимал, что объяснение мое легкомысленно. Ольга хмуро качала головой.

Маневр Леонида удался. Искусственная кривизна была взорвана аннигиляторами звездолета. Разинувшая на нас пасть звездная кучка — я назвал ее Недоброй — покатила вправо. Анализаторы показывали, что пространство на новой трассе мало отличается от евклидова. Леонид ликовал. Наш корабль не даром назван Звездным Плугом! Он мощными бороздами вспарывает космос, все конструкции и структуры пространства, называемые метрикою, трещат, когда он движется напролом. Ольга рассердилась на него:

— Я не уверена, что криволинейность уничтожена нами!

— Ты споришь против очевидности, Ольга!

— Нисколько. Возмущения метрики пространства производятся, очевидно,

сверхгигантскими механизмами. Предположи, что механизмы остановлены, когда мы изменили курс.

— Но почему? Ты способна объяснить — почему?

— Во всяком случае, догадываюсь. Мы свернули как раз туда, куда нас привлекают, и теперь достаточно прямолинейной дорожки, чтоб попасть в западню.

Даже Леонида проняло. Замолчав, он мрачно уставился вперед. Впереди было пылающее крупными светилами черное небо. Такое же небо было и слева, где осталась Угрожающая, и справа, откуда мы бежали, чтоб не угодить в созвездие Недоброе.

— Идите отдыхать, — сказала Ольга Леониду и мне. — Пройдет немало часов, пока выяснится, что нас ждет на новом пути.

Мы пошли в столовую. Леонид набрал холодное молоко и бутерброды с яйцами, я выстукал салат и орандж. Мы ели молча, погруженные в невеселые мысли. За наш столик уселись два механика из отделения аннигиляторов. Леонид сказал:

— Эти чертовы зловерды хитрее, чем я о них думал.

— Они быстро заставят нас израсходовать запасы активного вещества, — заметил один из механиков, молодой, с веселыми глазами, из тех, кто в любом происшествии ищет прежде всего хорошее. — Мы слишком часто меняли сегодня режим хода.

— Вы принимали решение со мною, — зло сказал Леонид. Он так сверкнул глазами, что я встревожился, не начнется ли ссора.

— Мы соглашались с вами, вы — командир. Не думайте, что я протестую. Я размышляю о будущем.

Второй механик, худой, угрюмый, с большим носом и тонкими губами, в разговор не вступал, но было ясно, что он поддерживает товарища. Леонид ушел, к себе. Сомневаюсь, чтоб ему хорошо отдыхалось.

Я бродил по кораблю. Приемники по-прежнему записывали без расшифровки сумбур возмущений. В обсервационном зале было полно свободных от дежурств астронавтов. Меня окликнули. Я был допущен в командирский зал и нес свою долю ответственности за то, что совершалось там.

— Ребята, ситуация вам ясна, — отвечал я на посыпавшиеся вопросы. — Нас крутит меж этих чертовых звезд.

МУМ потребовала нового решения. Скопление Хи складывало свои тысячи звезд из тесных кучек в десяток-другой светил. Нас снова сносило в одну из кучек. Анализаторы фиксировали исчезновение пространства на трассе и значительное искривление его.

Ольга просила санкции на перемену курса.

Сидевшие в зале молчали. МУМ, суммировавшая наши настроения и мысли, доложила, что экипаж поддерживает командира. Третье изменение курса воздействовало на всех сильнее, чем первые два. Даже оптимисты стали понимать, что происходит неладное.

Я ушел в парк и уселся на скамью. В парке шла весна, нарядная, как на Земле. Семь времен года расцвели и отшумели с того дня, как я опустился на ракетодром этого корабля, — всего семь времен, неполных два года, а мне представлялось, будто столетие прошло во мне, — так все переменилось.

Надо мной цвела, капая клейковиной с листьев, высокая березка — на земле очерчивался влажный круг. В кривой, низенькой яблоне, в белых вишнях и абрикосах мерно, как заведенные, гудели пчелы. Закрыв глаза, можно было спутать деревья с запущенным аннигилятором, тот гудит тем же ровным бормочущим гудом. Мне стало душно от неподвижного запаха цветущих деревьев, от сирени, обступившей пруд, от терпкого аромата каплюющей березки, я мысленно попросил ветерка, ветерок пронесся, шумя ветвями и травой, все вблизи тонко запело, закачалось, жарко задышало, ароматная духота унеслась, и я открыл глаза на маленький мирок сада, так совершенно имитирующий далекую Землю. И тогда я почувствовал, что сам стал горек, как березка, я ощутил свой собственный аромат и вкус, словно прикоснулся к себе жаждущими губами, но был сух и бесплоден, меня не обсыпали пчелы, лишь мысли мерно гудели во мне, как большие аннигиляторы Танева во

чреве галактического корабля...

— Какая чепуха! — сказал я, тряхнув головой, чтоб сорвать опутавшую меня паутину расслабленности. — Какая чепуха!..

Я пошел к себе. Надо было по-настоящему отдохнуть, не раскисая. Весна сейчас не для нас. Я предпочел бы суровую зиму наших предков — темные холода, пронзительно острые ветры. Свиристые погодки ближе отвечают создавшейся обстановке.

Дома я засел за журналы Аллана. Было странно читать о трудностях и страхах космонавтов двадцать первого века. Они мчались в великом безмолвии космоса, чувствуя себя безмерно одинокими, если в миллиарде километров им не мерцала приветливая планета со звездолетной станцией. Да и этот жалкий миллиард километров — каким он воображался неисчислимым! Нет, нынешние трудности — не чета прежним. И мы ужасаемся не пустоте и безмолвию, а скорее противоположному: космос густо населен опасными существами, — так нам теперь представляется. Потом мне стало стыдно своих мыслей. У каждой эпохи свои задачи, свои подвиги.

Я задремал над журналами, и меня разбудил вызов. Леонид требовал меня в командирский зал.

Он был сер и возбужден. За несколько дней, что мы провели в Персее, он похудел, как в старину худели лишь от болезней. Голос его дрожал от ярости. Он ткнул пальцем в звездную сферу:

— Нас: вторично несет на Угрожающую! Мы замкнули круг в этом чертовом скоплении!

22

Слова его я воспринял сразу, но значение их оценить быстро не сумел. В то мгновение я лишь отчетливо понимал, что Леонид вне себя и в таком неистовстве командовать кораблем не должен.

— Подумаем, а потом будем решать, — посоветовал я.

И, водя биноклем по сфере, нарочно не торопился, чтоб дать ему время успокоиться. В оптике разворачивалась картина, похожая на ту, что мы видели, когда впервые пролетали мимо Угрожающей. Как и тогда, мы отстояли от жгуче пылающей звезды в месяцах светового пути.

В сверхсветовой области пространство было прозрачно.

Если злореды и готовили нападение на нас, то они не спешили.

— Нужно поворачивать, — сказал Леонид. — Куда поворачивать? Что это даст? Сколько будут продолжаться наши блуждания среди звезд?

Он рассказал, что в дежурство Ольги с Осимой опять началось искривление пространства, каждый час метрика становилась другой. В результате курс насильственно искажен, и вместо того, чтоб оставить Угрожающую далеко вправо, корабль устремился ей в лоб.

— До нее еще далеко, — заметил я. — Есть срок подумать. На всякий случай надо приготовиться к отражению гравитационных ударов.

Леонид остановил аннигиляторы хода. Теперь мы летели лишь потому, что кто-то впереди уничтожал пространство. Суток через трое, если ничто не изменится, мы, не тратя ни грамма энергии, прямехонько влетим в планетную систему Угрожающей.

— Если я дам обратный ход, их аннигиляторы не удержат нас, — сказал Леонид.

— Нас и не будут удерживать. При обратном ходе мы возвращаемся в центр скопления, зачем же нас удерживать? И еще одно ты забываешь, Леонид. Аннигиляторы у них, пожалуй, слабее наших, зато они легко меняют метрику и наносят неотразимые гравитационные удары. Если все их умения соединятся в один выпад, нам не поздоровится!

В зале появились Ольга с Осимой. Время было слишком тревожное, чтоб соблюдать чередование дежурств. Ольга и раньше не сомневалась, что нас вынесет на Угрожающую.

— Их план ясен. Они будут мотать нас меж звезд, пока не истощатся запасы, питающие аннигиляторы. А тогда подтянуть нас под удар какой-либо планетной системы будет просто.

— Если злореды не торопятся, то и нам нечего пороть горячку, — сказал я. — Мы примчались в Персей, чтоб узнать о них побольше, пока же только удираем то от одной, то от другой звезды. Давайте продолжим курс на Угрожающую и рассмотрим, что это за штука.

— Резон тут есть. Но и опасности есть. Попробуем все же.

Всю эту ночь и половину следующего дня звездолет с отключенными аннигиляторами неся на зловещую звезду.

«В оптике крайней планеты крейсера противника», — передала в полдень МУМ.

Я рассматривал в умножителе металлические планеты. Две внутренние были свинцовые, третья, наружная, блистала оболочкой из золота. Поле тяготения вокруг Золотой планеты в тысячи раз превосходило то, какое было бы, если бы она состояла вся из золота: ядро планеты, видимо, было из сверхплотной плазмы. Гравитационные поля других планет были обычны.

Корабли противника кружили над Золотой планетой, словно ее спутники. Это были точно такие же чудовища, как и те, что атаковали нас в Плеядах. Я пересчитал их — крейсеров было десять.

— Интересно, где они сейчас? — сказала Ольга. — Ведь мы от них неделях в трех светового пути. Мы видим картину прошлого.

— В сверхсветовом пространстве их нет, об этом свидетельствуют приборы. Успокойся, Ольга, нас пока никто не атакует.

Еще внимательней, чем Золотую планету, я рассматривал две внутренних. Они были мне знакомы. Картины этих планет Андре расшифровал в предсмертных видениях головоглаза. Унылая металлическая равнина, металлические горы, металлические сооружения, похожие на здания... Где-то там, на мертвых свинцовых полях, в глубинах свинцовых недр, томятся пленники, может, и Андре среди них...

— Автоматы зафиксировали все, что можно разглядеть. Пора поворачивать, — сказал Леонид.

Он пустил аннигиляторы на обратный ход. Некоторое время мы висели неподвижно, борясь с всасывающим действием Золотой планеты — именно от нее исходили силы, уничтожающие пространство, две свинцовые на этот процесс не влияли, — потом вырвались из пропасти, куда нас втягивали. Леонид все усиливал ход. Спустя короткое время мы мчались на тысяче световых единиц. Ольга сделала замечание Леониду. Среди густо сбившихся звезд такие скорости небезопасны.

Леонид огрызнулся:

— До любой из звезд — месяцы светового пути.

Надо уйти подальше от этих металлических планет.

И вообще из этого скопления!

— Еще недавно ты рвался сюда, — напомнила Ольга. — Наконец-то ты понял, что мы не подготовлены для путешествия в этом опасном скоплении. А ты, Эли?

Я думал о том, что надежда легко найти Андре в звездном гнездовии наших врагов была наивна. Он, конечно, жив, его похитили не для того, чтоб уничтожить, но он мог быть на любой из тысяч планет, — как узнать, на какой? Не то что сразиться со всеми планетами, просто облететь их на одном звездолете невозможно.

— Я за возвращение, — сказал я.

— Запросим мнение экипажа и подумаем: каким путем вырываться? — сказала Ольга. — По-моему, наилучший район — Угрожающая, за ней пустой космос, откуда мы прибыли.

Пока МУМ опрашивала экипаж, мы удалились от металлических планет. Впереди открылась очередная кучка звезд, где нас, по-видимому, ожидали: звездолет сносило в их сторону. Леонид повернул корабль обратно на Угрожающую. Он повеселел. Как и всегда в часы больших испытаний, его охватило боевое вдохновение.

— Мы так промчимся мимо этого злоредного светила, — сказал он, — что никто из

них и не моргнет глазоголовками. Я собираюсь побить собственные рекорды скорости.

Он начал разгон издалека. Один за другим оживали аннигиляторы хода. Еще никогда «Пожиратель пространства» так мощно не пожирал его. За нами вился широкий шлейф газово-пылевой туманности. Параллаксометры показали скорость в три тысячи световых, потом четыре и пять, — воистину, мы били собственные рекорды. Угрожающая, вырастая, сверкала слева. Мы прорывались мимо нее не рейсовым ходом, а пронзительным ударом в шесть тысяч световых единиц. У меня пересохло во рту, громко билось сердце. Даже хладнокровный Осима непроизвольно вскрикивал. Лишь Ольга, молчаливая, глядела все вперед, на летевшую к нам сбоку Угрожающую.

Мы побеждали, это было ясно! Угол на Угрожающую увеличивался, она уже не неслась навстречу, а отходила в сторону. Я готов был закричать «ура», но в этот момент МУМ передала о бурно нарастающей кривизне. С каждой минутой кривизна увеличивалась. Звездолет по-прежнему уничтожал миллионы кубических километров пустоты, сжигая ее в золу космического газа и пыли. Но -все это совершалось внутри непонятной нам, далекой от евклидовой метрики. Мы не вырывались наружу, а круто поворачивали по продиктованной нам кривой.

Угрожающая все отходила назад, теперь она была перпендикулярна оси полета. Зато во вращение пришли другие светила, звездная сфера поворачивалась. Точка, куда мы устремились, вырываясь наружу, была уже не впереди, а позади. Мы описали около Угрожающей гигантскую полуокружность и ворвались обратно в центр скопления.

Леонид в ярости ударил кулаком по креслу. Лицо его дико перекосилось.

— Они сильнее! — рычал он. — Они сильнее нас!

Ольга схватила его за плечо. До этого случая я не подозревал, что она способна сердиться.

— Стыд! Немедленно прекрати истерику! Они не сильнее нас, но мы безрассудны!

23

Ее окрик подействовал отрезвляюще не на одного Леонида. Почти у всех у нас сдали нервы. Еще никогда мы так не форсировали мощности, а нас даже не отшвырнуло — просто повернуло.

— Я требую спокойствия! — властно сказала Ольга.

МУМ донесла ее настояние до экипажа. — Положение осложнилось, но не безнадежно. То, что не удалось около Угрожающей, может удалиться в другом районе.

И у нас еще есть последняя возможность — прорываться с боем!

Звездолет, завернув вокруг Угрожающей, вторично неся в созвездие Недоброе, откуда мы поспешно удирали. Ольга повернула звездолет вправо от него. Между созвездием Недобрым и развернувшей нас обратно Угрожающей густо пылали рассеянные звезды — такой представилась нам картина этого участка сферы.

Вскоре обнаружилось, что нас увлекали не все звезды. От некоторых вырывался гигантский конус аннигилируемого пространства, засасывающего звездолет. Мы поспешно уходили от этих активных светил. Недоверие к ним превратилось в боязнь, когда на одном мы обнаружили систему таких же металлических планет, как вокруг Угрожающей, а на планетах — крейсера зловредов. Нас подтягивали поближе для нанесения удара по звездолету, — сомнений не было.

Зато встречались и другие светила. От них не исторгались конусы уничтожаемого пространства, они не стремились засосать нас к себе. У этих светил тоже встречались планетные системы, но планеты походили на наши солнечные, а не на металлические шары зловредов. Мне показалось, что на одной из них я вижу города.

— Надо прорываться в районе неактивной звезды, — решила Ольга. — Нам попытаются помешать, и придется действовать похитрее.

Новый план прорыва был таков: сперва прощупывание преград на небольших

скоростях, потом бросок той же силы, что и мимо Угрожающей. Вокруг неактивных звезд искривить пространство труднее, чем в районах, населенных зловредами, рассуждала Ольга, мы прорвем их заслоны там, где они послабее.

Враги не хуже нас соображали, чего мы хотим. Они поймали нас в звездную мышеловку и не собирались выпускать. Они меняли кривизну межзвездных просторов с непостижимой легкостью и энергией. Нас даже не подпустили к неактивным звездам, к ним не было прохода в пространстве. Мы нацеливались на них, но пролетали мимо. А когда нас выворачивало в сторону, впереди опять появлялась зловещая активная звезда и мы различали вокруг нее металлические планеты и флотилии космических крейсеров.

Ольга проанализировала тактику зловредов:

— К неактивным звездам они закрывают дорогу весьма решительно, — очевидно, здесь существует реальная возможность выхода наружу. Но к активным светилам присасывают, в общем, без особой энергии.

Очевидно, они поджидают, когда мы выдохнемся. Нам надо сыграть на их ожидании и повернуть их план против них.

В полусумраке командирского зала лицо Ольги казалось очень решительным. Она, единственная среди нас, ни на секунду не теряла бодрости.

— Что ты придумала, Ольга?

— Скоро увидишь, Эли.

Приемники пространственных волн продолжали ловить возмущения пространства, одну передачу удалось частично расшифровать: «Продолжайте... Не безграничны заслоны... единственный...» Эта депеша была уловлена, когда мы штурмовали кривизну в районе одной неактивной звезды. Наши звездные друзья не знали, что нам приходится экономить активное вещество.

Удалившись от кучки Недоброй, мы штурмовали серию неактивных звезд неподалеку. Атаки не усиливались, а слабели. Мне сгоряча вообразилось, что запасы активного вещества в самом деле уже на исходе, но Ольга успокоила меня:

— Пусть и у врагов создается то же впечатление, что у тебя. Не возражаю, если они поражаются, что мы выдыхаемся.

Еще через некоторое время звездолет стал сбрасывать скорость. Если кривизну мы штурмовали на пяти-шести тысячах единиц, внутри скопления двигались на сотнях, то теперь скорость превышала световую всего в десятки раз. И тогда Ольга объявила, каков ее замысел. Зловреды искривляют пространство, когда мы пытаемся проскочить мимо активных звезд, но не препятствуют сближению с ними. Значит, надо идти на присасывающую звезду, а потом, вблизи, ударить по ее планетам боевыми аннигиляторами. Превратить планету, металл она или сверхплотная плазма, в гигантскую яму пространства и вырваться сквозь новосотворенную, пустоту наружу — другого не остается.

Я знал, что Ольга задумала что-то смелое. Я предполагал, что она собирается навязать бой космическим крейсерам зловредов. То все же было испытанное дело, Леонид с Алланом уничтожили уже четыре вражеских корабля, удастся справиться и с сорока, если иного выхода не станет. Но уничтожать планеты!.. У человечества имелся опыт создания планет, на одну Ору люди потратили труд двух поколений. Но ударить по шарiku, раз в пять превышающему Землю по объему, в тысячи раз — по массе! По металлической планете, защищенной собственными механизмами, флотилией галактических кораблей и, быть может, коллективной поддержкой других так же мощно вооруженных космических тел!

Ольга спокойно опровергала посыпавшиеся отовсюду возражения. Расчеты пока в нашу пользу. Запасов активного вещества хватит на поражение любой планеты, какова бы ни была ее масса, мощность одновременного удара аннигиляторов обеспечивает практически мгновенный распад объекта, нужно лишь подойти на достаточную дистанцию. Ну, а об этом позаботятся сами враги. Пусть они подтягивают нас к себе — на свою голову!

— Повторяю, других шансов вырваться у нас нет! — сказала Ольга. — Еще десяток кругов в звездном скоплении, еще два десятка ударов о заборы их кривизны — и,

обессиленные, мы станем добычей разбойников.

Ольга получила затребованные полномочия на космическое сражение.

— Командование во время прорыва я беру на себя, — закончила она. — Я не хочу обижать мужчин, но для битв вы малопригодны, друзья. Вы слишком темпераментны и неустойчивы. Отдохните, нам предстоят тяжкие испытания. Пусть каждый исполнит свой долг, как говорили предки.

Мне кажется, Леонид даже обрадовался, что не он будет командовать сражением. После неудачного прорыва мимо Угрожающей он в какой-то степени потерял уверенность в себе.

24

Каждый из нас мыслью и чувством ускорял сближение с врагами. Но Ольга не увеличивала, а сбрасывала скорость. Мы уже не неслись, мощно сматывая впереди себя пространство, но еле плелись на дне сверхсветовой области. Еще несколько торможений — и мы должны были перевалиться по ту сторону светового барьера, став видимыми для любого наблюдателя с телескопом. Мне так и думалось, что Ольга собирается вынырнуть в досветовую область, превратив корабль в обычное тело, подчиненное законам элементарной механики. Но она преследовала иные цели.

Со стороны наш звездолет, вероятно, казался материальным комком отчаяния и безволия, мечущимся почти без энергии то сюда, то туда. Но как бы мы ни метались и ни меняли направление, появившаяся в пространстве кривизна сама задавала нам траекторию на Угрожающую.

В третий раз нас несло на нее. Какие-то чудовищные механизмы деятельно работали, перетасовывая геометрию космоса, чтоб мы угодили в разверзшуюся пасть. И Ольга покорно вела звездолет по предписанному пути, даже не делая попытки рвануться вбок. Конечно, мы понимали, что она обманывает врага, но то было понимание разума, а не чувства. У меня все холодело, когда я глядел, как свирепо вырастает зловеще красная Угрожающая. Еще ни разу нас не выворачивало так прямо в лоб на нее.

Безвольный полет корабля продолжался до тех пор, пока искривление пространства не сменилось его уничтожением. Опять из Угрожающей вынесся конус аннигилируемой пустоты, и нас стало засасывать. Звездолет, словно очнувшись, рванулся назад. Нас снова зажал в тиски неэвклидовой метрики. С каждым разом действия врагов становились увереннее, наше сопротивление слабело.

И наконец настал момент, когда мощности звездолета не хватило, чтоб вырваться из охватившего его конуса. Из тридцати генерировавшихся врагами световых единиц мы сперва погашали движением вспять двадцать четыре, потом двадцать, пятнадцать, десять... Мы боролись, обреченно боролись, перед тем как погибнуть, — так это должно было представляться со стороны... Вскоре у нас уже не было собственной скорости, нами полностью командовала чужая воля. И стало ясно, куда нас тащат. Угрожающая понемногу отклонялась от оси полета. Нас несло на Золотую планету — базу вражеских крейсеров, под удар ее гравитационных механизмов.

Если можно говорить об облегчении в эти тяжелые минуты, то я испытал облегчение. На Золотой планете, кроме зловредов с их любовью к большой гравитации, ничто живое существовать не могло. Никому из их пленников не грозило уничтожение. Борьба будет до конца честной — враг против врага.

Ольга оторвала меня от умножителя:

— Что там видно, Эли? — Руководя работой всех механизмов корабля, она сама редко бралась за бинокль.

— Всё те же крейсера.

— Они не летят навстречу?

— В сверхсветовой области пространство чисто.

— Скоро сорвутся. Золотая планета уменьшает аннигиляцию. Очевидно, они считают, что можно уже не гнать нас форсированно на убой. Через несколько минут они убедятся, что рано нас хоронят.

Эти несколько минут тянулись долго. И когда они исчерпали себя, началось то, чего мы с такой тревогой ожидали и что так торопили мыслью. Ольга запустила ходовые аннигиляторы, и Звездный Плуг ринулся по прямой на Золотую планету. Рекорды нарастания скорости, поставленные Леонидом около Угрожающей, были сметены. Предварительный расчет и близко не подходил к тому, что с таким хладнокровием, так решительно проделывала Ольга. Я не знаю, сколько прошло минут, велся ли вообще счет на минуты, может, это были лишь замедлившиеся в сознании секунды, но корабль перелетел за шесть тысяч световых единиц, а скорость все увеличивалась, — мы атаковали, в семь тысяч раз обгоняя свет!

И тут мы увидели, что зловерды поняли свою ошибку. В сверхсветовой области появилось десять рванувшихся навстречу точек. Я видел две разные картины. Вокруг Золотой планеты хищно кружили десять боевых крейсеров врага, — так показывали бинокли умножителя в обыкновенной оптике, но реально было уже не так. Оптика с ее медленным светом давала картину давно прошедшую. В действительности все они, эти десять крейсеров, как спущенные с цепи псы, яростно пожирали простор — мы четко локировали их волнами пространства. И я не мог не удивиться мужеству наших врагов.

Нет, я не перестал их ненавидеть! В зловердах сконцентрировано общественное зло, открытое нами в космосе. К злу нельзя относиться по-доброму, с ним нельзя примириться, его немисливо уважать. Презрение, ненависть, истребление — вот единственное, чего оно заслуживает. Но зловерды были храбры, это надо признать. Они могли бы разлететься от обреченной планеты. На спасение собственных жизней тем, кто сидел в крейсерах, хватило бы и времени и скорости. Вместо этого они бросились на верную собственную гибель, чтоб попытаться уберечь от уничтожения оставшихся на планете.

И, вспоминая все, что тогда произошло, я не перестаю удивляться, почему их отчаянно смелый план не удался. Во всяком случае они были близки к его осуществлению, так угрожающе близки, что, может, лишь тысячных долей секунды им не хватило для успеха.

Мной овладело смятение, когда я увидел эти несущиеся навстречу смертоносные точки.

— Ольга, атакуй! — крикнул я.

— Рано! — ответила она. — Рано, Эли!

— Атакуй! — молил я, охваченный страхом. — Пойми, они обгоняют собственные гравитационные удары! Каждая секунда промедления — это новые волны перегрузок, что обрушатся потом!

— Гравитаторы смягчат их! — сказала она непреклонно. — Я не могу слишком рано атаковать, чтоб не упустить планету с оси. Планета, не корабли, закрывает выход на волю, не забывая этого!

Наша скорость складывалась со скоростью крейсеров, точки, появившиеся в сверхсветовой области, стремительно росли, превратились в тела. И тут не выдержали нервы у Леонида.

— Больше нельзя, Ольга! — закричал он хрипло. — Ты погубишь звездолет, Ольга!

— Еще не время! — ответила она.

Он схватил Ольгу за руку. Он был вне себя.

— Я командир, как и ты! Слышишь, Ольга, я не позволю!

Она вырвала руку. Голос ее был резок:

— Приказываю всем: спокойствие! Не смей отвлекать меня!

И опять некоторое время была мутная тишина, звенящая тяжело бьющейся в жилах кровью. Галактические крейсера противника приобрели контуры. Они были в часах светового пути, в секундах нашего иступленного космического бега. И в этот момент Ольга включила боевые аннигиляторы. Тела на экранах волн пространства мгновенно расплылись в

туманности, завихрились, слились в одно мерцающее пятно. И, пронесясь сквозь то, во что они превратились, мы увидели в оптике десять ярко вспыхнувших и тут же погасших звезд. Флотилия врага больше не существовала, от нее ничего не осталось, кроме воспоминания. Я забыл в тот миг о выпущенных крейсерами гравитационных залпах, зловереды далеко обогнали собственные удары, стремясь на сближение с нами.

Теперь мы видели лишь медленно выраставшую в оптике обреченную Золотую планету, отчаянно генерирующую, как показали потом приборы, защитные гравитационные поля. А затем мы ворвались в полосу гравитационного залпа погибших крейсеров, и оказалось, что наши гравитаторы не способны его отразить. Меня сжало, дыхание вырвалось стоном, около меня застонал Осима, Леонид чертыхнулся. Эта первая волна была самой слабой, крейсера выпускали ее перед уничтожением, и, очевидно, мощности их орудий тогда иссякали. Не сомневаюсь, что и сами они знали об ослаблении своих ударов и дальнейшее сближение преследовало лишь одну цель — столкновение лоб в лоб, взаимное уничтожение.

Зато вторая полоса перегрузок была так мощна, что у меня не хватило дыхания на стон. Я был раздавлен, пронзительная боль разрывала клетки тела. Рядом со мной хрипел опрокинувшийся Леонид, он потерял сознание, может, был уже мертв. Лишь Ольга, вцепившаяся руками в поручни кресла, сумела удержать себя от потери сил. Она знала, что должна быть в ясном сознании, и сохранила ясное сознание.

— Ольга! — прохрипел я, силясь приподняться. — Ольга, третьего удара!..

— Держись, Эли! — крикнула она, задыхаясь. — Держитесь, друзья! Сейчас мы их уничтожим!

Третья волна перегрузок обрушилась на нас в момент, когда я увидел распад проклятой планеты зловередов. Огромный диск вспыхнул в сверхсветовой области и тут же разлетелся в клочья, превратившиеся потом в туман. А в оптике мы увидели гигантский взрыв, столб пламени, вырвавшийся из недр планеты. Ольга точно рассчитала, беспощадно нанесла удар. Все было кончено в доли секунды. Ужасной планеты, преградившей своими чудовищными гравитационными механизмами выход из звездного скопления, больше не существовало. Взамен ее зияла новая яма в пустоте, провал в космическом пространстве. И последним, что я видел, теряя сознание от третьей гравитационной волны, налетевшей слишком поздно, чтобы спасти зловередов, было видение унесенной далеко в сторону, превратившейся снова в красноватую точку, никому теперь не грозной Угрожающей, и чистое небо, сияющее далекими звездами, чистое небо, великолепный Млечный Путь — гигантский простор мироздания!

Мы вырвались из звездной тюрьмы, едва не ставшей нашей могилой, на волю, в космос.

Часть третья

Земля

...Теперь мой час:
Земля передо мной почти нагой
Почти уснув, темна и горяча,
Лежит. Она моя. Моя до боли!
Прекрасен мир! Как счастлив я, что мог
Все видеть в нем, все знать в нем в полной воле.
Как будто я не человек, а бог!

А. Танев

1

— Эли! — звал меня голос. — Эли! Эли!

Я хотел откликнуться, хотел сказать, что жив, все слышу. «Я, кажется, ослеп, но в остальном все хорошо! — хотел крикнуть я этому голосу. — Я сейчас встану, не зовите так отчаянно, мне тяжело! — думал я. — Оставьте меня в покое!» — молил я молча.

Мне казалось тогда, что мысль моя четка. Сейчас, просматривая записи излучений мозга, я вижу, что разум мой еле мерцал, его озаряло лишь чадное тление бесформенного бреда. Я десять раз умирал, и десять раз меня возвращали к жизни, пока я сам — сперва неуверенно, потом все настойчивее — не стал цепляться за нее.

— Эли! — взывал ко мне голос. — Эли! Эли!

Он не оставлял меня. В темном внешнем мире ничего не было, кроме голоса, он и был всем этим миром. Тесный, кричащий, беспокойный мир. И я наконец откликнулся на его призыв. Я открыл глаза.

Около кровати сидели Ольга и Осима. Они всматривались в меня.

— Он приходит в себя! — сказала Ольга шепотом»

Я снова закрыл глаза. Я измучился, поднимая броневые плиты век. Мне надо было отдохнуть от затраченного усилия. Но во мне надрывался все тот же голос: «Эли! Эли!». Я застонал.

— Перестань! — прошептал я, снова раскрывая глаза.

Ольга молча плакала, Осима тоже утирал слезы. Внешний мир внезапно расширился и замолк.

— Друзья! — сказал я и попытался подняться.

— Лежи! — сказала Ольга. — Тебе нельзя двигаться, Эли.

Но меня охватил страх. Я вспомнил кроваво-красную Угрожающую. Мне надо было убедиться, что мы удаляемся от страшного скопления Хи в Персее...

— Лежи! — говорила Ольга, глядя мои руки. — Ты ничего не увидишь. Мы далеко от того места.

— Где мы? — спросил я. — Сколько времени прошло от битвы?

Я успел услышать, что до звездных скоплений в Персее три тысячи светолет, и опять впал в беспамятство.

Так началось мое выздоровление.

2

Я учился быть живым: раскрывать глаза, слушать, отвечать, принимать пищу. Потом к этому добавилось постижение ходьбы. Это была нелегкая наука. Много месяцев прошло, пока я стал похожим на остальных.

Случилось так, что мне досталось больше всех. Третья гравитационная волна была мощна, однако у других не перемешало ткани и не раздробило кости. Человек восемь потеряли сознание, среди них Леонид, — они пришли в себя, когда звездолет вырвался на простор.

— Я тоже лишилась чувств, — сказала Ольга. — Это случилось, когда я увидела, в каком ты... Я вспомнила, как ты молил расправиться с крейсерами поскорее...

Мы были в парке. Я сидел в коляске-авиетке, Ольга стояла рядом. В парке распускалась сирень, наступала третья походная весна, пахло землей. Ольга исхудала, была бледна и кротка. В дни выздоровления я узнал, что она способна часто плакать. Это меня трогало, но не было приятно. Мне хотелось бы видеть не вздрагивающую от страшных воспоминаний, а прежнюю рассудительную, невозмутимо ровную Ольгу, а еще лучше ту, какой она раскрылась в Персее, — мужественную, пронзительно-проницательную... Я пошутил:

— Во всяком случае, и мы поступили со зловредами весьма зловредно. Думаю, все в этом мерзком скоплении трепещут, что мы можем возвратиться.

— Почему ты называешь его мерзким? Разве ты не говорил, что оно красиво? И не все его жители со страхом помышляют о нашем возвращении. У нас там есть друзья.

— Ты о галактах?

— О них, Эли. Помнишь неактивные звезды, от которых нас так энергично отбрасывали зловреды?

— Значит, галакты населяют эти звезды? Это точно?

— Ты в этом убедишься сам, когда познакомишься с обработанной МУМ информацией. И дружеских звезд в скоплениях Персея больше, чем населенных зловредами. Другое дело межзвездный простор — им, по-видимому, безраздельно владеют они. К сожалению, наши приемники маломощны и на отдалении связь на волнах пространства прервалась.

Я напомнил о сражении с Золотой планетой:

— Наши враги так до конца и не знали, на что мы способны. Иначе они побоялись бы сближения со звездолетом.

Она раздумывала, потом осторожно проговорила:

— Почему ты вспоминаешь об этом?

— Так — вспомнилось...

— Ты думаешь, Андре еще жив? Мы ничего о нем не узнали и не смогли ему помочь... Ты ведь и сам в Персее высказался за возвращение...

— Тогда не могли помочь, поэтому и проголосовал за возвращение.

— По-твоему, с тех пор положение изменилось?

Я сделал вид, что устал от разговора. Мне не хотелось раскрывать, что тревожило меня. Пока мы не прибудем на Землю, ничто не будет известно достоверно.

3

В один из дней, когда я кое-как ковылял по аллее парка, Леонид сказал, что хочет со мной поговорить. Я догадался, о чем он собирается говорить.

— Хочешь здесь? Или пойдем ко мне?

— Лучше у тебя, чтоб никто не помешал.

В комнате на стене висел график возвращения: светящаяся линия — наш путь до Земли, и ползущая по ней красная точка — звездолет. Красная точка приближалась к концу светящейся линии, одиннадцать месяцев отделяло нас от звездных скоплений Персея, почти пять тысяч световых лет. Две трети пройденного пути я лежал без сознания.

— Через месяц — Ора, через три — Земля, — сказал я, указывая на график.

— Да, Ора через месяц, а Земля через три, — отозвался он. — Для меня это не имеет значения.

— Почему такая мировая скорбь?

— Ты понимаешь в чем дело, Эли.

— Да, конечно. Причина — в Ольге. Что же ты мне хочешь сказать об Ольге?

У Леонида посерело лицо. Он не принимал моего холодного тона. Но он твердо решил сохранять спокойствие.

— Ты знаешь, как она относится к тебе. Когда ты болел, она забрасывала корабль, дни и ночи сидела у твоей кровати...

— Ну и что же? — сказал я. — Какой ты делаешь вывод?

Он бешено впился в меня черными зрачками:

— Почему ты не женишься на ней? Почему, Эли?

— Странно слышать от тебя такие советы, Леонид.

— Нет! — крикнул он. — Ничего нет странного, слышишь, Эли! Если ты бесчувственный... Нельзя над ней так издеваться! Почему ты молчишь? Нет, почему ты молчишь?

Я раздумывал что ответить ему. Ни он, ни Ольга не поняли бы того, что совершалось во мне. Они нормальны. А я иной, То, чем я теперь жил, не допускало рядом с собою никакой другой страсти. Я не мог разрешить себе отвлечься даже на маленькую любовь — а Ольга заслуживала любви большой, спокойным разумом я это понимал.

Объяснять это Леониду было напрасно. Я сказал:

— Я молчу, потому что ожидал не вопросов, а просьбы от тебя, такой просьбы, после которой мне оставалось быжать тебе руку и сказать: ты прав, мне нечего возражать.

— Вот как, ты ожидал просьбы, вместо вопросов?

Тогда ответь: чего ты ожидал?

— Я ожидал, ты скажешь: Эли, Ольга не замечает, что ты равнодушен к ней, вообще ничего плохого в тебе не замечает, ей кажется, что в тебе сконцентрированы все человеческие достоинства, разумная и проникательная во всем остальном, в этом одном, в понимании тебя, она глубоко ошибается. Но мы с тобой, Эли, знаем, — так, я думал, ты мне скажешь, — что ты, Эли, человек черствый и недостойн ее, счастья с тобой ей не откроется, вряд ли ты вообще можешь создать чье-либо счастье. А вот я, Леонид, не знаю иной радости, как быть всегда с ней — помогать ей, принимать ее помощь... И это также и ее счастье, не одно мое, ибо лишь со мной она осуществит лучшее в себе...

У Леонида так пылали глаза, что мне стало трудно смотреть на него.

— Ты не черствый, Эли, — это, пожалуй, напрасно...

Ну, хорошо, допустим, я сказал бы тебе это своими словами... Что бы ты мне ответил?

Я подвел его к стене, где красная точка медленно — тысячекратно превышая световую

скорость — ползла по прозрачно светящейся линии.

— Через месяц мы прибудем на Ору и там простимся. Ты останешься с Ольгой, я уйду. Вы будете бороздить космические просторы, а мне надо на Землю. Ты даже не подозреваешь, как мне надо на Землю!

Он обнял меня и вышел, не сказав больше ни слова.

4

Когда в оптике появилась Ора, шел третий год нашей межзвездной одиссеи.

Мы шли в сверхсветовой области, и на Оре нас не видели. Зато мы отлично видели в оптике планету. Правда, это была картина прошлого, она непрерывно менялась — прошлое приближалось к настоящему.

Если вдуматься, это было странно: обычно настоящее отодвигается и становится прошлым. Здесь все шло наоборот: прошлое становилось настоящим.

На пространственных волнах локаторы показывали нам также, как Ора выглядит сейчас. Разницы не было.

Не долетев до Оры световых суток, «Пожиратель пространства» вынырнул из сверхсветовой области и — уже обычным материальным телом — продолжал движение в ненарушенном пространстве. Лишь после этого нас обнаружили. Навстречу помчался один из звездолетов. Мы вскоре увидели, что это «Кормчий». На нем по-прежнему командовал Аллан. Он издалека засыпал нас приветственными депешами, спрашивая, что было в походе, отыскиали ли мы следы Андре? Об Андре мы ответили сразу, а рассказывать остальное до встречи отказались. Он пригрозил, что уйдет в сверхсветовую невидимость, чтоб скорее добраться. При общем смехе Ольга радировала: «Уходи! Все равно будем видеть твое суденышко».

Когда звездолеты вышли на параллельный курс, Аллан, передав командование помощнику, перебрался к нам. На радостях он перестарался. Даже Леонид охал, выбравшись из его объятий. Для меня одного Аллан сделал исключение, как для больного. Зато Аллан расцеловал меня громкими, как выстрел, поцелуями.

— Бродяги небесные! — орал он минутой позже. — Куда же вы запропастились на два с лишком годика? Рассказывайте, рассказывайте: где? что? как?

Мы повели его в клуб. Там собрался весь экипаж. Нас тревожило: как на Земле? Чем кончился спор Веры и Ромеро?

Аллан уселся в кресло и оглядел нас сияющими глазами. Он радовался даже нашей тревоге за земные дела. Он не мог понять глубины томивших нас опасений.

— Какой спор? Чепуха, давно все успокоилось.

Правда, кое-что было — митинговали, как добрые наши предки. Ромеро гремел во все уши, сиял во все видеостолбы. Он отстаивал социальные основы с такой страстью, что наворачивалась слеза. Он кричал о предках, о потомках, о нас, о зловредах, о звездожителях, Большой, о Малых, Справочных и Академических, Кстати, Большая тоже высказалась за него. И вот настал день опроса, хоть и без того каждому было ясно, чем все кончится.

Он захохотал, ликуя. В зале каменела тишина, мы боялись смотреть друг на друга. Аллан так и не понял, почему мы не прерываем его.

— Человечество сошло с ума! — кричал Аллан с воодушевлением! — Это было массовое безумие, говорю вам. Ромеро не поддержали и три десятых процента, девяносто девять и семь десятых с громом опрокинули его. Большая объявила о собственном провале и потребовала уточнения заложенных в нее принципов.

Вера назвала это дальнейшим развитием нашего социального строя.

Мы кинулись к Аллану и в восторге взметнули его под потолок. Лишь мы, прошедшие тенета Персея и огонь сражений у Угрожающей, могли до конца, всем сердцем, не одним разумом, понять, как правильно поступило человечество.

Когда волнение улеглось, я съехидничал:

— Ты, конечно, оказался среди тех, кто сохранил разум до конца? Не сомневаюсь, что ты голосовал за Ромеро!

— Я? — удивился Аллан. — Ты спятил, Эли! Это ж меня обвинил Ромеро, что я поддался безумию. Я не такой оратор, как он, но, когда выступал я, Ромеро выключали, так это было! Камагин с Громаном, а также наш Труб добавили жару в общий огонь. Гибель космонавтов и разрушение планет в Плеядах доводили народ до ярости. А Труб летал над толпой и дико ревел архангельским голосом.

— Как на Земле космонавты и ангел? — поинтересовалась Ольга.

— Великолепно! Труб как в раю, только малыши его пугаются, у него шумный полет — это единственное, что его огорчает. Подростки устраивают с ним перегонки на авиетках, ну, он, конечно, отстает. А космонавты переучиваются на штурманов звездолетов и отбиваются от невест, столько в них влюбилось девушек — страх! Чудесные пареньки, моложе любого из нас, а ведь по четыреста с хвостиком лет, — по-моему, это и привлекает девушек.

Я спросил, какие важные дела начаты на Земле. На это Аллан ответил целой речью. Энтузиазм, охвативший Землю, преобразован в практическое действие. Созданы две организации, одна — «Звездолетстрой» — устроила базу на Плутоне, как и было в свое время решено. Вторую же — «Планетострой» — вряд ли можно именовать организацией, ибо половина всего человечества трудится в ней. На зеленой Земле остались лишь старики, дети да труженики земных заводов. Неразберихи и шума пока столько, что у наблюдателя со стороны встали бы волосы дыбом, да наблюдателей нет, все участники, и каждый, в меру способностей, вносит свой вклад в общую толчею. Начать с того, что еще нет плана — чем заниматься «Планетострою»? Одно направление, казалось бы, естественнейшее, его уже осуществляют — возведение новых планет вокруг одиноких светил, соседи Солнца. Строительство идет под лозунгами: «Покончим с пустыми звездами!», «Добьемся наивысшей планетности для звезд нашего района Галактики!», «На любой звезде — планеты для любых условий жизни!», «Нежизнеспособная планета — враг, найди ее и переоборудуй!» — и прочее в том же роде. Плакаты с такими изречениями наполняют все населенные планеты, от них нет мочи отбиться. До Альдебарана в одну сторону и за Южный Крест в другую не найти звезды, чтоб на ней не кипела работа. Но в последнее время слышатся голоса, что направление выбрано неудачно: наметили, мол, дорожку полегче, но малоэффективную. Потихоньку пробивается новая мысль — не приспособливаться к природе, а приспособивать ее к себе. Не возводить роями планеты вокруг готовых звезд, а выстроить особую планетную область для спектра любых жизненных условий, со своими специальными светилами. Конечно, это потруднее, но и поинтереснее. Ора — пример такой всесторонне разработанной планеты. Район строительства подобран — окрестности Сириуса и его спутника, белого карлика, компактный уголок Вселенной между Орионом и Большим Псом, примерно на тысячу кубических парсеков в объеме. И сюда, на универсально оборудованные планеты, с полной автоматизацией производства и обслуживания, потихоньку собрать всех звездожителей, кому тесно и неудобно дома. Все это пока в грядущем, проекты планет в стадии эскизных набросков, командированные еще мотаются из созвездия в созвездие, согласовывая с будущими жильцами условия обитания: размеры шариков, температуры солнц, продолжительность дня и ночи, атмосферу и силу тяжести, жилище и питание — просто удивительно, как много встает вопросов. Но пока все это просчитывается, флотилии Звездных Плугов, тихоходы старого выпуска, уже вспарывают пространство недалеко от Ориона, скатывая пылевые туманности для дальнейшей переработки: на планеты или на солнца.

— И хоть дело это до ерунды простое, — орал Аллан, — неразберихи внесено и туда. Удивительный мы народ, люди, ничего не делаем по-человечески, любой кибернетический аппарат даст нам ферзя форы. О том, где начать работы, толдычим месяцами, а потом загораются: «Давай! Давай!» — и штурмовщина: Звездные Плуги запущены на рейсовых скоростях, мировое пространство трещит по швам, куда ни повернешься — везде пылевые

дымки, дымки, дымки! Казалось бы, границы очерчены, нет, залезаем в резервации, будто и пустоты уж не хватает. Страх, что творится на космических трассах! По дороге на Ору наш «Кормчий» чуть не влетел в область комплексного разрушения: впереди распадалась ненужная звезда, из темных карликов, а по сторонам пространство перерабатывалось в первичную строительную пыль. Куда повернуть, я вас спрашиваю?

Время поэтических полетов проходит. Скоро лишь за пределами Галактики можно будет разгоняться. Если так пойдет и дальше, я плюну на межзвездные перелеты и пойду в планетостроители.

Он оглядел нас смеющимися глазами и закончил:

— Таковы наши земные дела, братцы. Выкладывайте теперь, что вы тащите с собой из Персея?

— Сейчас мы тебе покажем на стереоэкране кое-что интересное, — сказал Леонид.

Пока Леонид готовил демонстрацию, я спросил Ольгу:

— Почему ты оглядывалась на меня, когда Аллан рассказывал о Земле? Ты смотрела на меня так, словно чем-то поражена.

— Ты сегодня смеялся, — сказала она. — Ты в первый раз за два года смеялся, Эли!

— Ну и что же? Тебе это понравилось? Или испугало?

— Не знаю сама. Это было странно. Я вдруг увидела, что ты очень переменялся, Эли.

5

На Оре я перебрался с одного звездолета на другой. «Пожиратель пространства» поступал в распоряжение Спыхальского, а на Землю уходил «Кормчий». Экипаж «Пожирателя пространства» немного задержится на Оре для передачи звездолета, я улетаю раньше их.

Еще до «Кормчего» на Землю унесся курьер с вестью о нашем возвращении из Персея.

За месяцы моей болезни на звездолете изготовили три установки для генерирования и приема волн пространства, мало отличающиеся от той, первой, что так честно послужила в звездном скоплении. Мы назвали эти механизмы СВП-1, то есть станция волн пространства, модель первая. Одну СВП-1 передали Спыхальскому, вторую предназначили для Плутон, последнюю же, а также все записи и расчеты, сделанные в рейсе, я везу на Землю — для обработки на больших машинах.

Мне трудно передать восторг Спыхальского, когда он узнал, что это за установки. Нужно, как он, всю жизнь провести в полетах вслепую, а после этого неожиданно прозреть, чтоб понять его состояние. Он расплакался, обнимая нас по очереди.

Мне он сказал:

— Вас отблагодарю особо — примите маленький ответный подарок! — Такой же живой, как при расставании, розовощекий, с яркими голубыми глазами, он смотрел на меня с ласковым лукавством, как смотрят иногда старики на детей. — Приятно, правда?

Подарком оказалась лента с речью Фиолы. Я ушел в свою комнату, чтоб пережить наедине встречу с Фиолой. Прошедшее окружило меня, на миг оно показалось ближе настоящего. Фиола, яркая и быстрая, вспыхнула и зазвучала в сумраке таинственных садов планеты, вращавшейся вокруг белой Веги. Это была Фиола на родине, не среди чудес, созданных человеком, — у себя, «Эли, мой Эли! — пела и сияла Фиола. — Я жду, ты обещал приехать, я хочу тебя видеть!» Мне стало грустно и отрадно, я не мог к ней приехать, но радовался, что она желала меня увидеть. Потом я спрятал ленту подальше, чтоб часто не вынимать ее. Мне нужно было думать не о Веге, а о Земле. Во всей Вселенной сейчас для меня существовало лишь одно притягательное место — крохотная могущественная Земля, истинный, а не геометрический центр мироздания. Я стремился на нее и страшился ее. Я не был уверен, захочет ли она стать тем, во что я задумал ее превратить.

Я записал ответное послание Фиоле и передал Спыхальскому. Он обещал доставить его Фиоле с первым курьером, что уйдет в созвездие Лиры.

— А сами не хотите сбегать на Вегу? — спросил он, усмехаясь. — Неплохая звезда.
— Нет, — ответил я. — Мне надо на Землю.
— Да, конечно. Вам следует подлечиться, а где это сделать лучше, чем на старушке Земле?
И он ничего не понимал во мне! Утром мы взяли курс на Землю.

6

Я не могу припомнить сейчас недели, проведенные на «Кормчем». Аллан из той породы звездoproходцев, что, доверяя командование автоматам, сами не отходят от них. Мы встречались с ним лишь в столовой. Я часами сидел в парке и дремал в кресле.

На Плутоне я задержался на два дня.

Я не узнал Плутона.

В старом проекте мы предусматривали великолепную, не хуже земной, атмосферу, обширные леса, даже океан. Атмосферу успели создать, сады и парки разбили, но лесов и океана не было и в помине — на отведенных им местах тянулись цехи, одни автоматизированные, без людей, цехи, сотни, тысячи километров Цехов...

«Работящая планетка» — так мы называли между собою Плутон. «Гудящая планета» — так следовало бы ее назвать ныне. Она гудела по экватору и у полюсов, в недрах и в стратосфере, ее всю сотрясал гул механизмов, даже при извержениях вулканов не бывает такого непрерывного, сосредоточенного гула.

— Толково, правда? — крикнул мне Аллан. Мы в авиетках облетали планету. — Признайся по-честному, не ожидал?

— Нет, конечно. Такой размах!..

— Главная мастерская Межзвездного Союза — надо размахиваться. Хочешь взглянуть на новые звездолеты?

— Разумеется.

— Они на Южном полюсе, в складе готовой продукции. Между прочим, сырье выгружается у Северного полюса, а потом растекается по всей планете, пока не сконцентрируется снова на выходе, — на этот раз в форме готовых галактических кораблей.

На Южном полюсе мы летали над территорией, равной Европе, — это и был склад готовой продукции. На тысячи километров тянулись горные хребты звездолетов — исполинский галактический флот, заканчивающий отделочные работы перед выходом в океан мировой пустоты... Даже недавно еще единственный по размерам «Пожиратель пространства» показался бы маленьким рядом с этими гигантами.

— Надо возвращаться, — сказал Аллан через некоторое время.

— Ты возвращайся, — ответил я. — Я еще поброжу над планеткой.

— Можешь даже кувыркаться над ней, ты, кажется, любитель этого спорта. На Плутоне смонтирована своя Большая, пока на десять миллионов Охранительниц, — ты, как и все астронавты, продублирован в ней.

— Вот как! Это большое удобство — обязательно воспользуюсь.

Я долго кружил над равнинами Плутона. Еще не прошло полных трех лет, как я расстался с этими местами. Воспоминания, ожив, теснились в мозгу, но я нигде не встречал подтверждения тому, что некогда прочно запоминалось. Даже солнца светились иначе, словно им поддали жару, одно солнце сменяло другое, утреннее уступало дневному, дневное отступало перед вечерним, за ними выкатывалось ночное. Когда-то это были разные светила, каждое с особым значением, для работы и для отдыха, — теперь все они сияли одинаково, круглые сутки стоял день, планета не знала отдыха. Нет, этот грохочущий, неистовый Плутон, не знающий сна и отдыха, нравился мне больше моего прежнего, степенно работающего, степенно отдыхающего... Там была размеренная деятельность, здесь — вдохновение. Все мы мечтали о вдохновении!

Я погнал авиетку на максимальной скорости. Горные пики звездолетов откатывались

назад и рушились за горизонт. Я мог бы и побеситься в воздухе, как любил на Земле, — теперь меня опекала Охранительница. Но после метаний в неевклидовых сетях Персея я потерял вкус к проказам. К тому же я еще не оправился от ран.

Я летел по прямой и отдавался мыслям. Мне хорошо думается на искусственном ветру. Я размышлял не о Плутоне, а о Земле. Я уже не страшился встречи с Землей после того, что увидел здесь.

А перед возвращением я остановил авиетку в воздухе и, закрыв глаза, весь наполнился гулом планеты. — Я слушал старинную музыку, любил перед сном отдаться индивидуальным, под настроение, мелодиям, терпеливо снес «Гармонию звездных сфер» Андре. Но ничего подобного тому, что вызывал во мне грохот этой космической мастерской, я еще не испытывал. Наконец-то я изведаль настоящую гармонию звездных сфер! Она будоражила и вздыбливала, мне хотелось в ответ тяжкому, как мир, грохоту совершить самому что-либо достойное его — огромное, пронзительно-светлое...

И, удаляясь от Плутона, я долго еще слышал — мысленно, конечно, — вдохновенный гул.

7

Я обо всем размышлял, воображая встречу с Землей, только не о том, что встреча будет торжественной. Я поспешил возвратиться раньше своих товарищей и поплатился за это: если и не весь предназначенный нам общий почет, то значительная его часть досталась мне одному. Начиная от Марса наш звездолет сопровождала флотилия космического эскорта. Я не буду описывать сцену на космодроме, ее передавали на все планеты Солнечной системы. Три часа я кланялся, пожимал руки, улыбался и взмахивал шляпой — и очень устал.

Лишь дома, в старой квартире на Зеленом проспекте, в окружении друзей, я вздохнул с облегчением.

— Такое впечатление, будто я обворовал товарищей, — пожаловался я. — Знал бы, ни за что не прилетел один.

— Они будут довольны своей встречей, — утешила меня Вера. — А тебя приветствовали не только как члена экипажа, но и особо. Должна тебя порадовать. Твой проект переоборудования Земли в главное ухо, голос и глаз Вселенной принят.

Озадаченный, я не нашел слов. Я еще ни с кем не делился своими мыслями.

— Вдалеке от Земли ты позабыл о порядках на Земле, — сказала Вера, улыбаясь. — Разве тебе не говорили, что на Плутоне смонтирована Государственная машина? Ты прогуливался над планетой, а Охранительница фиксировала твои мысли. Они оказались настолько важными, что она немедленно передала их на Землю, а Большая, тоже незамедлительно, — довела их до сведения каждого. Ты лишь усаживался на Плутоне в звездолет, а люди уже спорили, прав ты или неправ.

Завтра ты приглашен в Большой Совет — будешь обосновывать свою идею.

— Значит, проект все-таки еще не принят? — спросил я.

— Нет, почему же? За него высказались в принципе все. Но, конечно, вопросы к тебе будут. И перед тем, как будем осуществлять его, тебе придется подлечиться — здоровье твое внушает опасение Медицинской машине.

Мне мое здоровье опасений не внушало. Встреча с друзьями и радостное известие о принятии проекта были мне лучше любого лекарства. Большая комната Веры едва вместила всех собравшихся. Особенную тесноту создавал Труб. На космодроме он вместе с нами влез в аэробус, он знал уже, что за этими машинами ангелам не угнаться. Зато он наотрез отказался от лифта и объявил, что самостоятельно взлетит на семьдесят девятый этаж. Признаться, я не поверил: в Трубе килограммов сто, а высота все же около трехсот метров. Но он взлетел. Он отдыхал сперва на каждом двадцатом этаже в садах, потом на верандах каждого пятого, но одолел высоту. Он вспотел и был горд необыкновенно. Он понемногу вписывается в наши земные обычаи, но прочерчивает в них свою особую колею. Лусин в нем

души не чаёт. Ради Труба Лусин забросил идею птицеголового бога.

Все же земные жилища, особенно женские комнаты, не приспособлены для ангелов. Труб и сам понимал, что летать здесь немыслимо, и старался не давать воли чувству. Но даже когда он делал шаг или просто поводил крыльями, обязательно что-нибудь со стены или столика летело на пол.

Среди гостей не было Жанны. Я спросил о ней. Вера ответила, что Жанна придет попозже.

Жанна появилась с Олегом. Это был хорошенький трехлетний мальчишка, живой, с умными глазами, очень похожий на своего отца, — мне показалось, что я вижу маленького Андре.

Я сто раз репетировал в уме предстоящую встречу с Жанной, повторял про себя слова, какие скажу, думал, какое у меня должно быть выражение лица. Я все забыл — и слова, и мины. Она положила голову мне на плечо, тихо плакала, я молча обнимал ее.

Потом я пробормотал:

— Поверь мне, еще не все пропало, Жанна.

Она взглянула на меня таким отчаянным взглядом, что, лишь собрав всю волю, я смог его вынести.

Через некоторое время, оставив Олега гостям, мы с Жанной удалились в мою комнату. Жанна села на диван, я пододвинул кресло. Я с волнением вглядывался в нее. Она очень переменялась, в ней мало что осталось от той кокетливой, хорошенькой, довольно легкомысленной женщины, какую я знал. Со мной разговаривал серьезный, глубоко чувствующий, еще не перестрадавший свое горе человек. И этот человек полностью понимал, как мне самому нелегко.

— Я все знаю об Андре, — сказала Жанна. — Каждый день я слушаю его голос — его прощание со мной и Олегом перед тем нападением зловредов... И я знаю, что вы сделали все возможное, чтоб вызволить его или хотя бы отыскать его следы. Я знаю даже, что он кричал «Эли!», а не «Жанна!» перед гибелью.

— Перед исчезновением, Жанна. Андре не погиб. Оттого он и звал меня, а не тебя, — он попал в беду, но смерть ему не грозила, он и не собирался в тот миг прощаться с жизнью.

— Почему ты так думаешь? Он ведь в руках врагов.

Я видел, что она не верит мне. Никто, кроме меня, не верил, что Андре жив. С другими я мог не считаться, но ее должен был убедить.

— Именно поэтому, Жанна. Он был жив, когда они полностью овладели им, — Ромеро, очевидно, говорил тебе, что мы слышали его призывы, не видя уже его?

— Да, говорил. Ромеро считает, что Андре мертв.

— Послушай теперь меня, а не Ромеро. Если бы они хотели убить его, они убили бы сразу, а не боролись с ним, чтоб взять живьем. Он единственный представитель их новых, самых могущественных в их истории врагов, — да они трястись должны над ним, а не уничтожать его! Что им даст уничтожение одного человека? Я уверен, за здоровьем его следят внимательнее, чем ты сама следила бы за ним на Земле.

— Вы уничтожили четыре вражеских крейсера. Андре мог быть на любом из них.

— Он не мог быть ни на одном из них. Хоть разрушители и были тогда самоуверенны, они бы не подвергли единственного своего пленника превратностям боя.

Они могли рассчитывать на победу, но не на то, что не будет потерь. И они, разумеется, упрятали Андре в спокойное местечко, подальше от сражения.

— Ты говоришь так, словно видел своими глазами, как они действуют.

— Просто сам бы я поступил так на их месте.

У меня нет оснований считать, что наши враги глупее меня.

Она раздумывала, колеблясь. Я заронил в нее надежду, она уже не хотела расставаться с ней и страшилась, что надежда напрасна.

Внезапно она сказала:

— А разве о гибели Андре не говорит то, что зловреды ничего не... Ты меня

понимаешь, Эли? Ромеро считает, что враги могли выпытать от него все тайны, но наших тайн они так и не узнали, — это ведь правда?

Мной овладела ярость. Я схватил испуганную Жанну за плечи, заглянул ей в глаза.

— Ты любила Андре, — сказал я шепотом. — Ты была ему ближе нас, Жанна! Как же ты смеешь так говорить о нем? Неужели ты так слепа, что собственного мужа не разглядела? Ромеро должен слышать от тебя, каков Андре, а не ты прислушиваться к Ромеро!

Она снова громко заплакала. Я в волнении ходил по комнате. Я не мог и не хотел ее утешать: это было бы подтверждением того, что она думала об Андре. Мне самому хотелось заплакать. Я ловил себя на том же, скрытом в глубине души, чувстве страха за слабость Андре. Я не знал, насколько мы, его друзья, способны на муки, но что он меньше всех нас способен на них, я знал.

Справившись со слезами, Жанна сказала:

— Все так перепутано во мне, Эли. Если бы не Олег, я не справилась бы с таким несчастьем. Я ведь серьезно думала, стоит ли мне самой жить, когда узнала о смерти Андре.

— Исчезновении, Жанна!

— Да, исчезновении. Разве я сказала по-другому?

Но если, как ты говоришь, он исчез, а не погиб, то есть ли какой-либо шанс выволить его из плена? Подготовлен Галактический флот, предстоят новые экспедиции в Персей — ты серьезно думаешь, что Андре удастся спасти?

— Во всяком случае, будем пытаться. Одно могу утверждать с уверенностью: когда придет время возвращаться в скопления Персея, не будет там ни одной планетки, которую бы мы не обшарили на поверхности и внутри.

Она поднялась.

— Нам с Олегом пора домой. Спасибо тебе, Эли!

Спасибо! Ты всегда был верным другом Андре, я даже ревновала его к тебе иногда. Но сейчас, после его гибели...

— Исчезновения, — сказал я с тихой яростью. — Исчезновения, Жанна!

Она минуту глядела на меня с испугом.

— Я не узнаю тебя, Эли. Я подумала было, что это результат ранений, но ты стал другим. Временами я тебя боюсь.

Я через силу улыбнулся.

— Тебе-то, во всяком случае, нечего меня бояться.

8

После ухода гостей мы остались с Верой одни. Я сидел в ее комнате, Вера ходила от двери к окну, это ее обычный маршрут — долгие, часами, блуждания и повороты, взад-вперед, взад-вперед. Иногда она останавливалась у окна, запрокидывая голову, забрасывая руки на затылок, и молчаливо смотрела на город. Все это я видел тысячи раз. Все осталось по-старому.

Все стало иным. Иной была Вера, иным был я. Она была такой же красивой, может, еще красивей, но ее красота была непохожа на прежнюю. Три года назад я с удивлением открыл, что сестра моя вовсе не пожилая женщина, какой всегда мне воображалась, а совсем молодая, ненамного старше меня. Ныне я видел, что Вера достигла переломного возраста женщины, — расцвета перед опаданием. Нелегко ей дали эти годы.

— Вера, — сказал я. — Вы не помирились с Павлом?

— Мы и не ссорились — просто обнаружили, что чужие друг другу...

— Он не хотел разрыва, насколько я помню...

— Разве я хотела? Разрыв произошел независимо от желаний.

— Тебе это тяжело, Вера?

— Мне было бы тяжелее, если бы я поддерживала отношения, ставшие лживыми.

— А Павел? Чувства его не изменились?

— Чувства, чувства, Эли! Гордость — вот главное из чувств Ромеро. Думаю, его больше терзает унижение отвергнутого поклонника, чем разбитая любовь.

— Что ж, на него похоже — он горд...

— Поговорим лучше о другом, — сказала Вера. — Большая так разъяснила твой план: раньше надо превратить Землю в исполинскую станцию волн пространства, а потом лишь ввязываться в серьезные баталии.

— Совершенно верно.

— Мы построили Большой Галактический флот, — задумчиво сказала Вера. — Ты видел корабли на Плутоне — каждый сильнее целой флотилии «Пожирателей пространства»... И есть уже решение двинуть этот флот в Персей. Теперь, с осуществлением твоего проекта, экспедиция будет задержана.

— Не задержана, а как следует подготовлена. Предстоят гигантские сражения, масштабы их даже мы, еле вырвавшиеся из Персея, не можем полностью себе представить. Не забывай, что противники наши ныне знают наше могущество — и они не теряют даром времени, Вера!

— Поэтому все так горячо и поддержали тебя, — заметила Вера. — Ты очень хорошо спланировал войну. Остается спланировать мир.

— Это одно и то же, Вера. Война завершается победой, победа начинает мир.

— Это не одно и то же, брат.

— Объяснись — темно...

— Видишь ли, война сама по себе не решает большие проблемы.

— По-твоему, это не решение — сразить головоглазов? Превратить в прах их военную мощь?

— Начало решения, исходный его пункт, но не больше. Подлинное решение будет, когда мы приобщим наших противников к мирной жизни!

Я глядел на Веру во все глаза.

— Ты с ума сошла! Мирно возделывающие поля невидимки! Ты в самом деле надеешься на успех переговоров с этими исчадиями ада?

— Если бы я надеялась на успех переговоров, я не ратовала бы за боевой флот. Я не хуже тебя понимаю, что обращаться к зловедам с уговорами — бессмысленно. Их надо сразить.

— И всех истребить, Вера!

— Это попросту неосуществимо, Эли. Где взять гарантии, что отдельные их корабли, заблаговременно или после поражения, не удерут в другие звездные края и там враги не усовершенствуются до того, что превзойдут людей, как некогда превзошли галактов? И можешь ты поручиться, что уже сейчас где-нибудь в центре -Галактики нет их колоний? Сто пятьдесят миллиардов звезд в одной нашей Галактике, неужели ты собираешься все их исследовать, так сказать, на злобность? А ведь за пределами нашей — миллиарды иных галактик! Ты поручишься, что туда не проникли наши враги?

— Не поручусь. Они могут быть везде. Речь о том, чтоб истребить их в скоплениях Персея.

— То есть выиграть одно сражение и после этого, возможно, ввязаться в бесконечную истребительную войну? Ты скажешь, это лишь возможность, она может и не осуществиться. Когда разрабатывают политику на тысячелетия, учитывают все возможности, что способны стать действительностью. Одолеть в одной, так называемой решающей битве и оставить потомкам в наследство вечную опасность всеобщего уничтожения, — нет, как хочешь, Эли, разума тут немного!

Слушая ее, я перенесся мыслью в Персей. Я снова увидел Золотую планету. Чем-то она напоминала Плутон — такая же космическая мастерская, а если на ней не изготавливались звездолеты, то зато она меняла кривизну окружающего мира, умела сворачивать его просторы в вещество — не покоилась в пространстве, как наши планеты, а командовала им! Сколько тысяч таких планет против одного Плутона? И на всех кипит работа, проклятые

говеголазы стараются перенять наше умение распылять вещество в «ничто», как мы переняли у них умение менять плотность этого мирового «ничто». Для их научной проннцательности задача не такая уж трудная — они спешат... Что, если навстречу нашему флоту грянут заново созданные аннигиляторы вещества?

— Пока у нас большое преимущество перед ними, — сказала Вера. — И надо торопиться его использовать.

— Ты сказала, что победа в войне лишь начало?

— Да, начало. Сперва мы силой заставим их прекратить свои зверства, а затем понемногу втянем их в ассоциацию разумных и свободных существ Галактики. Ты сам говорил, что они трудолюбивы и отважны, технические их достижения огромны. Разве не упрек будет нам, если мы такой народ навсегда отстраним от мирового сотрудничества?

— Я не вижу путей к сотрудничеству с ними.

— Вчера ты не видал их самих. Если бы мы сразу могли увидеть все, то не было бы развития. Между прочим, я не верю в преступления, совершаемые из любви ко злу. Наши великие предшественники Маркс и Ленин учили, что основа политики — экономические нужды. Если злореды стали преступниками, то значит, им выгодны их преступления, — вот причина!

— Ты собираешься найти иной способ удовлетворять нужды злоредов?

— Вспомни: после объединения Земли, когда ни один человек уже не эксплуатировал другого, человечество в целом еще долго жило за счет иных, правда, неразумных существ. По Земле бродили стада коров и баранов, сновали куры и утки — их вели на убой, чтоб человек имел мясо. Синтетическое мясо наших заводов вкуснее животного, синтетическое молоко ароматней коровьего. Исчезла нужда в продуктах живых организмов — никто не разводит животных на убой. Нет ли похожего на это и у злоредов? Они стали на путь угнетения соседей, потому что нашли легкий способ удовлетворения потребностей. Может, мы откроем иные пути их удовлетворения, если, конечно, эти потребности жизненно необходимы?

— Мне кажется, ты рассуждением о потребностях в какой-то степени оправдываешь злодеяния злоредов? .

— Ничуть. Понять — не значит оправдать. Можно понять и осудить. Оттого что раб приносит хозяину пользу, рабство не становится морально чистым. У зла есть верхушка и корни. Если срубить верхушку, не выкорчевывая корней, от них могут пойти новые побеги.

Мы силой заставим злоредов смириться, освободим их невольников — срубим верхушку возвращенного ими зла.

А затем надо покончить с самой возможностью возникновения зла, а для этого разберемся, какие корни его питали. Если злореды используют ткани живых организмов для собственной жизнедеятельности, они смогут заняться производством синтетических тканей и органов, мы охотно поможем им в этом деле.

— Одно скажу — превращение чертей в ангелов дело непростое.

— Как и обучение ангелов человеческому образу жизни. Однако, мы должны этим заняться.

— Вряд ли при нашей жизни мы увидим результаты.

— Я уже сказала тебе: мы строим политику на тысячелетия. Пусть увидят внуки — ради этого стоит постараться.

Я прошел к себе и разделся. Вспыхнул видеостолб, Ромеро опирался на трость посреди комнаты.

— Поздравляю с благополучным возвращением, дорогой друг! Не вставайте, я отлично вижу вас и в кровати, а пожать друг другу руки мы все равно не сумеем.

Окажите мне честь встретиться со мной завтра.

— С удовольствием, но не вечером. Вечером меня ждут в Большом Совете.

— В таком случае, к обеду. Посидим вместе за столом, как в добрые старые времена. Кстати, вы не обиделись, что я не явился встретить? Вы понимаете, среди встречающих были

особы...

— Понимаю, Павел. Завтра к обеду я буду у вас.
Он исчез.

9

До чего же она была прекрасна, милая зеленая Земля!

Я все утро бродил по улицам Столицы, поднимался над грядами ее домов, выбирался в окрестные поля и парки, выкупался в канале. Мальчишки из соседнего интерната с молчаливым уважением следили, как я вылезал: стоял октябрь. Нужно затеряться на три года в космических просторах, чтоб ощутить, как хорошо дома!

Потом я снова возвратился в Столицу. Улицы были пусты. Прохожие встречались так редко, что оглядывались друг на друга — кого еще вынесло наружу?

Я присел в скверике на площади. Напротив стоял дом с навесом над первыми этажами, под этим навесом в последний приезд в Столицу я прятался от дождя. Я вспомнил незнакомую девушку с высокой шеей и широкими бровями, Мэри Глан, мы с ней тогда стояли рядом и она издевалась надо мной.

Что с этой строптивой Мэри? В Столице ли она? Умчалась, как все, куда-нибудь на новостройку?

Кто-то сел на скамейку. Вначале я не обращал внимания на соседа, потом повернулся.

На скамейке сидела Мэри Глан.

Появление ее до того отвечало моим мыслям, что я, растерявшись, молча глядел на нее.

— Здравствуйте, Эли! — сказала она. — Ведь вас зовут Эли Гамазин?

— Здравствуйте! — ответил я. — Да, я Эли Гамазин А вас, если не ошибаюсь, зовут Мэри Глан?

Она не удивилась. Она спокойно кивнула головой.

— Какое совпадение, — сказал я. — Представьте себе, я только что думал о вас, и вот — вы появляетесь!

— Вы считаете это совпадением? Просто я пожелала встретиться с вами и просила Охранительницу привести вас на мысли обо мне. Я вчера встречала вас.

Мне стало смешно и досадно. Я успел в странствиях забыть, что на Земле командуют Охранительницы. Если это и было чудо, что я думал о Мэри, то чудо обыденное, технически подготовленное, еще деды потрудились, чтоб оно стало легко осуществимым.

— Итак, вы хотели меня увидеть, Мэри? Я все же настаиваю на своем: я тоже интересовался про себя, где вы. Что же мы скажем друг другу теперь, когда желания наши осуществились?

Она не торопилась с ответом. Впоследствии я узнал, что до нее не вдруг доходит, чего от нее ждут. Пока она раздумывала, я разглядывал ее. Я помнил ее некрасивой, но она была скорее хорошенькой, чем некрасивой. Единственным, что не вязалось с ее тонким лицом были широкие брови, но они нависали над такими темными задумчивыми глазами, что несоответствие пропадало. И при первой встрече я запомнил, что глаза у нее темные, но мне показалось тогда, что они темные от раздражения.

— Я виновата перед вами, — сказала Мэри. — Не знаю, почему я была с вами груба в Каире и на этой площади. Я решила: обязательно извинюсь, когда встретимся. Но вы улетели на Ору, а после в Плеяды и Персей... Ну, вот вы вернулись и я извинилась!

Она встала, но я задержал ее. Мне захотелось пошутить.

— А знаете ли, что перед отлетом я запрашивал Справочную о нашей взаимной пригодности?

Мэри решительно не хотела смущаться.

— Да, знаю. Я знаю также и то, что мы ни с какой стороны не подходим друг для друга. Всего доброго, Эли.

Я больше не решился задерживать ее. Я сидел на скамейке и смотрел ей вслед. О

Справочной она соврала, Охранительницы не выдают личных тайн. Потом я сообразил, что Мэри, очевидно, тоже запрашивала обо мне и потому знает, как мало у нас соответствия. Она для того и удалилась, чтоб я последующими вопросами не выведал ее маленького секрета. Мне было жалко, что она ушла.

— Вы не забыли, что вас ждет друг? — сказала Охранительница голосом старика.

Вызванная авиетка появилась немедленно, но я опоздал к Ромеро на полчаса.

— Я хотел лететь вам навстречу, — сказал он, сердечно обнимая меня. — Справочная доложила, что вы замечались на одной из столичных площадей. Куда же мы с вами, юный многострадальный Одиссей? До обеда еще часа два, если, конечно, вы не желаете подкрепиться пораньше.

Он держался так непринужденно, словно никогда не было у нас споров. Я охотно поддержал этот тон. После того как Ромеро потерпел провал на Земле, ему, очевидно, было неприятно показывать, что он помнит былые стычки. Мы не провели вместе и часа, как я убедился, что он охотно возвращается к нашей борьбе, даже иронизирует над нею.

— Пойдемте на гребень Центрального кольца, — сказал я. — Оттуда великолепнейший вид на Столицу.

— Отлично. Любоваться Столицей я готов ежедневно, сегодня к тому же ясный день.

Пока мы поднимались на крышу, я украдкой присматривался к Павлу. Все мои знакомые стали иными, я еще не привык к их новому виду.

— Давненько мы не виделись, — сказал Ромеро, улыбаясь.

— Всего два с половиной года.

— Нет, мой друг, целую эпоху. Мы простились в одном социальном времени, повстречались в другом. Счет времени правильнее вести по событиям, а не на часы. Пустое время кажется коротким, крохотный же отрезок, нашпигованный происшествиями, растягивается.

— Событий произошло много.

— Произошла революция, друг мой. А если власть не перешла из рук одного класса к другому, как совершалось у предков, так лишь потому, что давно не существует классов. Это, впрочем, не умаляет совершившегося переворота.

— Вы это называете переворотом?

— Вы считаете меня неправым? До сих пор мы жили лишь для себя. А попробуй ныне осуществить что-нибудь, специально полезное одному человечеству — Большая еще поразмыслит, не повредит ли это народам, которых мы надумали опекать.

Я понимал, что он не столько вызывает меня на спор, сколько отделяется от накопившейся горечи.

— Я бы это назвал по-иному, Павел. Просто человечество настолько развилось, что среди прочих его потребностей появились и такие, как помощь иным народам.

— Оставим это, — сказал он. — Я не собираюсь никого переубеждать. Кстати, для дружеского осведомления... Когда недавно Большая объявила о ваших открытиях в Персее, я, как и все, с честной душой проголосовал за ошеломляющий проект покончить с последними остатками самостоятельности Земли.

Разговор этот шел уже на крыше сотого этажа. Столица была до того красива, что захватывало дух.

С высот Центрального кольца она видна вся. День был пронзительно ясный, в такие осенние дни голубеют и становятся близкими дали. Я тысячу раз ходил и бегал по крыше. Зимой я пробегал на лыжах всю тридцатикилометровую магистраль, проложенную на вершине Центрального кольца, летом прошагивал ее пешком, все здесь было видно и перевилено, а я оглядывался с чувством, что впервые по-настоящему вижу Столицу. Я не уставал поворачивать голову вправо и влево.

Я поразился, каждый раз заново открывая это, простоте плана великого города. Три кольца пререзают двадцать четыре магистрали от Музейного города наружу, двадцать

четыре красочных, неповторимо индивидуальных улицы. Вот и все. Вся Столица исчерпывается переплетением трех колец и радиусов, проложенных сквозь кольца.

— Вечный город, — сказал я. — Он простоит тысячелетия после нас, как памятник наших помыслов и дел.

— Умирующий город, — отозвался Ромеро. — Если хотите, это единственный город на Земле, который начал умирать, еще не родившись. Он не дожил до самого себя.

Я знал, что ради красного словца Ромеро себя не пожалеет, но отзыв о Столице покорила меня. Ромеро удивился:

— Вы не знаете истории Столицы?

— Это был первый город победившего коммунизма — вот что я знаю о нем.

— В истории Столицы это, разумеется, самое существенное. Но кроме существенного в любом знании есть и интересные пустячки. Об одном из таких, если угодно, пустячков, я расскажу вам, если позволите.

Вскоре после объединения, сказал он, были начаты поиски всего выдающегося, что талантливые люди придумали в эпоху классового разобщения и чего тогда нельзя было осуществить. Это относилось к проектам машин, переделке природы, большим строительным работам и прочему, а среди прочего — к архитектурным замыслам. Кем-то была обнаружена тетрадь рисунков давно к тому времени умершего Бориса Ланда, архитектора, проектировавшего жилые здания, спортзалы и стадионы. Борис, по-видимому, был из тех, кого тогда называли «талантливый неудачник». Днем он разрабатывал стандартное жилье, а ночью, на бумаге, возводил невоздвигаемые города. Среди его ярких фантазий был и город на двести тысяч человек — один высотный дом, окруженный парком. Город-дом, не осуществимый при жизни Бориса, легко мог быть исполнен средствами первого века коммунизма. И хотя уже и тогда было ясно, что города-гиганты отжили свой век, человечество постановило воздвигнуть Столицу, как город-памятник и город-труженик, последний из концентрированных городов Земли, первый, воплотивший в себе все удобства, затребованные людьми. Внутри кольцевых зданий разместились заводы и склады, там же пролегали городские шоссе. А снаружи поднимались террасами жилые массивы, их разделяли парки — таков был осуществленный проект. И достоинства проекта вскоре стали его недостатками.

Раньше другого оказались ненужными великолепные шоссе, проложенные внутри зданий на каждом двадцатом этаже. Возникли центральные машины безопасности с Охранительницами — и умерли электромотоциклы и троллейбусы. Никто не хотел катить по шоссе, когда можно было безопасно кувыряться и нестись в воздухе. Жизнь и толчея, по идее навеки упрятанные в роскошные, как дворцы, туннели, вновь свободно исторгнулись наружу.

А затем стали отмирать заводы. Их автоматизировали настолько, что на километрах конвейерных линий не встречалось человека. Создавая в недрах зданий цеха, предполагали сократить путь рабочего от жилья до работы, но сам рабочий стал не нужен — зачем сохранять завод в близости от жилья? Цеха без людей стали возводить в пустынях. Некоторые из освободившихся площадей Столицы заняли институты, развились зимние сады и парки, их тысячи в каждом кольце — любимые местечки детворы и стариков. Но всех пустот они не заполнили. Столица зияет кавернами. Три четверти ее объемов не могут быть использованы. Стало ясно, что изжила себя сама идея концентрации огромного количества людей на небольшой площади.

— В первый же месяц набора на новостройки космоса Столицу покинуло три четверти жителей, — закончил Ромеро. — Пока это еще большой город. Скоро это будет пустой город, а немного погодя — ненужный...

Мы остановились у перил. Внизу, между проспектами Великих Предков и Зеленым, простирался парк. Из багрянца увядавших кленов, лип и дубов вздымался гребень Внутреннего кольца. Столица была не только большой город. Она была прекрасна — прекраснейший из городов, созданных людьми.

— А вы, Павел? Вы тоже собираетесь покинуть Столицу, как ненужный город?

— Я? С чего вы взяли, высокоумный друг? Я родился в Столице и здесь отдам концы, употребляя это древнее морское выражение. Как вам, вероятно, известно, я занимаюсь историей технических открытий и свершений. До сих пор наука эта была достаточно отвлеченной, чтоб не сказать — праздной... После совершенного вашей сестрой социального переворота положение изменилось и в этой области. Мы подбираем теперь информацию о нашей культуре и технических достижениях и переводим ее на языки новых друзей.

Нужно же поднимать уважаемых звездных собратьев до человеческой культуры, а делать это удобнее всего в Столице — здесь сконцентрирована наша мудрость...

Пойдемте обедать, дорогой Эли, мы пропускаем лучшее время для пищеварения.

— Еще один вопрос, Павел, и мы отправимся. Вы сказали, что проголосовали за мой проект превращения Земли в галактический генератор волн пространства. Почему вы это сделали? Вы, конечно, отдавали себе отчет, что Земля тем самым ставится непосредственно на службу всему Межзвездному Союзу? Это, впрочем, видно из того, что вы сказали об уничтожении остатков самостоятельности Земли.

Он не ожидал такого вопроса и немного растерялся:

— Как вам сказать? Ну, захотелось поддержать вас... Надоело плыть против течения. Почему и мне не побезумствовать, раз все кругом посходили с ума?

— От вас я ожидаю ответа посерьезней, Павел.

— Вот как — посерьезней? Тогда получайте другой ответ. В вашем проекте одно меня подкупило сразу — размах. Раз уж мы ввязались в большую войну, несмотря на мои предупреждения, так надо вести ее по-большому... Не думайте, что я такой уж мещанин, боящийся всего, что за околицей. Превратить Землю в командную точку Галактики, в исполинский глаз, обрыскивающий отдаленнейшие звездные уголки, в эдакое галактическое ухо, чутко улавливающее любую гармонию звездных сфер, — нет, это, знаете ли, внушительно!..

— Вот и прекрасно! — сказал я весело. — Думаю, что мы найдем с вами общий язык и в остальном. Нет, Павел, Столица не умерла, вы ее рано хороните. Сегодня я попрошу у Большого Совета, чтоб в ней разместили экспериментальную станцию волн пространства.

Скоро кавернам в ее теле придет конец.

Ромеро снял шляпу и церемонно поклонился, показывая, что у него не хватает слов выразить свое восхищение. Он сделал все, чтоб его молчание было красноречиво. На позы он мастер.

10

Дни не шли, а летели, я вставал на рассвете и не успевал оглянуться — дня уже не было. Я торопился, вся Земля торопилась — Большой Галактический флот, покинув Плутон, сконцентрировался у Оры. Корабли нужно было снабдить сверхдальними локаторами, без этого теперь нечего и думать было выпускать их в космические просторы. Вся эта работа падала на меня. Я наблюдал за проектированием гигантской станции волн пространства СВП-3 и руководил выпуском установок для звездолетов, названных нами СВП-2. Все свободные помещения Столицы были отданы новому заводу, но их не хватило, пришлось выселить из города несколько институтов и убрать склады. Никогда еще, на моей памяти, Столица не жила такой бурной и напряженной жизнью, как в эти недели, когда мы срочно оснащали новыми установками изготовленные звездолеты.

Это уже была не та станция, СВП-1, что так честно нам послужила в Персее. Исследования на Земле показали, что у нее мал радиус действия, уже в двадцати светогодах ее локаторные свойства ослабевают. Она годилась лишь для прощупывания близкого пространства, в рейсы с Солнца на Сириус и звезды Центавра, не дальше. Работать же в качестве телепередатчика она на дальних расстояниях могла лишь со сверхмощными станциями, которых, по-видимому, в Галактике еще нет, — сужу по тому, что, отдаляясь от

Персея, мы быстро потеряли связь с галактами.

Зато модель СВП-2 легко локировала объекты в ста светогодах, Снабженные такими механизмами, звездолеты уже не теряли связи друг с другом, даже отдаляясь на расстояние Веги от Солнца. И они уже не страшились нападения из невидимости. Ни на каком отдалении враг не мог оставаться незамеченным. Кроме того, установки СВП-2 отлично поддерживали взаимную телесвязь в том же радиусе ста светолет, а с более мощными станциями могли переговариваться и далеко за этими пределами.

Именно такую сверхмощную станцию СВП-3 мы и возводили сейчас на Земле. Никакой звездолет не смог бы вместить подобного механизма. Потребляемая ею мощность — пять миллиардов альбертов — в десятки раз превосходила мощности всех энергетических установок, смонтированных на Земле. Все планеты трудились, чтоб осуществить монтаж и пуск СВП-3. Она одна исключала рядом с собою на Земле все большие предприятия. Большой Совет признал возведение СВП-3 важнейшей стройкой Межзвездного Союза.

Была выбрана и площадка, где размещались основные строения и механизмы станции, — бывшая пустыня Сахара. Здесь на тысячах квадратных километров мы возводили величайший глаз и ухо Вселенной. СВП-3 по расчету должна была действовать в радиусе десяти тысяч светолет. До центра Галактики, скрытого в созвездиях Стрельца и Змееносца, мы не доставали, тем более не доставали до внешних галактик, но звездные скопления в Персее, Гиады, Плеяды, гиганты Ригель и Бетельгейзе — все эти далекие светила нашего звездного мира попадали в зону действия станции. Уже недалек был тот час, когда мгновенно действующая связь должна была цементировать светила Межзвездного Союза в одно целое.

Пока на строительной площадке в Сахаре возводились здания и монтировались машины, я трудился на экспериментальном заводе, разместившемся внутри Центрального кольца: мы проверяли расчеты, изготавливали узлы механизмов.

В этой работе было сделано лишь два перерыва. Первый — когда на Землю вернулся экипаж «Пожирателя пространства». Томившее меня до этого дня ощущение неловкости от торжественности встречи наконец было сглажено. Ольге и ее товарищам прием был устроен много торжественнее, чем мне. Земля неделю ликовала, два дня на ликование пришлось потратить и мне.

А второй перерыв произошел, когда мои товарищи улетали на Ору — Вера, Лусин (с Трубом, конечно) и многие другие.

— Надеюсь, ты недолго останешься на Земле? — сказала Вера перед прощанием. — Без тебя даже неловко как-то отправляться в дальние экспедиции.

Я усмехнулся и показал на своего помощника Альберта Бычакова, вместе со мной приехавшего на космодром. Альберт, беловолосый, веселый человек, руководил монтажом в Сахаре.

— Он меня держит, Вера. Пока он не высветит все закоулки в Персее, нечего и думать мне покидать Землю. Да и вам не придется устремляться в далекие края, пока мы не закончим своей работы.

После проводов мы с Альбертом вернулись в Столицу. Прощание с друзьями выбило меня на время из колеи. Мне захотелось пройтись по пустынным проспектам.

— Вы поезжайте к себе, а я сегодня не приду, — сказал я и отпустил авиетку.

11

Осень в Столице всегда хороша, а в этот год выдалась отменной. Хоть Управление Земной Оси расписывает свою власть над климатом и действительно выдает по графику ясные дни и дожди, ураганные ветры и дремотную тишь, морозы и оттепели, власть у него лишь на подобные грубые явления, а не на оттенки, в них же главная прелесть. «Завтра, с 10 до 14 часов, выпадет сорок восемь миллиметров осадков, потом будет солнце и тишь» — сколько раз я слышал подобные объявления. Но что-то ни разу мне не попадалась такая

сводка: «Этой осенью яркость листьев на кленах превысит среднегодовую на 18 процентов, а дали будут прозрачней на 24 процента, журавлиное же курлыканье прозвучит особенно призывно». Если вдуматься, мы лишь кое-как справляемся со стихийной силой природы, но красота ее не в наших руках. Она создается сама.

Я шел по аллее Звездного проспекта и радовался, что кругом хорошо. Низко нависало забитое облаками небо, ветер шумел в деревьях и кустах, ветви взмывали и рушились. А если ударял резкий порыв, тонкими голосами, заплетаясь, заговаривала трава. Прохожих мне не встречалось. Земля была одинока и ярка.

На повороте аллеи, чуть ли не нос к носу, я столкнулся с Ромеро и Мэри.

От неожиданности я остановился, а когда, спохватившись, хотел пойти дальше, остановились они.

— Как здоровье, друг мой? — спросил Ромеро. — Вид у вас неплохой.

— Суть тоже. Никогда не чувствовал себя так хорошо. Простите, я тороплюсь.

— Идите, Эли! — разрешил Ромеро, приветственно приподняв трость. — Вы всегда были твердокаменно аккуратны.

Я успел услышать, как Мэри сказала:

— Эли мог бы составить компанию для той экскурсии? Как по-вашему, Павел?

Что ответил Ромеро, я не разобрал. Экскурсии я не терплю со школы, когда нас пичкали ими. Меня удивило лишь, что Мэри звала Ромеро Павлом.

Я долго гулял по Звездному проспекту. В аллеях все так же шумели липы, глухо бормотали дубы, несильный ветер трепал листву, как волосы. Я думал о разных событиях, одна мысль неторопливо сменяла другую. Ничего нет странного, что Ромеро знаком с Мэри, он покидал Землю всего на год, остальное время провел в Столице. Будем надеяться, что с Мэри он будет счастливей, чем с Верой. Нужно ли сообщать Вере о новой привязанности Ромеро? Очень возможно, что Вера огорчится... Вера уже далеко — в иных мирах!

Потом эти мысли отошли от меня, и я снова стал размышлять о своей работе — о быстродействующей связи со звездолетами, уходящими в далекие рейсы. Как и Ольга когда-то, я мечтал о диспетчерских планетах, созданных на галактических трассах. Я видел темные точки, насаженные в космосе, и говорил с ними, я снова был звездопроходцем в командирском зале: «Алло, девушка, вы Н-171? В тринадцатый раз вызываю, нельзя же так!.. Я — звездолет ВК-44. Сообщите, сколько до Дзеты Скорпиона? У нас что-то забарахлили параллаксометры и интеграторы пути». — «Я — Н-171, — шептал я себе. — Не нервничайте звездолет ВК-44, вы не один в космосе. До Дзеты Скорпиона от вас сто тринадцать парсеков, вам надо прибавить ходу, чтоб уложиться в расписание. Делаю замечание: с неисправными приборами не отправляются в рейс. В следующий раз сниму с полета!»

Я был счастлив оттого, что придумал суровую отповедь себе от незнакомой девушки на диспетчерской планете Н-171. Потом, устав, я присел на скамейку и снова вскочил. Идти на работу мне по-прежнему не хотелось, а отделаться от дум о ней я не мог. Мне надо было развлечься. Я запросил у Справочной о сценических представлениях.

В стереотеатре шла смешанная программа, Театр классики показывал Еврипида, Аристофана, Шекспира, Мольера, Турнэску, Мазовского, Сурикова, Джеппера — в каждом из восемнадцати своих залов по две пьесы в день, в театре комедии шел водевиль: «Три страшных дня космонавта Гриши Турчанинова» — вещь отнюдь не свежая, и злая сатира: «Генри Бриллинг играет в бильярд на планете ДП-88», в концертных залах обещали Баха и Мясоедова, Трейдуба и Шопена. Я выбрал стереотеатр. Это старейший из театров Столицы, там гордятся приверженностью к древности, вот уже два века до него не доходят новые веяния.

И стариной пахло уже в вестибюле. Сдав пальто роботу, я попал под радиационный душ, вызывающий кратковременное, благодушное настроение — нехитрая гарантия, что любая программа понравится. Второй робот спросил, желаю ли я привычное место или то, где объективно мне лучше всего любоваться представлением. Я сказал, что привычных мест у меня нет, пусть будет то, что мне больше подходит. Он проводил меня в тринадцатый ряд к

пятому креслу, по дороге попросив заказать температуру, влажность и запахи микроклимата моего места, Я заказал восемнадцать градусов, пятидесятипроцентную влажность, легкий ветерок и запахи свежескошенного луга, нагретого солнцем, и получил заказанное. Эти наивные удобства, так радовавшие предков, скорее забавляли, чем ублажали меня, а древние роботы, двести лет назад вышедшие из моды, просто развеселили. Девиз стереотеатра — «Представление начинается с входной двери».

Сегодня шла драма «Встреча на белом карлике», а перед ней показали Ору. Я увидел себя и друзей в момент, когда мы высаживались. Сперва появился «Кормчий», за ним «Пожиратель пространства», один за другим мы вылезали из корабля, а нас встречал, помахивая рукою, седой Мартын Спыхальский. На небе засветилось неутомимое солнце Оры, гостиницы, переполненные звездожителями, раскрывали двери, шло собрание в зале Приемов. Вера председательствовала и выступала с речью, в одном из секторов, земном, сидели Ромеро, Андре, Лусин и я. Мельком увидел я и гостей с Веги, но не Фиолу, а ее подруг. И все это было так реально и фигуры двигались так живо и объемно, словно я снова был на Оре, а не смотрел стереокартину. Я даже разглядел многие подробности, не замеченные тогда.

А потом началась пьеса. Ее сочинили в двадцать первом веке, она вся полна наивной романтики той эпохи. Капиталист Невилл Винн спасается от революции на звездолете, выстроенном на собственных его заводах, и насильно прихватывает с собою слуг, в том числе и машинистку Агнессу Форд, возлюбленную революционера Аркадия Торелли. Они высаживаются на планетке, вращающейся вокруг мрачного белого карлика. Аркадий Торелли мечется по Галактике, разыскивая утерянную возлюбленную, и набредает на белый карлик, где во мраке крохотной планетки между ним и Невиллом Винном разыгрывается последняя схватка, кончающаяся гибелью капиталиста и освобождением его слуг.

Я улыбаюсь, рассказывая сюжет. Я улыбался, сидя в кресле и наслаждаясь заказанным микроклиматом, когда вспоминал, что актеры пьесы умерли без малого триста лет назад. В конце концов это древнее стерео-представление — лишь немного усовершенствованное еще более древнее кино, в нем столько же условностей и странностей, как и в вытесненном им кино. Так я размышлял в своем кресле, не переставая иронически улыбаться. Улыбка пропала, когда на сцене появилась Лиззи О'Нейл, игравшая Агнессу. И я уже не отрывался от сцены, я вслушивался в глуховатый страстный голос актрисы, — в мире больше не существовало чего-либо иного, чем то, что она говорила и делала.

Здесь было все нереально: люди, их споры, бегство в космос, встречи в космосе — все, кроме игры. А играли они так, что нереальное становилось реальным, наивное — трагическим, немыслимое — неотвратимым. Передо мною ходили, страдали, молили о помощи живые люди, не изображения, не объемные силуэты и фигурки, нет, такие же, как я сам, много более живые, чем я сам. Я мог бы, подойдя, дотронуться до них, я слышал шелест их платья и пиджаков, ощущал запахи их духов и табака. Лиззи простирала ко мне руки, смотрела на меня, я не сомневался, что она видит меня, ждет моей помощи, и я уже приподнялся в кресле, готовый бежать на злосчастный белый карлик, так был настойчив ее молящий взгляд, так призывает ее слабый крик. Нет, дело было не в совершенстве оптического обмана, сделавшего этих давно умерших людей столь жизненными, что они стали реальнее жизни. Случись у меня на глазах встреча Агнессы и Аркадия, я равнодушно прошел бы мимо, мало ли встречается людей после разлуки, да и не стали бы они в реальной жизни так разглагольствовать о своих муках, так всплескивать руками, так бросаться друг другу в объятия, их бы высмеяли за неумную несдержанность, я бы первый посмеялся.

Но здесь, в моем кресле с его микроклиматом, я не смеялся, я трепетал, в смятении сжимая руки, страдая чужим страданием, радуясь чужой радостью.

Уже после спектакля, принимая от робота одежду, я разговорился со старичком, моим соседом.

— Многое предки делали не хуже нашего. Театр у них достиг совершенства, вряд ли и сейчас можно придумать что-либо лучшее.

— Можно придумать иное, чем Гомер или Леонардо, в своем роде такое же совершенное, но не лучшее, — возразил он. — Шедевры искусства законченны. Именно поэтому они нетленны. Вы не будете жить в хижинах и дворцах времен Свифта и Пушкина, не будете есть их еду, ездить в их экипажах, носить их одежду, но то искусство, что восхищало их сердца, восхитит и ваше, молодой человек. Искусство непреходяще, новое не отменяет в нем прежние свершения, как в технике и в быту, но становится вровень с ними.

Спектакль в стереотеатре так взбудоражил меня, что я долго не мог успокоиться. Пустая беготня по улицам стала раздражать. Проходя мимо комбината бытового обслуживания, я вспомнил, что по возвращении не менял верхней одежды, пальто и шапка порядочно поизносились, да и фасон ныне изменился. В комбинате было пусто, как и на улицах. Мне вынесли на примерочном конвейере тридцать моделей пальто, костюмов и шапок. В один из костюмов я вложил свой адрес, чтоб направили его на дом, а пальто надел. Новое пальто было красивее, но не так удобно, я всегда чувствую себя неудобно в новом, пока не разношу. Я вышел удовлетворенный, что покончил со старой одеждой, и сожалел о ней. Еще не пройдя квартала, я воротился назад. Дежурный автомат спросил, чего я желаю.

— Я ничего не желаю, — ответил я. — То есть не желаю нового. Возвратите мое старое пальто.

— Если оно еще не попало в тряпкопресс. Нет, оно на конвейере. Новое тоже возьмете с собой? Можем направить на дом.

— Нет, благодарю вас. И на дом не надо.

— Не нравится наша продукция? — равнодушно спрашивала машина. — Сообщите, что не удовлетворяет, сделаем по потребности.

— Все нравится. Великолепная продукция. Но я привык к старому пальто. Как бы вам сказать... сжился с ним.

— Понимаю. В последний год приверженность к новизне ослабела на четырнадцать процентов, приязнь к старым вещам повысилась на двадцать один процент. Нездоровая тенденция, надо с ней бороться, всемерно повышая качество. Стараемся. Слушаюсь, Получайте старое пальто.

Я напялил возвращенное пальто и убежал.

Ветер по-прежнему раскачивал деревья, на меня сыпались рыжие листья, они шуршали под ногами, я ворошил их, вдыхая густой запах прели.

Потом я сел на скамейку и спросил себя, чего мне надо?

Мне ничего не было нужно. Я не находил себе места.

Тогда, поколебавшись, я попросил Охранительницу соединить меня с Мэри Глан. Мэри появилась сейчас же, как я послал вызов.

Она сидела на диване, поджав под себя ноги, и смотрела на меня настороженно и иронически.

— У вас много терпения, — сказала она. — Я ожидала вызова раньше.

— Здравствуйте, Мэри, — ответил я. — Не понимаю, о чем вы говорите?

— Значит, так, — сказала она. — Приближается праздник Первого снега. Ваш друг Павел Ромеро собирается отметить его угощением у костра. Все будет как в старину, точность обычаев он гарантирует. Я хочу, чтоб вы сопровождали меня. Вы согласны?

— Раз вы хотите, то да, конечно. В свою очередь, я приглашаю вас с Павлом, но не на праздник, а на испытание станции дальней галактической связи. Вам будет интересно.

— Вы приписываете другим свои желания, — возразила она. — У вас, кажется, друзья на всех звездах, а у меня там никого нет. Как и ваш друг Ромеро, я привязана к Земле, а для ориентировки на ней хватает Охранительницы. Сомневаюсь, чтоб мне было интересно.

Мэри говорила, что Павел мне друг, так, словно поддразнивала меня. Я сказал сухо:

— При такой общности земных интересов, вы, пожалуй, больший друг Павлу, чем я. И раз вас не интересует испытание галактической связи...

— Общий сбор у Коровы. Доброго кувыркания в облаках! — сказала она и исчезла.

Это был последний большой праздник года. Не считая торжеств, отмечающих великие даты освобождения человечества от социальной несправедливости, на Земле празднуются дни поворотов в природе: Зимний солнцеворот, Большое таяние снега, Первый дождь, Летний солнцеворот, Большая летняя гроза, Первый снег. В этом году не у всех была уверенность, что удастся торжество Первого снега. Праздник требовал слишком много энергии. Все ресурсы Земли были отданы строительству СВП-3. Выдвигались и другие соображения: половина населения планеты уехала на космические стройки, а тем, кто остался, было не до праздников: началась предпусковая горячка на станции сверхдальней связи.

Но Управление Земной Оси выполняло свою программу неукоснительно. Если на Земле останется один человек, желающий повеселиться, для него развернут все установленные праздники.

Я думаю, это правильно. Мой помощник Альберт, увидев, какой размах принимает подготовка, направил Большой протест: «Человечеству сейчас нет времени праздновать, кроме, может, отдельных весельчаков. Для кого вы стараетесь?». Большая ответила со всей электронной рассудительностью: «Каждый человек достоин всего, чего достойно человечество». После такого объяснения Альберт забыл о протестах и выкроил в собственном своем бюджете времени часы для праздника.

Как всегда, снеговые тучи готовили заблаговременно. Их прессовали над северной акваторией Тихого океана. Для интереса я слетал туда на рейсовой ракетке, а на Камчатке забрался в морскую авиетку. Меня предупредила Охранительница, что надо теплее одеться, но я пренебрег ее советом, и раскаялся. В толщах туч холод был адский. Кругом простиралась непроницаемо белая пелена, похожая скорее на скрипящую под руками вату, а не на влажный туман летних туч. Для меня оказалось новостью, что заранее готовится не только влага, но и снег: тучи были спрессованы из мельчайших льдинок, им предстояло лишь немного укрупниться, чтоб образовать готовые снежинки.

Я пригласил и Альберта на праздник Первого снега, ни Ромеро, ни Мэри не возражали. Альберт явился раньше всех, за ним я. Альберт сидел на ступеньках памятника Корова и по обыкновению что-то вычислял. Он всегда вычисляет — в свободное и несвободное время.

— Опаздывают ваши друзья, — сказал он и опять занялся вычислениями.

Я сел рядом с ним на ступеньках памятника. Это местечко перед Пантеоном — любимое место свиданий. На приземистом, красного гранита, постаменте корова склоняла рогатую голову, всматриваясь в меня темными выпуклыми глазами. Я в тысячный раз прочитал надпись, почему-то она всегда трогает меня: «Кормилице людей. Благодарное человечество». Я закрыл глаза, повторяя надпись про себя. Во мне поднялись и прошли торжественно-широкие мысли. Никто давно не пьет молока от коров, но хорошо, что человечество не забывает свое прошлое.

Над каменной, рыже-черной коровой неторопливо шли облака, обычные облака этого дня, не те, что нагатавливались для праздника. Клены и каштаны стояли голые, лишь высокие узкие дубы не хотели прощаться с ржавыми листьями. Лужи затягивал ледок. Мир был суров и юн.

— Опаздывают ваши друзья, — повторил Альберт и, закончив одно вычисление, принялся за другое.

На площади опустилась авиетка с Ромеро. Кабина была заставлена свертками и пакетами, были даже два ведра. Ромеро помахал нам рукою.

— А Мэри? Ее еще нет? Ладно, сейчас я ее доставлю.

Пока он летал за Мэри, на площади приземлились еще три авиетки, из них вылезли друзья Ромеро, мужчины и женщины, они здоровались и спрашивали, где Павел. Затем снова показалась авиетка Ромеро, за ней другая, с Мэри.

— Кажется, все в сборе? — сказал Ромеро, весело оглядывая нас. — По креслам,

друзья, и — за мной!

У Мэри был хмурый вид, настроение не праздничное. Мне она сердито сказала, глядя в сторону: — Вы не исполняете обещаний. Приняли приглашение, но не удосужились залететь за мной.

— Я думал, что за вами залетит Павел, как, впрочем, и произошло...

Не слушая моих оправданий, она отошла. Она показывала, что не желает со мной разговаривать.

Я уже подумывал, не отказаться ли от экскурсии. Если бы не Альберт, я постарался бы незаметно улизнуть.

— Алло-гоп! — сказал Альберт и полез в авиетку.

Ромеро взял курс на север. Внизу проплыли три гряды жилых колец, затем потянулись парки, их сменили поля и леса. Ромеро шел на излучину реки Синюхи, где она образует петлю, поворачивая с запада на восток. На заросшем деревьями полуострове я не раз проводил летние дни, купался, влезал на дубы и тополя.

Ромеро опустился на полянку, в центре излучины, один за другим садились мы, составив полукруг из авиеток.

— Здесь! — сказал Ромеро, потопав ногами по земле. — Снег назначен на шестнадцать, у нас четыре часа впереди. Потратим это время на сооружение костра и приготовление еды. Сегодня, вероятно впервые в жизни для многих из вас, вы попробуете снеди и напитки, к которым не прикасались электронные руки автоматов. «Будем подобны предкам!» — вот девиз нашего сегодняшнего праздника.

Ироничный, малоподвижный Ромеро, в практических делах скорее наблюдатель, чем участник, сегодня с энергией командовал. Мы с Альбертом собирали валежник и ломали сухостой, другие мужчины расчищали местечко для костра, женщины распаковывали свертки и доставали необычную посуду — фарфоровые тарелки, металлические вилки и ножи, хрустальные бокалы, скатерти из странного материала.

— Где вы достали такое старье, Павел? — спросил я.

— В музее. Надеюсь, вы не подумали, что для обеда в манере предков я прибегу к услугам автоматизированных столовых? Скатерти из чистого льна — великолепно, правда?

— Грубоватая ткань, жесткая, как бумага. Надеюсь, еда не из музея? Я не хотел бы глодать котлеты, приготовленные пятьсот лет назад.

— Успокойтесь, из музея одни вина, да и им, конечно, не пятьсот лет, хотя они очень стары! Но вино, чем старше, тем лучше, — так считали в добрые старые времена, а нам сегодня предстоит проверить, верно ли это. Я угощу вас свежайшим шашлыком из натурального барашка. Вчера еще наш шашлык блеял в саду музея.

— Вы убили это бедное животное, Павел?

— Дорогой Эли, предки не убивали, а приготавливали барашков. Я его приготовил, то есть зарезал, освежевал, разрубил мясо на кусочки, посолил, залил уксусом, приправил луком и высыпал в ведро — томиться...

Он с наслаждением описывал свои действия, у него горели глаза. — Не делайте кислого лица, мой друг, наши предки не падали в обморок при виде крови, как, боюсь, произошло бы с некоторыми нынешними мужчинами.

Ручаюсь, вы пальчики оближете, когда попробуете шашлыка.

Костер, раздуваемый ветром, взметнулся пологом багрового пламени, дым обвивал пламя, как кружево ткань. Я взял на себя обязанность надзирателя огня, Ромеро важно назвал меня «дневальным по печке». Это было все же лучше, чем возиться с его дурно пахнущим мясом. К шашлыку Павел пристроил Альберта, тот нанизывал мясо вперемежку с луком на металлические шесты, похожие на прутья садовых решеток, — их тоже привез с собой Ромеро.

Время шло к шестнадцати, небо опускалось все ниже. Тучи шли быстро, густые и темные, в любую минуту из них мог вывалиться снег. Дубы, окружавшие полянку и костер, рассыпали багровые листья, их засасывало к костру нисходящими и отбрасывало вверх

восходящими токами воздуха: листья кружились над огнем стай больших медленных бабочек. Альберт разместил шесты, мясо шипело, с него капал жир, чадно обволакивая горящие сучья. Меня стало подташнивать от усилившегося неприятного запаха.

Без пятнадцати четыре Ромеро предложил взять рюмки и стал открывать бутылки. Пробки окаменели в горлышках, одна бутылка сломалась сама, от других отбивали горлышки камнем. От вина шел густой аромат, в нем смешивалось что-то хорошее и что-то неприятное. Я заметил, что и другие, прежде чем хлебнуть вина, украдкой принимались к нему.

Охранительница передала каждому торжественный бой часов, и, молчаливо прислушиваясь к нему, мы по команде Ромеро подняли бокалы.

— Зима идет, друзья! За хорошую зиму!

Стал падать первый, еще крупный снег, и мы выпили вино. Не могу сказать, чтоб оно мне понравилось. В нем была терпкость, оно жгло во рту, как кислота, хотя скорее было сладко, а не кисло. В старину вино смаковали, но я чувствовал, что меня затошнит, если буду долго держать его во рту, и я проглотил его залпом. Альберт покривился, словно глотал жабу. Я сказал тихонько, чтоб не слыхала Мэри, сидевшая по другую сторону Альберта:

— Не знаю, как наши предки ели, а пили они невкусно.

Он отозвался громким шепотом: — Ели они еще хуже. Я попробовал кусочек шашлыка — гадость порядочная. В нем не чувствуется мяса.

— А у вас побагровели щеки! — сказал я со смехом. — И все лицо отекло. Боюсь, вино не опьянило, а отравило вас, а может, вы просто молодой, легкомысленный человек, и потому... Дайте мне вот тот длинный жезл шашлыка. Хочу проверить, так ли он невкусен, как говорите вы... Речь идет о наших предках, надо это понимать, Альберт, я никому не позволю, чтоб наших великих предшественников...

— Ладно, ладно, вы раньше сжуйте хоть четвертинку вашего жезла!

Альберт оказался прав. Не то что четверти, даже и десятой шашлычного жезла невозможно было проглотить. Натуральное мясо и вправду пахло чем угодно, но не мясом — дымом, угольями, сажей, пережаренным жиром, жилами, костями. И в нем не было той сочности и свежести, той ароматной мягкости, что радуют в настоящем синтетическом мясе. Я жевал кусок, перекатывая его из одного угла рта в другой, он был весь собран из каких-то терпких нитей и неперекусываемых железных пленок. Если бы такую продукцию выдали в столовой, все кухонные автоматы немедленно бы отправили на завод на ремонтниковку за полной непригодностью.

Мэри, усердно жевавшая кусок, вдруг с отвращением выплюнула его в траву.

— Наплевательское отношение к великим традициям, — сказал я. — Не кажется ли вам, Мэри, что вы оскорбляете тех, кто жил задолго до нас?

— Мне кажется, что вы не в себе, — огрызнулась она. — Раньше вы при каждом слове попеременно краснели и бледнели, сейчас вы только красны. И вы многословны, этого тоже за вами не было.

— Вы не отвечаете на мое... на мой призыв... нет, вопрос! Итак, я говорю, что вы осуждаете еду, которая тысячи лет...

— Выпейте еще, — посоветовала она.

— Наполните бокалы! — возгласил Ромеро. — Пусть льется по жилам чудесный напиток древних.

Я выпил. Меня мутило от жира, осевшего на зубах и на языке. Снег падал все гуще, он становился мельче. Небо темнело, земля светлела, торжественная белая одежда заволакивала землю. Земля засыпала. Мне тоже захотелось заснуть, я покачнулся и чуть не упал в костер. В ужасе я оглянулся, не видел ли кто, как я внезапно ослабел. Каждый был занят собой, на меня не глядели. Огонь костра боролся со снегом, сучья парили, дым вставал зонтом, лишь в глубине тускло тлел жар и змеились глумливые огоньки. Я не мог оторвать глаз от костра.

— Вам плохо? — спросил Альберт. — Поедьте лучше домой. Мне тоже надоело это скучное варварское веселье.

— Как? — переспросил я. — Я молчу. Я не говорил, что скучно. Я переживаю случившееся, дорогой... Альберт. Не надо пропускать лучшего времени для пищеварения. Итак, что вы сказали?

— Ладно, посидим еще, — согласился он. — Только дальше, по-моему, будет еще скучнее.

Кто-то запел, Ромеро подхватил. Сперва звучало два голоса, затем вступили Мэри и Альберт, и песня стала всеобщей. Я тоже подтягивал, но тихо, чтоб не мешать певцам, я редко попадаю в лад. Потом я замолчал, лишь слушал и оглядывался. И мало-помалу, по капле, по слову, по взгляду, по жесту я стал проникать в сумрачную картину дикарского таинства, совершающегося вокруг меня.

С невидимого неба обильно валил снег, посередине тускло парил костер, а кругом костра люди, раскачиваясь, невпопад ревели песни. Я с ужасом открывал на каждом лице еще неизвестные мне выражения ярости, воинственного одушевления и жестокого восторга. Люди, мои соседи — я сам был не больше чем одним из них, ничуть не лучше любого из них, — радовались неизвестно чему, опьяненные, обожравшиеся, темно ликующие. Я закрыл глаза, но страшная картина гремящих вокруг костра людей с тупо пьяными рожами не пропала, а усилилась. Я снова раскрыл глаза. Люди все (так же сидели кружком и что-то надрывно были сливающимся в один звук пением. Я вспомнил о моих товарищах, разбросанных по звездным просторам, никто из них и помыслить не мог, чем мы сейчас заняты.

Я встал и подобрался к Мэри. Она с испугом взглянула на меня.

— Вставай! — приказал я.

Для убеждения я рванул ее за руку.

— Что с вами? — говорила она. — На вас лица нет!

Неужели на вас так плохо действовало вино? Эли, вам надо принять лекарство...

— Хватит! — требовал я и тянул ее за собою. — К чертовой матери это чертово!.. В общем, мы едем! Садись в авиетку!

К нам подскочил обрадованный Альберт:

— Я с вами! Ну, молодцы, наконец надумали!

Мы бегом пустились к авиеткам. Мэри уже не упиралась, даже обогнала меня. У авиеток нас настиг тяжело дышащий Ромеро. Он схватил меня за плечо, я едва устоял на ногах.

— Ну! — сказал я. — Не очень, слышишь ты!

— Вот, значит, как! — не говорил, а шипел он. — Умыкание невест — так это когда-то называлось! А меня, по-вашему, не надо спрашивать? У вас не явилось мысли, что я могу быть против, любезный Эли?

— Нет. Не явилось, — сказал я. — Зато мне явилась другая мысль. — Я повернулся к Мэри и Альберту: — Вы летите домой, а я немного задержусь. Нам, как старым друзьям, надо кое о чем потолковать с Павлом.

— Я не позволю!.. — начал он, но я стал между ним и авиетками. Он замолчал, всматриваясь в мое лицо.

Я тоже молчал.

— Мы вас ждем! — крикнула Мэри. Ее авиетка унеслась в темноту снегопада, за ней пропала авиетка Альберта.

Только после этого я заговорил.

— Теперь можно не стесняться, — сказал я. — Какой вывод вы собираетесь сделать из данного происшествия, высокоуважаемый Ромеро?

Он сперва повернулся к распевавшим у костра людям, потом со злой усмешкой поглядел на меня. В темноте, слабо озаренной снегом и бликами костра, я видел лишь его белое лицо, усмешку и сверкающие глаза.

— Когда-то был хороший обычай, — сказал он медленно. — Если двух мужчин разделяла женщина, они сами решали свой спор, не прибегая к помощи Охранительниц,

Больших и Малых и прочих Справочных и Академических. Вы меня понимаете, высокомуудрый Эли?

Я согласен на любой вариант — шпаги, пистолеты, винтовки... Оружие возьмем из музея.

Я изучал его бешеное лицо, стараясь сообразить, насколько он серьезен. Меня безобразно мучил гнев.

— Я не такой поклонник старины, как вы, — ответил я. — Что до меня, то предпочитаю для дуэли аннигиляторы. Тут есть некоторое преимущество перед прежними формами поединков — побежденный увеличивает собою мировую пустоту...

— Короче говоря, вы отказываетесь из трусости, — сказал он надменно. — Могу вам сказать одно: трусостью еще никто не покорял сердца женщин.

— Да? — переспросил я, надвигаясь на него. — У вас, конечно, опыт — такой покоритель сердец!.. А не приходит вам в голову, рыцарь мужества, что я сейчас схвачу вас за грудки и выбью вашей стройной фигурой дупло в одном из дубов?

Теперь и он изучал мое лицо, пытаясь разглядеть, как далеко я готов пойти. Когда он заговорил, голос его звучал спокойно и хмуро:

— Что же, такой способ тоже был — драка на кулачках, зубами и ногами. Лично я не поклонник неандертальских манер. Но если вы настаиваете, то отойдем в сторонку...

— Нет, — сказал я. — Это вы настаиваете, а не я. Я хочу спать, а вы мешаете мне возвратиться домой. Пустите вы меня или нет? Еще минуту я потерплю, а там — не взыщите! Он колебался всю отпущенную ему минуту. Зато теперь он снова был прежний — ироничный, немного высокомерный, любезный Ромеро.

— Вы правы, мой друг. В наше время кулаком не завоевывают сердца женщин. И в пылу наших споров я позабыл, что меня ждут гости. Пренебрегать обязанностями хозяина в старину почиталось не меньшим грехом, чем показать трусость. Видимо, я опьянел. Я, как и вы, в первый раз пробую старинное вино. Желаю доброго сна.

Он пошатнулся, поворачиваясь. Я поддержал его. Он высокомерно отвел мою руку.

— Стой! — сказал я с яростью. — Должны же мы когда-нибудь поговорить, как друзья, Павел? Не идите к костру, вам не место там.

— Позвольте мне самому выбрать себе место. И разрешите вам заметить, проницательный друг, я не нуждаюсь ни в чьих советах.

Я опять не пустил его.

— Я не советую, а спрашиваю. Почему вы на Земле, а не на Оре? Что вам делать сейчас на Земле?

— Станный вопрос! — сказал он, пожимая плечами. — А что мне делать на Оре? Вы, кажется, забыли, что там ваша сестра?

— Я ничего не забыл. Вы должны лететь на Ору.

Он уже не вырывался.

— Вы преувеличиваете мою выдержку, — сказал он сумрачно. — У нас с Верой нет дорог друг к другу. Если бы вы знали, как безобразно мы поссорились еще тогда, на звездолете...

— Я видел вашу ссору. Это получилось случайно, но я все видел.

— Значит, вы видели и то, как хладнокровно она прогнала меня? По-вашему, это можно снести?

— Глупец, она рыдала после вашего ухода! Слушайте, Павел, каждый день на Плутон уходят три экспресса, вы еще успеете к ночному.

— Я подумаю, — сказал он. — Сейчас меня ждут гости.

Я смотрел ему вслед. Он шел быстро и легко. Опьянение с него слетело сразу.

— Проснитесь! — кричал он. — Как здоровье после вчерашнего? Мы с Мэри добрались великолепно. Она передает вам привет. Да проснетесь ли вы наконец?

— Что случилось? — спросил я, вскакивая. — Почему такая спешка?

— Разве вы забыли, что сегодня опробование связи с Орой? Я вызываю вас уже из Сахары. Кого из ваших друзей приглашать?

— Жанну — жену Андре, и Мэри. Впрочем, я уже пригласил их.

— А наш вчерашний хозяин Ромеро?

— Думаю, он уже катит на Плутон.

Я быстро оделся и поспешил к аэробусу в Сахару.

Там уже все было подготовлено к открытию связи. С нашей стороны начинала работу СВП-3, на Оре вступала отосланная нами СВП-2.

Гостей было немного, среди них Жанна. Я провел ее в зал и сел рядом с ней. Она попросила продемонстрировать во время сеанса связи места, где произошли сражения со зловредами, я пообещал сделать все, что будет возможно. Жанна, тихая, скромно одетая, как села на свое место, так уже не вставала, хотя до пуска оставалось много времени.

Потом появилась Мэри. Она с улыбкой пожала мне руку. Все в ней меняется, когда она весела.

— Что вы сделали с Ромеро, Эли? Вы знаете, что он сразу после праздника улетел на Ору?

— Вас это огорчает, Мэри?

— Разве похоже, что я огорчена? Вы, кажется, заподозрили, что я увлечена вашим другом?

Я сдержанно сказал:

— Очень рад, если не увлечены.

Положительно у нее было неплохое настроение. Я первый раз видел ее такой веселой.

— Эли, вы разговариваете так, словно сами влюбились в меня. Не забывайте, что у нас нет взаимного соответствия. Ничего хорошего для вас из этого не получится.

— Как и для вас, — сказал я и показал ей место рядом с Жанной.

Пуск установки был поручен Альберту.

Альберта аттестовали человеком необычайных математических способностей, и за короткое время сотрудничества я убедился, что в аттестате не было преувеличения. Он, конечно, уступал любой машине в скорости расчетов, но по яркости непрерывно взрывающих его мозг идей напоминал Андре, — может, поэтому я так к нему привязался. Альберт разместился в специальной кабине, устроенной тут же в зале, позади нас. Перед нами зиял темный ящик, нечто вроде сцены театров — приемный стереообъем станции. Возмущения плотности пространства, переведенные дешифраторами на язык человеческих звуков, линий и красок, должны были вещно изобразиться в стереообъеме.

— Луч в пространстве, — сказал Альберт в двенадцать часов.

Внешне все совершалось без эффектов — Земля не затряслась и не загудела, атмосферу не полоснуло пламя, даже кресла не дрогнули. Но каждый из нас знал, что в мировое пространство рванулся поток энергии еще не слыханной мощи и концентрации. Прими этот поток иную, более вещественную, форму и попади в него любая планета — даже вспышки не произойдет, просто исчезнет планета, словно и не было ее никогда. И от одной мысли, что мы присутствуем при высвобождении чудовищно огромных сил, я испытывал гордость и радость. Если бы иных результатов и не имели наши старания, кроме подчинения человеческой воле таких масс активной энергии, то и это было бы значительно.

— В луче звездолет, — доложил через несколько минут автомат. — Расстояние — полпути до Оры.

— Это «Кормчий», — воскликнул Альберт. — Очертания старого звездолета.

Стереообъем дымно сиял, и в нем плыла одинокая темная точка. Это мог быть любой звездолет — и старый, и новый.

— Ора в луче! — крикнул Альберт, опережая автомат.

Ора летела навстречу, быстро увеличивалась в тумане стереозкрана. Это были пока наши импульсы, отраженные от нее, потом стали действовать ее собственные. Мы увидели зал Звездных Приемов, много людей, среди них Веру, Ольгу, Аллана, Мартына Спыхальского.

— Так что же? — сказал Спыхальский с подходящей случаю торжественностью. — Откроем первую быстродействующую галактическую передачу? Ора докладывает Земле: мы в луче.

Я ответил за всех, находившихся на станции, а также за всех, кто в этот момент слушал и наблюдал на планете:

— Земля горячо обнимает вас!

Спыхальский доложил, что установка СВП-2 смонтирована и пущена в срок, а до нее была налажена связь со звездолетами и близкими светилами при помощи первой модели. Связь работает отлично. «Звезда со звездой говорит напрямую, запаздываний нет!» — сказал он, а после обратился к текущим заботам Оры. Это были обычные успехи и трудности гигантского строительства, разбросанного в космосе: как выполняется график возведения новых планет, монтаж искусственных солнц, на какую звезду, когда и сколько доставили материалов, кто из экипажей космических кораблей и бульдозеров (так он называл Звездные Плуги) вышел в передовые, кто отстает. Но для нас, дышавших одним дыханием с друзьями, перелопачивающими мировые просторы, каждая мелочь была важна.

— Нам бы хоть еще десятка два Звездных Плугов, — попросил Спыхальский. — Такие вы здоровые и всевластные, Земля, не можете поискать на планетах, прикрикнуть на кого следует, чтоб зашевелились поэнергичней.

Альберт сказал мне:

— Введен еще один канал на Ору. Предоставляется вам лично для срочной передачи. Куда сфокусировать?

Я удивился: зачем мне личная передача, да еще срочная? Вера видела меня, мы обменялись улыбками, очевидно, после Спыхальского она заговорит с нами.

Я сказал Альберту:

— У меня нет секретов. Сфокусируйте в обычный видеостолб.

Я увидел инженера с Оры. Он приветствовал нас и сказал, что подключает канал связи на Вегу. «Три минуты, — предупредил он. — К сожалению, на большее не хватает!» После этого я увидел Фиолу.

Она была с подругами в тех же непроницаемых садах, превращавших полдень в сумерки. И подруги, и она вспыхнули столбами пламени в полутьме сада, лишь потом стали различимы лица.

— Фиола! — крикнул я в восторге. — Фиола!

В забывчивости я протянул ей руки.

— Здравствуй, Эли! — пела и смеялась она. — Я вижу тебя на далекой Земле! Здравствуй, Эли! Я знаю, ты был болен.

Я несколько раз повторил: «Фиола, милая Фиола!», а она отвечала: «Здравствуй, Эли, как ты себя чувствуешь?».

— Великолечно, Фиола! — воскликнул я. Мне и вправду казалось, что никогда я не чувствовал себя так хорошо. — А ты? Скажи, как ты, Фиола?

— Я тоже. Я хочу тебя видеть, Эли!

— И я тебя!

— Приезжай, хорошо?

Тут нам сказали, что три минуты кончились, и я успел лишь крикнуть на прощанье:

— Обязательно приеду, Фиола!

Когда Фиолу выключили, Мэри холодно сказала:

— Подруга ваша, бесспорно, красочна, но внешность у нее довольно нечеловеческая. Вы, значит, тоже улетаете? Будете на Веге, передайте вашей змее поклон от земных девушек.

Я громко рассмеялся. Мэри посмотрела на меня с возмущением. Она собиралась

сказать что-то очень язвительное, я видел по ее лицу, но в это время в стереообъеме появилась Вера.

— Мы заканчиваем подготовку экспедиции, — сказала Вера. — Уже почти на всех кораблях установлены доставленные от вас механизмы. Сообщаем Большому Совету, что Галактический флот ждет приказа выступить в Персей.

Мне она сказала:

— И мы все ждем тебя, брат.

— Уже скоро, — ответил я. — Уже скоро, Вера.

Альберт отключил Ору. Первая передача по необходимости носила еще краткий и немного парадный характер. Теперь надо было выяснить, как далеко наши механизмы.

— Перевожу луч на Гиady, — сказал Альберт.

Это было значительно дальше Оры, до Гиад сто двадцать светолет. Перед нами одна за другой появлялись планетные системы, в межзвездном пространстве были локированы четыре наших звездолета. Альберт отвел луч от Гиад и усилил энергию излучения механизмов. В стереоэкране загорелись светила Плеяд.

— Это произошло здесь, — сказал я Жанне.

— Расстояние в пятьсот светолет, — объявил Альберт.

Плеяды были пусты. Ни один звездолет не мчался между светилами. Великолепное скопление было мертво. Альберт перевел луч в центр звездной кучки, на Майю, он высвечивал пространство, где произошло сражение человеческой эскадры со звездной флотилией врага, — пространство было темно и мрачно, в нем еще не рассеялась пыль недавней битвы.

Альберт высветил край скопления. Одну за другой мы увидели все три планеты празднично яркой Электры — и ближнюю, окутанную дымом, и дальнюю, закованную в вечный лед, и среднюю, разрушенную Сигму, где мы потеряли Андре. Сигма была сера и тускла, ее не озаряло вечернее сияние автоматических светильников. Жанна тихо плакала, не вытирая слез, чтоб не потерять плывущую в стереообъеме планету. Я не утешал Жанну, меня самого охватило волнение, когда я увидел эту несчастную планету. Я снова слышал последний, отчаянный крик Андре: «Эли! Эли!».

— Попробуем теперь достать скопление в Персее, — сказал я Альберту.

Наступил решающий момент испытания. Земля выбрасывала свои могучие локаторные и позывные лучи на пять тысяч светолет. Теперь должно было стать ясно, оправдались ли расчеты нашего проекта или мы потерпим поражение.

Несколько минут прошли в молчаливом ожидании. Потом в стереоэкране зажглось великолепнейшее из скоплений нашего района Галактики — две звездные кучки, несколько тысяч ярчайших светил... Я видел знакомую картину, ровно год я каждый день рассматривал ее в командирском зале несущегося в Персей звездолета. И снова я не сумел отделаться от старого, жутковатого ощущения, будто я вижу удар столкнувшихся звездных кулаков, — звезды разлетались в стороны, как осколки...

— Он говорил, что слышит крик, исторгаемый из звездной кучки, — горестно прошептала Жанна. Я тоже вспомнил об этом странном высказывании Андре.

Скопление встало, звезды в нем разбежались — локаторный луч механизмов вторгся в его нутро. Теперь мы были где-то неподалеку от Угрожающей.

— В сверхсветовой области две флотилии звездолетов, — бесстрастно доложил автомат. — Идут параллельными курсами, скорость не выше ста световых.

Мы увидели точки, медленно плывущие в светящемся тумане стереообъема. В первой группе было пять, во второй семь кораблей. Куда они шли? Нападать на заблокированные планеты галактов? Обычный рейс в безраздельно контролируемом ими пространстве или свирепая попытка уничтожить внутренних звездных врагов, перед тем как подоспеем мы, враги внешние?

— Передайте сообщение, — сказал я Альберту.

Это было воззвание из нескольких слов, его обсудили на Земле, довели до сведения

всех космических станций и строительных объектов, оно было первым воззванием человечества всему звездному миру:

«Говорят люди. Слушайте нас, звездожители. Мы несем мир и благоденствие всему разумному и справедливому. Ждите нас!»

— Продолжая локировать Персей, передаю воззвание, — сообщил Альберт. — В третьем канале связи принимаю все передачи на пространственных волнах.

Крейсеры врага по-прежнему бурно стремились к какому-то объекту, ничто не показывало, что они приняли передачу. Оба скопления Персея молчали, звезды не откликались на могучий клич человечества, мгновенно переброшенный через тысячи светолет пути. Приемники ловили все возмущения пространства, но пространство было спокойно. На всех направлениях к звездной сфере, пронизанной нашим лучом, космос был невозмутимо одинаков. Я улыбался, сидя в кресле. Молчание космоса не имело значения. Он скоро заговорит, в этом я не сомневался. Звездам нужно время, чтоб поразмыслить над нашим воззванием. Самое важное в другом: мы теперь имели способ разговаривать с дальними уголками Галактики так, словно наши собеседники сидели рядом. Они еще молчат, но мы их уже видим, они нас слышат — скоро, скоро они откликнутся!

Превращение Земли в величайшее ухо, глаз и голос Вселенной удалось!

— Перевожу локирование, передачи и прием на автоматическую запись, — сказал Альберт и дал свет в зал.

Я протянул руки Жанне, обнял ее.

— Ты видела места, где исчез Андре, места, где он сейчас томится, — сказал я. — Не исключено, что наше воззвание дойдет до него и он поймет, что мы, уже по-настоящему подготовленные, идем вызволять его! Верь, Жанна, верь — ждать уже недолго!

Она вытирала покрасневшие глаза. Я повернулся к Мэри. Мэри не было.

— Твоя знакомая ушла, когда показался Персей, — сказала Жанна. — Она тихонько поднялась и вышла.

Я хотела обратить твое внимание, но ты так следил за этими крейсерами... Тебя огорчает ее уход, Эли?

— Нисколько, — сказал я весело. — Скорее наоборот — радуется.

После этого я обратился к Альберту:

— Итак, пуск состоялся. В соответствии с решением Большого Совета я с этой минуты свободен. Желаю успеха, Альберт.

Он крепко пожал мне руку.

14

Теперь оставалось немного. Вещи были собраны заранее и ждали меня на космодроме. До отправления вечернего экспресса на Плутон оставалось три часа, Я вызвал Мэри. Охранительница отыскала ее на одном из городских проспектов. Мэри шла домой, сердитая и заплаканная. У нее были красные глаза, я различал это даже в видеостолбе.

Она вздрогнула, когда я неожиданно засветился перед ней.

— Вы пытались убежать, — сказал я, — но я вас нашел. И я хочу, чтоб вы немедленно прилетели ко мне. Мне очень нужно вас, Мэри...

Она смотрела в сторону, потом сказала очень неохотно:

— Ладно, вечером. Если у меня появится настроение видеть вас...

— Вечером будет поздно, Мэри. Я улетаю на Ору сегодня.

Пораженная, она взглянула мне в глаза. Она поняла, что я не шучу.

— Хорошо, я вызываю авиетку.

Мы появились на космодроме одновременно. У нее опять переменялось настроение. Теперь она была недобрая и язвительная. Она не протянула мне руки, она собиралась на прощание посмеяться надо мной.

— Когда прибудете на Вегу, передайте... — начала она, но я прервал ее:

— Не знаю, удастся ли скоро побывать на Веге. Мы идем в Персей. Я хочу, чтоб вы полетели с нами.

У нее стал такой удивленный вид, что я рассмеялся. Она совсем рассердилась.

— Я не из тех, кто любит шутки, — сказала она в негодовании. — Очень жалею, что приехала вас провожать.

Я задержал ее:

— Я не шучу, Мэри. Ничего я так в жизни не хотел, как чтоб вы сопровождали меня! Что вас держит на Земле? Вам будет хорошо, обещаю! А на Плутоне вы возьмете все, что вам нужно в дальнюю дорогу.

Она колебалась. У нее опять появились слезы на глазах.

— Удивляюсь вам, — сказала она. — Вы, кажется, задумались над тем, что мне хорошо и что плохо. До сих пор вы больше думали о себе.

— Это потому, что до сих пор я чаще бывал с собою, чем с другими, Мэри. К тому же, мужчины эгоистичней женщин, так написано в древних книгах. Но теперь все это переменится.

— Вы решили покончить со своим мужским эгоизмом?

— Наоборот, стремлюсь ублажить его. Оставить вас на Земле и потом не знать ни днем, ни ночью покоя — что с вами, не влюбились ли в кого, не заболели ли?

В тысячу раз спокойнее, если вы рядом, — смотри в глаза, сколько хочешь, говори, когда хочешь, беги исполняй желания, с наслаждением слушай, как тебя ежедневно, ежечасно, ежеминутно пробирают!.. Я слишком большой эгоист, чтоб упустить свое счастье.

— У вас странный эгоизм, Эли.

— Какой есть. Идемте, Мэри, остались минуты... Она сделала шаг к звездолету и остановилась. У нее грозно хмурились широкие брови.

— Но предупреждаю, Эли: вашу прекрасную змею...

Я весело прервал ее:

— Она будет и вашей. Вы с Фиолой рождены быть подругами. Идемте, идемте, Мэри!